

Алексей Федотов

ВЛАДЫКА

Историческая повесть

Иваново
2024

ББК 84(2)
Ф34

Федотов, А. А.

Владыка: историческая повесть /А. А. Федотов. – Иваново, 2024. – 274 с.

В повести, основанной на документах и воспоминаниях очевидцев описываемых событий, показывается жизненный путь архиепископа Амвросия (Щурова), в 1977–2006 гг. управляющего Ивановской (с 2002 г. Иваново-Вознесенской) и Кинешемской епархией. Переплетение его судьбы и судеб тех, с кем он встречался на жизненном пути, с историческими событиями двадцатого столетия делает книгу интересной для широкого круга читателей.

Повесть была опубликована на портале «Правчтение» Издательского совета Русской православной церкви, портале «Наука и религия» одноимённого журнала, сайте «Русская народная линия»; ее фрагменты публиковались в литературном журнале «Новая Немига литературная» (Минск), литературно-историческом журнале «Александр» (Москва).

ISBN 978-5-6052037-6-6

© Федотов А. А., 2024

Глава 1. Выбор жизненного пути

Крещение

Настоятель Никольского храма села Турово протоиерей Евгений внимательно посмотрел на юношу, который в тот морозный зимний день 1947 года подошёл к нему после окончания службы, чтобы сказать о своём желании креститься. Священник давно заметил этого молодого человека, нередко приходившего на богослужения. Внимание настоятеля привлекло не только то, что люди такого возраста редко бывают в церкви, но и его внутренняя собранность, обычно не свойственная молодежи. Приходя в храм, юноша как вставал где-то в уголке, так и стоял, пока служба не закончится. Они несколько раз разговаривали до этого, и отец Евгений знал о тех испытаниях, которые выпали на долю Анатолия.

Анатолий со своей матерью Александрой Устиновной жили в деревне Киселёво, в двух километрах от Турово. Когда-то их деревенский дом вмещал в себя большую семью. Кроме них в нём жили отец Анатолия Павел Семёнович, братья – Павел, Иван, Дмитрий и Василий, сёстры – Екатерина и Евдокия. Но потом словно град разных бед обрушился на них.

Сначала раскулачивание, которое Анатолий помнил смутно, поскольку был совсем маленьким. Память сохранила лишь какие-то моменты. Описание имущества – когда буквально всё было переписано на грязные жёлтые листы и вынесено из дома.

Те, кого признавали кулаками, облагались налогом, уплата которого была непосильной. По-

мимо собственно сельхозналога, самого по себе непомерного, добавлялись еще культжилсбор и самообложение – каждое в размере 200 процентов от суммы сельхозналога. Получалось, что он вырастал в пять раз, становясь порой намного больше той суммы, с которой начислялся. Чтобы покрыть долг по налогу, описывали имущество, оцениваемое, как правило, очень невысоко. Получалось, что люди, которые по меркам начала 21-го века и так были сравнительно бедными, не только лишались всего, что у них было, но ещё оказывались должны недоимку по уплате налога.

... Анатолий вспоминал яблоню во дворе их дома. Крона дерева была настолько густой, что позволяла в летние дни укрываться под ней не только от солнца, но и от дождя. Накануне прихода комиссии в этих густых ветвях тогда удалось спрятать несколько сундуков с самым необходимым.

Юноша вспоминал, как после того, как комиссия ушла, вывозя всё их нехитрое имущество на их же старой телеге, к которой верёвкой привязали такую родную корову Чернавку, семья, как бы страшась сразу заходить в разорённый дом, села обедать во дворе. Обед для двух взрослых и семи детей представлял собой чугунок отварной картошки «в мундире». На душе у всех было тоскливо и пусто. Всё было разграблено, и при этом сказано, что это они ещё остались должны, потому что всё их имущество не покрывает суммы налога, подлежащего уплате... Из всех домашних животных после раскулачивания в доме Щуровых остались только несколько куриц и петух на насесте. Дмитрий по поручению матери попытался спрятать в лесу лошадь. Но лошадь всё равно нашли, а Александре Устиновне пришлось проходить исправительные

работы в совхозе, созданном неподалёку от их деревни на месте закрытого монастыря.

Щуров Павел Семёнович Щурова Александра Устиновна

Это был очень сильный удар по семье. А через несколько лет – в 1939 году – умер Павел Семёнович. Старшие братья и сёстры Анатолия начали разъезжаться по разным уголкам необъятной России. С матерью остались только самый младший сын Анатолий, родившийся в 1930 году, когда ей было около сорока лет, и один из его братьев – Дмитрий, который родился в 1920 году и, следовательно, был на десять лет старше.

Жить в опустевшем доме было всё труднее. Мать с сыновьями заколотили его и переехали в Москву.

А вскоре началась война. Дмитрия призвали на фронт. Расставание было тяжёлым: не только мать плакала, но и сам молодой солдат прощался с

ней и младшим братом со слезами на глазах. Как будто чувствовал что-то... Дмитрий погиб в 1942 году.

Погибли и Павел, и призванный из Кронштадта Иван, которому к началу войны было 23 года. У Ивана в войну погибла жена. В живых остался Василий, но Александра Устиновна и Анатолий некоторое время после войны считали его погибшим...

15 октября 1941 года Государственный комитет обороны СССР принял решение о частичной эвакуации жителей Москвы. Александре Устиновне сказали, что она с одиннадцатилетним Анатолием могут поехать в Челябинскую область. Но мать решила вернуться в Киселёво.

Их дом, простоявший заколоченным, сохранился, несмотря на то, что пустовал несколько лет. Только внутри ничего не было: уезжая, они оставили голые стены.

Привыкли к осиротевшему дому они достаточно быстро: слишком много забот подкидывал каждый день, чтобы оставалось время горевать о прошлом. Мужчин в деревнях тогда было мало – почти всех призвали на фронт. Мужская работа легла на женские плечи. Александра Устиновна с другими деревенскими женщинами ходила на работу в колхоз в нескольких километрах от Киселёва. В качестве зарплаты их там кормили и давали с собой немного хлеба.

Анатолий, которому к тому времени исполнилось двенадцать, оставался в доме один. Всё домашнее хозяйство при полном отсутствии того, что называют «удобства» оказалось на нём, но он не унывал. Скорее ему даже нравилось самому преодолевать жизненные сложности, стоит только постараться. Летом он не по одному разу в день ходил в

лес за грибами, которые сам же и сушил в самостоятельно натопленной печи. Эти грибы были большим подспорьем матери и сыну в голодные военные годы.

Потом они пообустроились. На пятнадцати сотках придомового участка разбили огород, завели коз. Когда первый раз высаживали семена на огороде, то свекла оказалась кормовой. Но в то время даже она показалась им сладкой...

Обстоятельства сложились так, что Анатолий много времени проводил в одиночестве. Но это совсем его не тяготило. От своих сверстников, учившихся вместе с ним в школе деревенских парней, он очень отличался. Порой его это раздражало, но по-другому вести себя он не мог.

Война закончилась, занятия в школе велись в обычном режиме. В учёбе Анатолий был прилежен, а вот интересы сверстников – выпить самогона, подраться, чтобы узнать, кто сильнее, погулять до утра с деревенскими девчонками – он не разделял. Доброжелательность и такт в общении, редкие у деревенских парней, не позволяли сверстникам его обижать или смеяться над ним, но принять его мировоззрение они не могли.

В 1943 году религиозная политика советского государства изменилась – интенсивные антицерковные репрессии были свёрнуты. Начали открываться храмы, к службе в которых стали возвращаться священнослужители. Некоторых из них для этого выпускали из мест лишения свободы или демобилизовывали из действующей армии.

Церковь в Турове, закрытая в 1930-е годы, открылась в 1944 году. Впоследствии её вновь закрыли в рамках инициированных Хрущёвым антицерковных репрессий 1958–1964 годов. Но до этого

было ещё далеко. В 1944 году настоятелем Никольского храма в Турове назначили протоиерея Евгения.

Анатолия очень заинтересовало открытие церкви всего в двух километрах от его деревни. Дошёл он до нее не сразу. Сначала пробовал задавать вопросы матери. Александра Устиновна религиозностью не отличалась, хотя и прожила первые семнадцать лет своей жизни до революции, когда православие было государственной религией. Анатолия родители даже не крестили. Не потому, что были убеждёнными атеистами, просто время было такое: храм их закрыли, а там раскулачивание началось. Не до этого. Да и женщина, пережившая разорение своего дома, смерть мужа, гибель нескольких сыновей на войне, не очень была расположена обращаться к каким-то высшим силам: «А что толку?»

Но вот в этом Анатолий, обычно с уважением относившийся ко всему, что говорила ему мать, с ней не соглашался. Он не знал тогда ещё, что такое молитва, но часто, выходя ночью во двор, поднимал глаза к небу и обращался к Кому-то Неведомому с просьбами о самом сокровенном, что было на его сердце. В эти минуты в его душе наступало необыкновенное умиротворение. Как будто и не было всех тех страшных испытаний, которые им с матерью пришлось пережить. Этого состояния он научился достигать в самых разных местах, когда был один, – и в лесу, и в поле.

Анатолия потянуло в храм. Никольская церковь в Турове не очень древняя – её построили в 1834 году. Кроме главного Никольского престола в ней были приделы в честь Покрова Пресвятой Богородицы и великомученицы Варвары. Юноша с

интересом рассматривал храм сначала снаружи, а потом и внутри. Ему в нем все нравилось.

По душе ему было и богослужение. Конечно, нестройное пение хора из нескольких возрастных деревенских женщин было далеко от совершенства, но Анатолий этого не замечал. Храм оказался тем местом, где он мог как перед звёздным небом, или в лесу, или в поле, обратиться к Кому-то Неведомому и получить мир и успокоение своей юной душе.

Помимо глубокой мистической настроенности юношу отличал и практичный острый пытливый ум. У него возникло много вопросов. Однажды он подошёл к настоятелю отцу Евгению, чтобы их задать.

Никольский храм села Турово. В настоящее время заброшен

Священнику понравился молодой человек. Он обстоятельно ему на всё ответил. Рассказал, что по-

ка Анатолий не крещён, ему нельзя исповедаться и причащаться, но в церковь он приходит может.

– Так крестите меня! – попросил юноша.

– Походи немного сначала, присмотришься, – ответил ему священник. В его памяти слишком свежи были преследования со стороны государства за «вовлечение в религию» молодых людей, но и оттолкнуть человека, который так стремился к Богу, он не мог.

Анатолий ходил в Никольский храм около года перед тем, как подошел к отцу Евгению второй раз, уже с настойчивой просьбой о крещении. Священник давно ждал этот разговор.

– Хорошо, – коротко сказал он. – Завтра я тебя крещу. Но не здесь, а в доме. Не будем привлекать лишнего внимания.

Ночь накануне крещения Анатолий совсем не спал. Он то и дело выходил во двор, устремляя взор в звёздное небо. Его душа трепетала. Было ощущение того, что что-то очень важное должно с ним произойти.

Когда на следующий день отец Евгений крестил его, то Анатолию показалось, что он стал каким-то другим, каким хотел быть раньше, но не мог. Молодой человек сказал об этом священнику. Тот помолчал немного и произнёс: «Я вряд ли чему смогу тебя сам научить. Но времена пока стали не очень тяжёлые для верующих, даже семинарии открылись. Поезжай в Загорск, поступи в семинарию. Мне кажется, что ты призван быть священником».

Анатолий, только что крестившийся, был одновременно и удивлен и взволнован. Как всякий юноша, завершающий обучение в школе, он думал о том, какой будет его дальнейшая жизнь, какую профессию выбрать. Он не боялся деревенской рабо-

ты, но она ему не нравилась. Как единственный сын у матери, сыновья которой погибли на войне (про Василия они еще ничего не знали), он не подлежал призыву. А значит, был свободен в выборе дальнейшего жизненного пути не после армии, а уже сейчас.

Ответ на долгие раздумья, вопрошания, куда идти дальше, обращённые к звёздному небу, был им получен.

– А что нужно для поступления в семинарию?
– спросил он священника.

Отец Евгений посчитал своим долгом рассказать ему о том, как многотруден путь священника в современном мире, какие испытания могут выпасть на его долю, как изменчива государственная политика.

Но Анатолий его больше не слушал – свой выбор он уже сделал.

Поступление в семинарию

С проблемами, о которых его предупреждал отец Евгений, посоветовавший ему поступать в семинарию, Анатолию пришлось столкнуться сразу, как только он начал собирать документы, но не сразу после их разговора зимой, а летом – незадолго до того, как их нужно было подавать, думая, что всё это получится быстро. И о наивности своей не раз пожалел.

Образование у него, как считал Анатолий, было вполне достаточным – шесть классов за плечами. А куда больше учиться, если война да работа по дому с раннего детства, а потом и в колхозе? Хоть и не были они с матерью колхозниками, но жизнь уже их научила, что не участвовать в колхозных

работах себе дороже. По возрасту он уже выпускником десятилетки мог бы быть, а сам и семилетку не окончил. А может, для поступления в семинарию нужно законченное образование?

Молодой человек решил посоветоваться с директором школы, который всегда к нему хорошо относился, выделял его особые, по сравнению с другими учащимися, способности к познанию нового. Сначала Анатолий думал дипломатично умолчать о намерении поступить в семинарию, сказать о желании поступить в институт. Однако директор школы был одним из немногих людей, кому он доверял и, как оказалось, не зря. Подумав, тот сказал:

– Вопрос очень сложный, конечно. Но вот сейчас, возможно, такой момент, когда судьба повернулась к тебе светлой своей стороной после всего, что выпало на твою долю в прошлом. У меня друг – директор средней школы в Кимрах. Я в эти выходные поеду к нему в гости. Будем с ним на рыбалке, вдали от чужих ушей, подумаем, как тебе помочь.

В послевоенной советской школе экстернат в исключительных случаях был возможен. И у местной школьной администрации были достаточные полномочия, чтобы определить, какой случай является исключительным. А тут и братья, погибшие на фронте, и необходимость помогать начинающей стареть матери.

Так что директор считал, что у Анатолия есть очень большие шансы в следующем, 1949 году, после шестого класса закончить сразу десятый и получить аттестат зрелости. Вот помочь ему с документом об окончании семилетки он не мог, хотя, казалось, всё было в его руках:

– Как узнают, что ты в семинарию пошел, так мне сразу проверку пришлют, на каких основаниях я тебе документ выдал.

– А в Кимры не пришлют?

– Ты там не местный. Приедешь сдать экзамены и всё, кто больно знает тебя. Только не болтай про семинарию.

– А у меня получится сдать там экзамены?

– Получится, – уверенно кивнул директор.

И действительно, на следующий год Анатолий, заканчивающий первый класс Московской духовной семинарии, получил в семинарии трехнедельный отпуск для поездки домой, чтобы помочь матери: сдал в Кимрах экзамены за курс средней школы и получил аттестат зрелости. Но до поры до времени он никому его не показывал, чтобы не подвести директоров школ, которые ему помогли.

Вроде бы и не нужен был ему уже аттестат, дающий право поступать в вузы, – никуда после семинарии Анатолий идти не планировал, а в семинарию, куда он поступал, как прошедший шестилетнее обучение в неполной средней Туровской школе, его и так приняли. Но он не мог не оценить того жизненного шанса, который ему так неожиданно предоставил директор школы, и не использовать его посчитал неблагодарностью по отношению к тем, кто совершенно без каких-либо задних мыслей так по-доброму к нему отнесся.

1948 год для Московских духовных академии и семинарии был особым: они окончательно переезжали из Новоспасского монастыря Москвы в Троице-Сергиеву лавру Загорска, как тогда назывался Сергиев Посад. Подавал Анатолий документы в Москве, а учиться начал уже в лавре. Но за то, что-

бы поступить в семинарию, ему пришлось побороться.

Прошение и автобиография, которые Анатолий написал для поступления в Московскую духовную семинарию, были наивными, но именно этим могли тронуть. В прошении он обращался к ректору, то как к архиерею, то как к священнику, путал семинарию с пастырскими курсами, которыми она была в недавнем прошлом, злоупотреблял заглавными буквами, произвольно чередуя их со строчными. В автобиографии он рассказал о своих родных, но ничего не написал о себе, видимо полагая, что незачем, если эти данные уже есть в анкете.

В прошении было написано: «Прошу Вас, Высокопреосвященнейший ректор, принять меня в Духовную Семинарию на 1-й курс. По семейным обстоятельствам я не мог получить семь классов Туровской НСШ и окончил шесть классов. Образование своё я дополнил изучением молитв и слова Божия. Вообще, что требуется по программе для поступления в 1-й класс Духовной Семинарии. Прошу Вас, о. Ректор, в моей просьбе не отказать. Я человек истинный христианин. Люблю ходить в церковь, слушать слово Божие. И если меня сподобит Господь быть слушателем ваших пастырских курсов, я постараюсь приложить все силы к этому, чтобы быть достойным учеником Московской Духовной Семинарии. Уважаемый о. Ректор, прошу не отказать в моей просьбе. К сему Щуров».

В автобиографии не было указано даже фамилии, имени, отчества, года и места рождения автора, зато содержалась следующая информация: «Родители мои Щуров Павел Семёнович и Щурова Александра Устиновна жили в деревне и занимались земледелием. В общем были крестьяне серед-

няки. Нас детей у родителей было семь человек – 5 братьев и 2 сестры, которые в настоящее время замужем. В эту войну все мои братья погибли на фронте Отечественной войны, остался я и две мои сестры. В колхоз мои родители не пошли, как и раньше остались единоличники. Отца у меня нет. Он умер ещё в 39 г. Сейчас дома живет одна мать, имеем только 15 соток приусадебного участка».

Составление этих бумаг с непривычки заняло у Анатолия достаточно много времени, но был ещё целый ряд документов, получение которых зависело не от него. Сельсовет не спешил выдавать справки о составе семьи и об отношении к военной службе (сам Анатолий в анкете указал, что отношения к ней не имеет), и юноша решил поехать без этих справок.

Отец Евгений, который и посоветовал поступать в семинарию, идею написать рекомендацию для поступления воспринял без энтузиазма. Но в итоге всё-таки написал на тетрадном листке с двух сторон, на всякий случай, назвав ее «биографией» и указав рядом с подписью на отсутствие печати. В рекомендации значилось: «Анатолий Павлович Щуров сын бедных родителей селения Киселёва Туровского прихода Кашинского РИКа Калининской области остался малолетним после смерти отца. Мать едва воспитывала своих пять сыновей. В настоящую войну четыре брата погибли на фронте. Анатолий Павлович остался при матери хозяином. Жил более дома, ходил изредка в церковь, но был внимателен к службе. Возымел желание в нынешнем году креститься и крестился. Раньше вёл себя исправно: не был ругателем, ни пьющим водки, не гуляка по ночам. Человек вежливый и смиренный. Имеет домашнее воспитание, но знает все первона-

чальные молитвы, читает часослов по славянски. Села Турово Туровской Никольской церкви протоиерей Вердин Евгений Мих.»).

Анатолий отвез документы в Москву и стал ждать ответа, который вскоре и пришел, но содержание его было не тем, которое могло устроить упорного юношу.

Анатолий думал, что его примут в семинарию без недостающих справок, так как на клочке бумаге он написал убедительное на его взгляд обоснование, которое и приложил к остальным документам: «Преосвященнейший о. Ректор, остальные два документа – справки о семейном положении и воинской повинности задерживает сельсовет, ссылаясь на то, что якобы сейчас уборочная компания. Но я не член колхоза. Но задерживает он лишь потому, что я поступаю в Духовную Семинарию».

Анатолий Щуров, 16 лет

Анатолий Щуров, 20 лет

Семинарское начальство это обоснование никак не убедило. В конверте, полученном Анатолием, было письмо на половине листа, подписанное инспектором Московской духовной семинарии профессором протоиереем Сергием Савинским. Его содержание исключало двоякое толкование: «На Ваше прошение сообщаем, что до предоставления недосланных Вами документов: справки об отношении к воинской повинности и о семейном положении прошение Ваше рассматриваться не будет».

Другой бы отступил, но не Анатолий. Про недостаточность шести классов для поступления в семинарию не было сказано ничего. Но и это препятствие было устранено уже в следующем году. Однако год в восемнадцатилетнем возрасте тянется как вечность – хочется всё сейчас. Вот только сельсовет не хочет, чтобы он поступил в семинарию.

Анатолий долго молился накануне дня, когда ему снова нужно было идти за справками. И пошёл он на следующий же день после получения письма из семинарии. На удивление справки ему в этот раз дали сразу, только в один день одну, а во второй – другую: решили заставить его походить, чтобы лишку не зазнавался. Письмо было подписано отцом Сергием Савинским 11 августа, а уже 17 и 18 августа юноша получил недостающие справки.

Препятствий к началу учёбы больше не было: с сентября он стал воспитанником первого класса Московской духовной семинарии.

Глава 2. Целибат

В семинарии

Идти на экзамен по догматическому богословию к отцу Сергию Савинскому семинаристы боялись. Этот худощавый человек с седой бородкой, достаточно недавно ставший священником, не относился к числу снисходительных преподавателей. Его совсем не устраивали общие ответы экзаменуемых. Смотря на отвечавшего поверх очков в тонкой оправе, профессор спрашивал: «А как бы поточнее?»

«Поточнее» подразумевало знание наизусть цитат Священного Писания, что для русских семинаристов послевоенного времени казалось почти невозможным. Да и позже многие семинаристы и студенты духовных академий советской эпохи не считали целесообразным заучивание наизусть цитат из Библии, мотивируя это тем, что «мы же не протестанты». То, что протестанты, с которыми некоторые из них имели возможность познакомиться во время экуменических встреч, периодически организовывавшихся церковным руководством в определённый период советской истории, хорошо знали Священное Писание, делало в их глазах такое знание чем-то отрицательным. «Прямо как баптисты наши», – говорили те, кто был знаком и с русским вариантом протестантизма, возможным в ту эпоху.

Впрочем, бездумное заучивание «Катехизиса» митрополита Филарета в первом классе семинарии приводило к тому, что многие из знавших его почти наизусть, толком не понимали его содержание. Отец Сергей Савинский относился к числу богосло-

вов дореволюционной эпохи. Получив степень кандидата богословия в 1901 году в Киевской духовной академии, с 1902 года он преподавал догматическое, нравственное и основное богословие в Черниговской духовной семинарии. Вступил в брак, а прошение на рукоположение подавать не стал. В 1907 году получил учёную степень магистра богословия, в 1916 году был назначен инспектором Черниговской духовной семинарии. После революции преподавал в Черниговском учительском институте, работал бухгалтером. Переходил в обновленчество, преподавал в обновленческой богословской академии в Москве. После её закрытия остался в столице, найдя работу бухгалтера.

Знаменитая встреча И. В. Сталина с православными иерархами в 1943 году положила начало перемен в государственной религиозной политике Советского Союза. Сергей Васильевич Савинский был привлечён к созданию новых духовных учебных заведений, открытие которых стало возможно в рамках этих перемен. 1 декабря 1943 года его назначили проректором богословского института и заведующим богословско-пастырскими курсами в Москве. С учетом того, что ректор богословского института – протоиерей Тихон Попов – был назначен только 28 августа 1944 года, С. В. Савинский стал первым руководителем Московских духовных школ. После преобразования богословского института и пастырско-богословских курсов в Московские духовные академию и семинарию, был назначен новый ректор – протоиерей Николай Чепурин. С. В. Савинский стал инспектором.

После внезапной кончины отца Николая Савинский с 7 февраля по 28 октября 1947 года исполнял обязанности ректора Московских духовных

академии и семинарии. Священником Сергей Васильевич стал только в 1947 году в возрасте 70 лет, за семь лет до своей кончины. В этом же году образованной Священным Синодом при Московской духовной академии аттестационной комиссией он был утверждён в профессорском звании.

*Выпускники Московской духовной семинарии 1952 г.
Второй справа Анатолий Щуров*

Пасха Христова в 1951 году была 29 апреля. А на Светлой седмице семинаристам в Загорске назначили экзамены. Три семинариста – Владимир Пашков, Василий Подлесных и Анатолий Щуров стояли во дворе Лавры, о чём-то оживлённо споря.

– У всех нормальных советских людей Первомай, а у нас экзамены, – недовольно пробурчал Владимир.

– Тебя же никто насильно сюда не направлял, – медленно проговаривая каждое слово, возразил ему Анатолий Щуров.

– Да, сунулся вот, а теперь... впрочем, довольно об этом: говорю я, что всё получится! – горячо заговорил Володя.

– Ну, если и получится, то совсем в этом ничего хорошего нет, – не согласился Анатолий. – Мы же учиться сюда поступили, а не оценки получать.

– А если «двойки» поставят? – не унимался Владимир.

– Значит плохо подготовились. Догматическое богословие – основа для будущего пастыря. Нам не «двойки» страшны, а незнание основ православной веры.

– Да, ну тебя! Ты как старый дед занудный! Иди куда хочешь! А ты со мной? – обернулся Володя к Василию.

Тот отрицательно помотал головой.

– Ну, и идите к своему Сергею Васильевичу! – раздраженно махнул рукой Владимир.

– Отцу Сергию, – поправил Анатолий. – Он священник.

– Священник! – насмешливо передразнил его Володя. В семьдесят лет стал священником, как в народе говорят: «На Тебе, Боже, что нам негоже». Да его даже митрополит Варфоломей Сергеем Васильевичем зовёт!

– Но ты же не митрополит, – спокойно возразил ему Анатолий. – А пришедшие в одиннадцатый час получают от Господа ту же награду, что и пришедшие в первый.

– Зануда! – ещё раз махнул на него рукой Владимир и пошёл в сторону Троицкого собора лавры.

А Анатолий с Василием пошли на экзамен.

Анатолию нравилось учиться в семинарии. Троице-Сергиева лавра поразила деревенского юношу величием своих храмов, других строений. Хотя

всё это и нуждалось в серьёзных восстановительных работах, но не лишилось былого великолепия. Молодому человеку нравились новые слова, которые он узнавал во время учёбы, и своему другу Василию Подлесных сказал, что лавра произвела на него неизгладимое впечатление «своей сакраментальностью».

*Здание Московских духовных академии и семинарии.
Середина XX в.*

Анатолий очень тонко чувствовал духовный мир. Это чувство, во многом интуитивное, было ему присуще с детства. Когда он в первый раз подошёл к мощам преподобного Сергия Радонежского в Троицком соборе лавры, то почувствовал особое присутствие святого. Как будто он рядом с ним, и можно с ним поговорить, как...

Юноша задумался, как с кем поговорил бы с преподобным. Как с отцом? Но с отцом они никогда не говорили о таких вещах, о каких он хотел бы

поговорить со святым. Как с другом Василием? Но с преподающим не будешь говорить так запросто. И наконец, в его голове появилось подходящее сравнение – как с отцом Вениамином.

Архимандрит Вениамин (в миру Виктор Дмитриевич Милов), до революции учившийся в Казанской духовной академии, не смог её окончить в силу тех перемен, которые принесли в Россию события, связанные с октябрём 1917 года. Но в 1922 году ему удалось окончить со степенью кандидата богословия неофициально действовавшую Московскую духовную академию. В апреле 1920 года в Даниловом монастыре Москвы состоялся его монашеский постриг; уже в 1923 году он стал архимандритом и наместником Покровского монастыря в Москве. Неоднократно арестовывался, был в заключении – в 1929–1932 и в 1939–1946 годах.

15 июня 1946 года его освободили, и уже с июля того же года он стал жить в Троице-Сергиевой лавре.

В этом же году начал преподавать в академии и семинарии. В 1947 году стал доцентом, в 1948 году защитил магистерскую диссертацию и два года был профессором и инспектором Московских духовных школ. Интересна тема магистерской диссертации, избранная священником, пережившим столько гонений: «Божественная любовь по учению Библии и Православной Церкви (Опыт раскрытия нравственной стороны православно-христианского догмата веры из начала любви)». С 1949 по 1954 год вновь был в ссылке, а почти сразу после неё Священный Синод избрал его епископом Саратовским и Балашовским. Архиерейское служение епископа Вениамина было недолгим. Но 12 июня того же года определением судебной коллегии Верховного суда

РСФСР он был реабилитирован «за отсутствием состава преступления». А всего через несколько месяцев (2 августа) епископ Вениамин скончался. Многие из прихожан Саратовской епархии были уверены в его святости.

Анатолий недолго имел возможность общения с отцом Вениамином: юноша поступил в семинарию в сентябре 1948 года, а 10 февраля 1949 года архимандрита уже вновь арестовали. Но и за это непродолжительное время священник оставил в душе молодого человека неизгладимое впечатление. Он преподавал в первом классе семинарии церковнославянский язык, и Анатолий за какие-то месяцы овладел до этого непонятным ему языком, как русским. Бывали моменты, когда душу юноши охватывала тоска: в его недолгой жизни уже было немало испытаний, а будущее казалось таким неопределённым... Но стоило ему посмотреть в большие добрые голубые глаза отца Вениамина, как приходило успокоение. Впрочем, в глаза кому-то архимандрит избегал смотреть, он всегда опускал взгляд вниз.

Интерьер жилой комнаты Московской семинарии в середине XX в.

Внутренние помещения семинарии до реставрации

Должность инспектора, казалось, тяготила отца Вениамина. Он предполагал, что тот, кто её исполняет, должен следить за дисциплиной семинаристов, наказывать их за провинности. Для бесед с провинившимися он приходил вечером в их общую комнату. Садился на скамейку (стульев не было – время бедное). Терпеливо ждал, когда семинаристы поужинают, прочитают вечерние молитвы, и только потом начинал говорить. Но строгости в его словах не было никакой.

Семинария тогда располагалась в части бывшего дворца императрицы Елизаветы. Всенощное бдение служили в одном из залов, который называли «чертоги». Владимир Пашков, как убежденный либерал, во время помазания на всенощном бдении не целовал руку отца Вениамина. «Лишнее», – с усмешкой говорил он возмущённым сокурсникам. Но когда Володя трижды так сделал, то инспектор после службы подошёл к нему и поцеловал его руку...

– Это удивительно было видеть, как инспектор целует руку у воспитанника. И этим смирением всё сказано! Ты должен смириться и, как положено по

нашему православному чину, целовать руку священнику, когда принимаешь от него помазание, – горячо говорил Владимиру Анатолий.

Но тот отмахнулся:

– Полно тебе! Просто чудной он.

А через несколько месяцев отца Вениамина арестовали. Многие преподаватели семинарии нравились Анатолию – протоиерей Александр Ветелев, Николай Иванович Муравьёв, Николай Петрович Доктусов, священник Дмитрий Боголюбов, Николай Иванович Аксёнов. Нравился ему и отец Сергей Савинский, на экзамен к которому так страшилось идти другим семинаристам. Но такого впечатления как отец Вениамин в его душе не оставил ни один из них.

Митрополит Новосибирский и Барнаульский Варфоломей (в миру Сергей Дмитриевич Городцов) в то время нередко приезжал в Московские духовные школы. Во время таких приездов патриарх Алексей Первый предоставлял ему для проживания свои покои в лавре. Во время приезда на Светлой седмице 1951 года старцу митрополиту оставалось всего несколько месяцев до 85-летия. Его жизненный путь был сложным. В 1890 году С. Д. Городцов окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. После вступления в брак в 1892 году был рукоположен в сан священника. Служил в Грузии. В 1914 году подготовил к печати магистерскую диссертацию. В годы Гражданской войны овдовел. В 1923 году был арестован и выслан в Уфу на пять лет. После пересмотра дела в Москве 5 октября 1924 года его отправили в Соловецкий лагерь особого назначения на два года. В 1926 году был выслан в Сибирь; 1

января 1930 года – в город Богучар Воронежской области, где находился до конца 1933 года.

31 мая 1942 года после пострига в монашество с именем Варфоломей был рукоположен в сан епископа Можайского, викария Московской епархии. На следующий день возведён в сан архиепископа. В ноябре 1942 года назначен архиепископом Ульяновским, 26 июля 1943 года архиепископом Новосибирским и Барнаульским. В 1949 году был возведён в сан митрополита, избран почётным членом Московской духовной академии. В 1951 году за совокупность научных трудов удостоен степени доктора богословия.

Во время приездов в лавру митрополит Варфоломей если сам не служил, то во время богослужений молился в Троицком соборе. Найти его было непросто: он стоял в простом подряснике, без панатигии, затерявшийся в толпе старушек. Но Владимиру Пашкову не составило труда найти архиерея. Для убедительности он привёл с собой трёх семинаристов – более сговорчивых, чем Анатолий и Василий. Все они слёзно просили митрополита помочь им сдать экзамен у отца Сергия.

Тот улыбнулся, но согласился пойти с ними на экзамен. Радостные семинаристы вели старца архиерея под руки в класс, где проходил экзамен, на четыре голоса распевая пасхальное песнопение «Ангел вопияше Благодатней».

Анатолий уже сдал экзамен, а вот многих его сокурсников присутствие митрополита спасло от «двойки». Видя, что тот или иной семинарист близок к получению неудовлетворительной оценки, архиерей говорил: «Сергей Васильевич, да будет с него!» и махал рукой для убедительности. И недо-

вольному отцу Сергию ничего не оставалось, как с миром отпустить плохо отвечавшего семинариста...

– Видели? – торжествующе спросил Владимир Василия и Анатолия после экзамена. – Всё получилось у меня так, как я и запланировал.

Но в этот раз Анатолий только махнул ему в ответ рукой... Он считал, что нельзя злоупотреблять добротой архиерея. А Василий, которого присутствие митрополита избавило от «двойки», промолчал – ему сложно было найти подходящие слова в такой ситуации.

Разговор друзей

Время обучения в семинарии стало для Анатолия особым периодом в его жизни. Он словно вошёл в новый, доселе неведомый, поражающий своей глубиной мир. Деревенскому мальчику до какого-то момента всё казалось простым и понятным. А теперь он погружался в такие глубины неизведанного, которые раньше не мог себе представить.

Приходя в храм на службу, он старался встать где-то в сторонке, чтобы никому не мешать. Ему не нужно было закрывать глаза для погружения в молитву, во время которой юноша не видел ничего вокруг. Длинные службы казались ему пролетающими за мгновение, потому что в эти моменты он не замечал хода времени.

Наступил 1952 год, летом которого Анатолию предстояло окончить семинарию. В характеристике, подготовленной на него семинарским начальством, говорилось: «Родом из Калининской области. Сын крестьянина. Холост. Здоров. Уравновешен, спокоен, выдержан, дисциплинирован. Склонен к уеди-

нению, замкнутости. Способности хорошие. Усердие и прилежание отличное. Проявил интерес к богословским наукам и богослужению. Внутренне чист и целомудрен, хотя несколько и самолюбив. Религиозная настроенность искренняя и глубокая. Любит Церковь. Хотя и способен учиться в академии, но предпочитает принять сан и определиться на приход, по его словам "бедный и заброшенный". Может быть рекомендован для пастырского служения».

Во время учебы Анатолия в семинарии, государственно-церковные отношения в Советском Союзе, которые можно было назвать тёплыми только в сравнении с предшествовавшим периодом гонений, вновь начали охладевать. Уже с 1948 года – года поступления его в семинарию – со страниц «Журнала Московской патриархии» исчезли сообщения о строительстве новых храмов. Но и до этого факты нового строительства церквей были единичными. Начиная с 1950 года, сокращается численность духовенства. В основном это было связано с тем, что на место выбывших по здоровью или возрасту власти под разными предлогами запрещали рукополагать новых. Сокращалось и число приходов. Начиная с 1949 года постепенно были прекращены богослужения вне стен храмов, отменены крестные ходы, кроме Пасхальных. В 1950 году по рекомендации Совета по делам Русской православной церкви был издан указ о пострижении в монашество только с разрешения патриарха. Начали призывать в армию учащихся духовных школ, не имеющих священного сана.

У Анатолия несколько братьев погибли в войну, поэтому призыв ему не грозил. А вот как стать монахом после издания такого патриаршего указа,

он не знал. Другого же пути в жизни юноша для себя не видел.

– Если бы мне встретиться со Святейшим, то я бы его убедил, что меня можно постричь в монашество, – поделился он как-то сокровенными мыслями со своим другом Василием Подлесных.

– Он не пойдёт против власти, – задумчиво ответил Василий. – Скажет, что ты ещё очень молод, что монашество это выбор зрелых людей.

– Но я не хочу жениться! – категорично заявил Анатолий.

– А кто тебя заставит? Скажет: побудь псаломщиком лет до сорока, потом примешь постриг, если не передумаешь.

Мысль о том, что в ожидании рукоположения в священный сан нужно прожить почти столько же, сколько он уже прожил, показалась Анатолию ужасной.

– Но я хочу служить! – твёрдо сказал он. – Разве нет другого выхода?

– Выход может и есть, – задумался Василий. – Но он сопряжён с большим риском.

– Говори! – глаза Анатолия загорелись.

– Если найдётся архиерей, который рукоположит тебя в священный сан без вступления в брак, то ты будешь целибатом. То есть жениться все равно не сможешь, поэтому причин запрещать твой монашеский постриг у властей не будет.

– А в чём риск?

– Риск в том, что уполномоченный санкции на такое рукоположение не даст. Семинарское начальство тоже. То есть архиерей, который примет такое решение, и ты сам пойдёте поперёк и церковного, и светского начальства.

– Так разве есть такой архиерей? – глаза Анатолия только что горевшие, потухли.

– Думаю, что есть, – ответил Василий.

– И кто он?

– В Ярославле служит архиепископ Димитрий. Он в 1947 году рукоположил в диакона семнадцатилетнего парня, а через два дня постриг его в монахи.

– Как такое может быть?

– Не знаю, но уже в 1949 году владыка Димитрий рукоположил его в иеромонаха. Он несколько лет послужил на приходе, а в этом году архиерей перевёл его в кафедральный собор, назначил ключарём и своим секретарём.

Глаза Анатолия вновь загорелись.

– А кто такой владыка Димитрий? – спросил он.

– Ему уже семьдесят лет. До революции он был на светской работе юриста. В 1917 году участвовал в Поместном соборе. В 1919 году патриарх Тихон рукоположил его в сан священника. До 1942 года в этом сане он служил в Ярославле. В 1943 году принял монашеский постриг, его рукоположили в сан епископа. Был викарием Московской епархии, потом правящим Ульяновским, затем Рязанским, а в 1947 году стал Ярославским. В 1945 году возведён в сан архиепископа.

– Откуда ты так про него всё хорошо знаешь? – подозрительно посмотрел на друга Анатолий.

– У меня тоже есть мысли, схожие с твоими, – признался тот.

– Здорово! А если ему сейчас семьдесят, получается, что монашеский постриг он принял уже в возрасте хорошо за шестьдесят. Он был женат?

– Да, но овдовел ещё в 1938 году.

– А почему он тогда поддерживает молодых людей, желающих стать монахами?

– Сложно сказать, но он же не массово это делает; видимо, промысел Божий.

– А как зовут того иеромонаха, про которого ты говорил?

– Отец Никодим.

– И он в семнадцать лет стал монахом и диаконом, и всё прошло гладко?

– Нет, это ему трудно далось. Родные были против, отец у него партийный. Первые годы ему пришлось всё скрывать.

– Но я не хочу скрывать ничего! – горячо заявил Анатолий.

– А тебе от кого скрывать?

– Но ты сказал, что могут быть неприятности...

– Могут, потому что при нормальном течении дел нужно согласие и нашего семинарского начальства, и уполномоченного, а они его на целибатное рукоположение не дадут.

– А чем это грозит?

– У архиерея могут быть неприятности. А тебе могут не выдать диплом.

Анатолий задумался.

– А ты тоже поедешь к нему? – спросил он.

Василий утвердительно кивнул:

– Поедем к нему вместе?

– Да.

Диаконская хиротония

Друзья не стали откладывать поездку в Ярославль. Ещё не закончились Рождественские кани-

кулы, поэтому буквально на следующий день они приехали в Ярославское епархиальное управление. В то время оно располагалось в деревянном двухэтажном доме на улице Подосёновской. Дом был с высокими окнами, украшенными резными наличниками, и по тем временам мог считаться «шикарным».

Архиепископ Ярославский и Ростовский Димитрий (Граду-сов). Управлял Ярославской епархией с 1947 по 1954 г.

Архиепископ Димитрий принял их приветливо. Это был уже старый архиерей, с большой седой бородой. В молодости он мечтал о карьере оперного артиста, но в 1905 году был сильно избит во время демонстрации и на нервной почве потерял голос. Боли в почках после этого события остались на всю жизнь. Но определённая артистичность в поведении сохранилась, как напоминание о юношеской мечте.

Присущий ему актёрский талант невольно располагал к нему собеседников. Будучи прекрасным оратором и проповедником в годы Великой Отечественной войны архиепископ Димитрий проводил большую работу в поддержку фронта: помимо разъяснений в проповедях и частных беседах, он участвовал в сборе средств и вещей для нужд действующей армии, что встретило одобрение и на государственном, и на церковном уровне. Он был награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и призван к архиерейскому служению. После смерти патриарха Сергия его отношения с новым патриархом Алексием I оказались менее тёплыми, что не мешало архиепископу Димитрию достаточно уверенно чувствовать себя в тех епархиях, назначения в которые он получал. Ярославль он любил – с ним было связано его священническое служение. Перевели его сюда в 1947 году на основании личного прошения. В Ярославле архиепископ Димитрий занимался упорядочением финансового положения епархии, чем нажил себе немало недоброжелателей, в том числе и среди духовенства; организовал реставрацию Феодоровского кафедрального собора.

Когда семинаристы вошли в кабинет архиерея, он встал, опираясь на палку и каждого из них благословил, внимательно глядя им в глаза.

– Значит, мечтаете о монашестве, – задумчиво сказал архиепископ, выслушав их сбивчивые от волнения рассказы. Это доброе дело. Но и сложный путь, каждого желающего вступить на который в любое время человеческой истории, при любых внешних обстоятельствах, будут ждать свои искушения. Нужно соразмерить свои силы. Сейчас я болен, приезжайте ко мне в Пасхальные каникулы. И

если Бог благословит, то ваш жизненный путь во время вашего следующего приезда в Ярославль и определится.

Следующий приезд семинаристов пришелся на Страстную седмицу. Архиерей поручил их заботам эконома и казначея Ярославского архиерейского дома архимандрита Исаяи и своего личного секретаря иеромонаха Никодима. Отец Авель был уже достаточно старый человек, приближавшийся к своему семидесятилетию. Но священником он стал недавно – в 1947 году. До этого свыше сорока лет он трудился на речном транспорте. Семинаристам он не был интересен: такой жизненный путь они для себя не желали – получить возможность служить Церкви только на старости лет. А вот иеромонах Никодим, их ровесник, о котором они знали только по слухам, интересовал их необычайно. Как могло получиться, что юноша стал монахом, священником, а теперь и получил официальное положение в епархии?

Но отец Никодим, хотя и был с ними доброжелателен, к каким-то рассказам о себе не был расположен, а они не смели задавать прямых вопросов. Из-за того, что за последние два года иеромонах располнел, отрастил большую бороду, он казался намного старше своих лет, и семинаристы не могли воспринимать его как ровесника. Особую же границу между ними создавало то служение, которое он нес в епархии. Их удивляло, как он мог найти нужные слова каждому из старых протоиереев в Феодоровском кафедральном соборе Ярославля, а то, что это люди со сложными характерами, было видно невооружённым взглядом.

«Интересно, получилось бы у меня так?» – думал Анатолий.

Архимандрит Исая и иеромонах Никодим строго постились в дни Страстной седмицы. Семинаристов они кормили вместе с собой. Хотя молодые люди и привыкли к ограничениям, но в силу нервного напряжения, связанного с ожиданием судьбоносного момента в их жизни, скудное питание было недостаточным для их организмов, в силу чего эти дни поста казались им особенно тяжелыми. Архиепископ Димитрий встретился с ними только один раз.

– Молитесь, если есть воля Божия, то на Светлой седмице я вас рукоположу, – сказал он им.

Но в праздник Пасхи Христовой архиерею неожиданно стало плохо во время ночного богослужения.

С трудом завершив службу, он слёг. Василий уехал в лавру, а Анатолий остался.

– Вера Ивановна, как владыка? – спросил он в понедельник выходящую из комнаты архиепископа Димитрия врача.

– Неважно, – сухо ответила та.

– А когда он встанет?

– Ну, вставать-то он и сейчас может, – улыбнулась врач. – А ты чего так переживаешь?

– Он обещал меня рукоположить на этой неделе...

– Не знаю, сможет ли он служить так быстро, – задумалась доктор. – Если так переживаешь, спроси меня в четверг.

Однако Анатолий подходил к ней и во вторник, и в среду. Её резкость ничуть его не пугала. И его радости не было предела, когда в четверг он вместо слов «я же сказала в четверг подойти, а сегодня какой день», услышал: «Да, завтра он сможет служить».

В пятницу Светлой седмицы православная церковь совершает празднование иконы Божией Матери «Живоносный Источник». Архиепископ Димитрий в этот день служил Литургию в Никольском приделе Феодоровского собора. Перед началом богослужения он совершил хиротессии Анатолия в чтеца и в иподиакона.

Во время посвящения в чтеца почему-то не оказалось маленькой фелони, которую надевают на посвящаемого.

– Несите священническую фелонь, – распорядился архиерей.

Затем он открыл книгу «Апостол» и протянул Анатолию:

– Читай.

– «Братие, Христос же пришед, Архиерей грядущих благ», – начал читать юноша.

– Апостол пророчествует, что ты будешь архиереем, – вполголоса сказал стоявший рядом отец Никодим, и Анатолий услышал его слова.

За этой Литургией совершилась его диаконская хиротония. Он был рукоположен, не вступив в брак, ему был открыт путь к монашеству.

Архимандрит Исая и иеромонах Никодим поздравили его с принятием священного сана, при этом отец Никодим начал пространно рассказывать, каким должен быть православный священнослужитель, как он должен проходить своё служение.

А архиепископ Димитрий сказал:

– Желание твоего сердца исполнилось сегодня, дорогой отец Анатолий. Где бы ты хотел служить?

– Здесь! – горячо воскликнул диакон.

– Это невозможно, – улыбнулся архиерей. – У нас обоих будут неприятности из-за того, что свершилось сегодня, и то, что я проболел пять дней, а

ты мучился ожиданием, лишь часть этого. Но свершилось то, что должно было свершиться, Господь призвал тебя на пастырское служение, причём так, чтобы ты свою юность и свойственные ей стремления – влюбиться, создать семью – принёс как дар на алтарь Божий. Мы исполнили то, что должны были исполнить. А сейчас возвращайся в лавру, сдавай экзамены, тебе нужно окончить семинарию.

Диакон Анатолий Шуров

– А где же мне служить? – чуть не плача спросил молодой диакон.

– Я дам тебе рекомендательное письмо Новосибирскому митрополиту владыке Варфоломею. Ты ведь знаешь его по семинарии?

– Да.

– Ну, значит, знаешь и то, что это в высшей степени достойный архипастырь. Сегодня тебе оформим документы, завтра и послезавтра послужишь у нас, а в воскресенье после Литургии поедешь в лавру.

Архиепископ Димитрий улыбнулся растерянному диакону и благословил его.

Священник

Диакон Анатолий задержался в Ярославле немного дольше, чем планировалось изначально. Вера Ивановна, показавшаяся такой строгой при первой встрече, дала ему справку, что он болел гриппом с 23 апреля по 1 мая, что позволило ему послужить в Феодоровском соборе Ярославля и пообщаться со ставшими дорогими ему сердцу архиепископом Димитрием и его помощниками ещё несколько дней.

– Пока не говори о том, что ты диакон, нужно сначала окончить семинарию, – сказал ему архиерей на прощание.

Юноше сложно было скрывать то, что переполняло его радостью, но, несмотря на молодость, он понимал, что не всегда всё нужно говорить сразу.

Он вернулся к учёбе, начал готовиться к выпуску. Написал прошение, что изъявляет искреннее желание встать на стезю пастырского служения, но пока не определился в какую епархию ему ехать. При мысли о переезде в Новосибирск появлялось какое-то тоскливое ощущение. «Так далеко буду от мамы», – грустно думал молодой священнослужитель. Как-то он молился в Троицком соборе, чтобы Господь Сам указал ему, как поступить. А

когда вышел из него, то буквально натолкнулся на какого-то грузного священника лет сорока, который вдруг без каких-либо вводных слов неожиданно резко спросил его:

– А ты когда семинарию оканчиваешь?

– В этом году, а что? – растерялся молодой человек.

– Решил, куда поедешь служить?

– Пока нет. Хотелось бы в Ярославль, но там не получается.

– Ярославль! – презрительно передразнил его священник. – И город дурацкий, и архиерей там уже старый. А ты приезжай лучше в Иваново. У нас владыка ещё сильный.

– Иваново... А где это? – растерянно спросил отец Анатолий.

Священник посмотрел на него с таким презрением, как будто он не знал, где находится столица мира.

– В ста километрах всего от твоего разлюбезного Ярославля. Кстати, он до 1936 года в Ивановскую промышленную область входил, так что захолустный городишко, не то что Иваново. У нас одни фабрики чего стоят, не говоря про заводы! Вот тебе адрес Ивановского епархиального управления, приезжай.

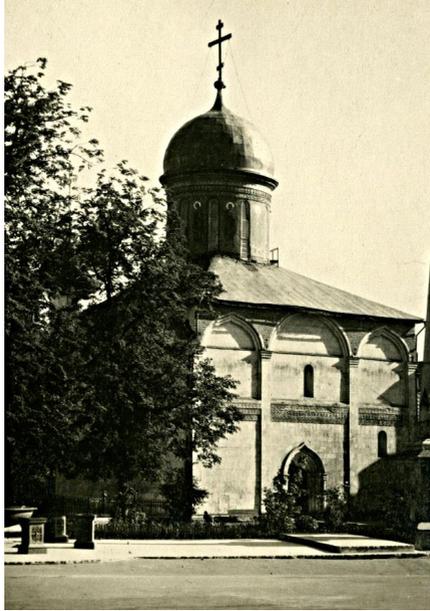
И он буквально силой сунул в руку юноши листок бумаги.

– Так а что я скажу, если приеду? – молодому диакону казалось, что всё это происходит не с ним; настолько неожиданно было появление этого непосредственного священника.

– Скажешь, что отец Николай Корякин тебя направил, – покровительственно ответил ему тот.

Перед тем как окончательно на что-то решиться, отец Анатолий несколько дней напряжённо думал. Затем опять пошёл в Троицкий собор. Здесь, у мощей преподобного Сергия, его чувства и мысли упорядочивались, и нужное решение всегда приходило само собой. Это не казалось каким-то чудом: всё происходило так, как должно было бы быть в любом случае.

Народ пел акафист преподобному. А юный диакон встал за колонну и обратился к Богу: «Господи! Куда же мне ехать? В Новосибирскую или в Ивановскую?»

Троицкий собор Троице-Сергиевой лавры в середине XX в.

Он закрыл глаза... При мысли о Новосибирске сердце тоскливо сжималось, подступало всё нарастающее чувство непонятной тревоги. Но стоило по-

думать про Иваново, как на душе наступало успокоение, будто сердце радостно встрепенулось в ожидании чего-то хорошего... «Ни там, ни там я не был, – думал юноша, – но буду послушен голосу своего сердца – видимо, велению Божию...»

Написал прошение, чтобы ему выдали необходимые документы из личного дела, и поехал в Иваново.

Город показался отцу Анатолию вовсе не таким прекрасным, каким его расписывал отец Николай. Из всех советских городов он был, наверное, самым советским, и это чувствовалось даже в атмосфере. Попов здесь не любили и не уважали. Но тонко чувствующего юношу это почему-то совсем не смутило: Анатолию казалось, что он прибыл туда, где Сам Господь ему определил быть. «В конце концов, Иона же боялся ехать в Ниневию, когда Бог повелел ему предупредить её жителей, что если они не покаются, то все погибнут. И когда он попытался убежать от призвания, то Господь доставил его туда во чреве морского зверя. Так что от Бога и от своего призвания нигде не спрячешься. А меня же тем более никто не заставляет обличать их в грехах», – успокаивал он себя, вглядываясь в недоброжелательные лица ивановцев, когда шёл от железнодорожного вокзала в епархиальное управление.

Ивановское епархиальное управление в то время располагалось в добротном деревянном доме на улице Мельничной. В отличие от ярославского в здании был только один этаж.

Епископ Венедикт принял выпускника Московской духовной семинарии в тот же день. Анатолий всё ему рассказал о себе: и о детстве, и о том,

как пришёл к вере, и о своем стремлении к монашеству, и о своей диаконской хиротонии.

Архиерей задумался. Да, то, на что решился архиепископ Димитрий, действительно давало Анатолию возможность вступить на стезю пастырского служения, оставшись безбрачным, и на порядок облегчало решение вопроса с его монашеским постригом. Но в то же время было много сложностей с Советом по делам Русской православной церкви и его уполномоченными по Московской, Ярославской и Ивановской областями, не говоря уже про патриархию... Епископ Венедикт посмотрел на юношу, и тот показался ему слишком хрупким, чтобы посвящать его в то, что предстоит решить.

– Я попробую это уладить, – только и сказал он.

Епископ Венедикт (Поляков)

Епископ Венедикт показался молодому диакону очень строгим по сравнению с архиепископом

Димитрием. Но он сумел все уладить, хотя это и заняло больше полугода, и стоило ему много сил и нервов. Именно то, что такое количество разных региональных уполномоченных оказалось в этом вопросе переплетено в один клубок, помогло в итоге свести его «на нет». Вывели так, что ни один из них не ответственен за целибатное рукоположение: в Иваново он уже приехал целибатом, в Ярославле его не приняли на служение, а раз нет назначения, то нет регистрации, и соответственно, нет и проблемы. А в Московской области провели разбирательство, в переписке по этому вопросу оказались задействованы и ректор семинарии, и патриархия. Но семинарию целибатный диакон уже окончил, из региона уехал, поэтому перепиской всё и ограничилось.

При этом решившийся принять в свою епархию молодого диакона, несмотря на все эти разбирательства, архиерей не стал откладывать хиротонию Анатолия в сан священника и его назначение на приход. Уже 29 июня диакон Анатолий был рукоположен в иерея и назначен настоятелем Воскресенского храма села Толпыгина Приволжского района Ивановской области.

За несколько дней до хиротонии архиепископ Димитрий прислал епископу Венедикту письмо: «Ваше Преосвященство, Преосвященнейший и дорогой Владыко! Прежде всего приношу Вам глубокую свою благодарность, что призрели "единого от малых" – юношу благочестивого и для великого дела пастырства вполне подготовленного Анатолия (Щурова), который мною и рукоположен уже в пятницу Светлой Недели в г. Ярославле во диакона. Прошу Вас, дорогой Владыко, принять от моего недостойнства самые искренние пожелания спасения

и всякого благополучия. Простите, что пишу плохо, наспех. Помолитесь за меня грешного! Сердечно Ваш недостойный Димитрий, архиепископ Ярославский и Ростовский».

В этом письме было интересно то, что фамилию Анатолия архиепископ написал в скобках – как это пишется о монашествующих. Это было не ошибкой, а скрытым знаком епископу Венедикту, что он ходатайствует о постриге в монашество этого юного диакона. Тот это понял, но сказал ставшему священником отцу Анатолию: «С постригом мы торопиться не будем. Пусть всё уляжется. Года через два-три, думаю, что и это состоится. А пока служи на приходе».

Священник Анатолий Щуров, 1952 г.

Отец Анатолий осознавал, на какой тяжелый путь он вступил, но сердце его радостно трепетало: всё, о чём он мечтал, осуществилось.

Глава 3. Молодой иеромонах

Приезд в Толпыгино

После непродолжительной практики в Преображенском кафедральном соборе в г. Иванове отец Анатолий должен был ехать на приход в село Толпыгино, в который получил назначение. Деревенская жизнь была ему хорошо знакома, но одно дело жить в деревне в качестве обычного деревенского парня и совсем другое в качестве священника. Ему было как-то не по себе ехать в это незнакомое место одному. И тот же отец Николай Корякин, который порекомендовал ему в своё время поехать в Иваново, посоветовал ему пригласить с собой на приход монахиню Нину. Это была сухонькая женщина хорошо за пятьдесят, недавно вернувшаяся из ссылки.

– Ей всё равно некуда податься, а тебе с ней не страшно будет – бывшие ссыльные они народ бойкий, – сказал ему отец Николай, когда Анатолий после окончания службы поделился с ним своими опасениями. И тут же выглянув из алтаря воскликнул:

– Да на ловца и зверь бежит, вон и она. Нина, иди сюда!

Монахиня послушно подошла к солее.

– Ты говорила мне, что хотела бы на какой-то сельский приход уехать, чтобы не на виду быть? – спросил её священник. Он успевал одновременно и говорить, и идти к солее, и тянуть за собой за рукав рясы растерянного отца Анатолия.

– Да, батюшка, – тихо ответила та.

Она держалась скромно, и этим понравилась отцу Анатолию.

– Тогда поезжай с Анатолием в Толпыгино, ему через несколько дней там надо начинать служить, а он молодой ещё, деревенские одного его заклуют.

Монахиня изучающе посмотрела на молодого настоятеля и также тихо сказала:

– А сам-то он хочет ли, чтобы я с ним ехала?

– Да, матушка, – сразу ответил отец Анатолий.

– Тогда я не против: в городе слишком много тех, кто за мной следит.

– А чего за тобой следить? Или ты контрреволюцию какую задумала? – громко засмеялся отец Николай.

– Ничего я такого никогда не задумывала. А то, что в ссылку попала, так ещё апостол предупреждал нас, что все желающие жить благочестиво во Христе Иисусе будут гонимы.

«И Писание знает», – довольно отметил про себя отец Анатолий.

Через три дня они поехали в Толпыгино. Монахиня Нина сказала, что хорошо знает, где это: нужно доехать до Фурманова, а там пешком рукой подать. Хотя надо было за Фурманов проехать ещё километров десять в сторону Приволжска и попросить водителя автобуса остановить. Тогда действительно было бы недалеко идти, хотя и километр по деревенской грязи то ещё удовольствие. А так, для первого посещения Толпыгина им пришлось пройти больше десяти километров. К храму они подошли уже порядком уставшие. Их неприятно поразила развалившаяся ограда вокруг него, внутри которой были неухоженные могилы деревенского кладбища,

в углу которого стоял какой-то плохонький домишко.

У входа в церковь их ждала Евдокия – местная жительница лет шестидесяти, которая торговала в храме свечами.

– Благословите, батюшка, – сказала она, подойдя к отцу Анатолию, который надел рясу перед тем, как им войти в деревню.

А когда он её благословил, то с деревенской непосредственностью воскликнула:

– А молоденький-то какой! Женатый?

– Нет, – смущённо ответил священник.

– Девки наши деревенские тебе прохода не дадут, – засмеялась та.

– Не смущай батюшку, – строго сказала монахиня Нина до того молчавшая.

– А ты кто такая? – повернулась к ней Евдокия, бесцеремонно разглядывая с головы до пят женщину в длинной чёрной одежде, у которой даже чёрный платок был повязан так, чтобы полностью закрывать лоб.

– Это монахиня Нина, она будет мне помогать, – ответил за неё настоятель.

– Монахиня? Ну-ну, – одновременно недоверчиво и недовольно ответила продавщица свечей.

– А старосту мы сейчас сможем увидеть? – спросил отец Анатолий.

– Павла Ивановича? Нет, конечно. Он только, когда со службы приезжает, чтобы выручку забрать. Так-то он в Приволжске живёт.

Настоятеля эти сведения неприятно удивили, но внешне это никак не проявилось.

– А кто нам храм покажет? – спросил он.

– Так я и покажу, – бойко ответила Евдокия.
– Заходите.

Они вошли в храм. Его несколько раз ненадолго закрывали, потом вновь открывали. Сильных разрушений в нём не было, сохранился иконостас, но всё было как-то грязно и неухоженно.

– Мне сказали, что есть церковный дом, – стараясь ничем не выдать свои эмоции сказал настоятель.

– Есть, так вы же мимо него сюда шли, – бойко ответила Евдокия. – Вот вам ключи от него, а мне пока некогда: свиней надо кормить. Свины они важней всего, без них никуда!

– Это кому как. Даже чая не предложила, похоже, не очень они здесь любят священников, – тихо сказала монахиня.

С псаломщицей монахиней Ниной в селе Толпыгине

Она и не догадывалась, до какой степени была права. Один из предыдущих настоятелей жил очень скудно: люди боялись прийти в церковь во время гонений, содержать её и жить священнику было совершенно не на что. Он в прямом смысле нередко голодал, иногда от голода его качало, он падал в голодные обмороки. А деревенские смеялись: «Смотрите, поп опять напился!»

Настоятель с монахиней зашли в дом, ещё более грязный и неубранный, чем храм. В нем была одна комната около шестнадцати квадратных метров и небольшая кухонька. Только одна кровать и матрас, ни подушки, ни одеяла.

– Вы ложитесь, матушка, на кровати, а я на полу на кухне, – сказал отец Анатолий.

Но монахиня категорически не согласилась:

– Ещё чего не хватало! Я ко всякому привыкла, а вам нужны силы, здесь нужно не просто выжить, а восстановить этот храм, создать при нём полноценный приход.

– А как же вы на полу? – молодому настоятелю было очень неудобно.

– А я и не буду на полу, – усмехнулась мать Нина.

За какие-то полчаса она из каких-то ведёрок, досок и тряпок соорудила себе на кухне импровизированное лежбище, выглядевшее более респектабельно, чем кровать священника.

– Теперь давайте посмотрим, работает ли печка, – сказала она. – Вы человек ещё молодой, ни о чём не думаете, а меня жизнь научила, что про бытовые вещи надо думать. Как знала, что нас здесь не покормят. И она достала из сумки пакет с картошкой, буханку хлеба, маленькую пачку чая и несколько кусков сахара.

Печка оказалась единственным, что в этом прогнившем, покосившемся на бок домишке было в приличном состоянии. Они её растопили, монахиня принялась готовить нехитрый ужин, а молодой настоятель сел на лавку и загрустил. «Как же я здесь буду жить?» – подумал он. Но молодость тем и хороша, что грустные мысли также легко уходят, как и приходят. Когда они поужинали, то ситуация уже не стала казаться отцу Анатолию столь безнадежной. В этот день он сразу уснул, стоило ему лечь на кровать и укрыться подрясником. Утром же, когда священник проснулся, прочитал утренние молитвы, он чувствовал себя уже вполне готовым начать возрождать этот храм, который сегодня нравился ему уже намного больше, чем вчера.

Храм Воскресения Слоущего в селе Толпыгине

Настоятель

Прошло около полугода. Отец Анатолий и монахиня Нина обустроились в Толпыгине. Прихожан было много, на службу приезжали и из Фурманова, и из Приволжска. Многим было интересно посмотреть на молодого священника. О настоятеле стали говорить: какой он красивый да какой строгий при этом; при передаче от одной кумушки к другой слухи обрастали дополнительными подробностями. Поэтому народа в храме становилось всё больше. Немало было тех, кт приезжал просто из любопытства. Покупалось много свечей, подавалось много записок, но никаких денег настоятель не видел. На каждую службу приезжал из Приволжска староста Павел Иванович. После её окончания он сгребал все деньги себе в сумку и увозил. Учёта прихода и расхода средств никакого не было, деньги исчезали неизвестно куда, а храм как был в запустении, так и оставался.

Между тем это было время, когда по «Положению об управлении Русской Православной Церкви» 1945 года настоятель прихода имел возможность распоряжения его финансово-хозяйственной деятельностью. Отец Анатолий, хотя был и молод, но имел достаточно внутренних сил для того, чтобы выступить против того, что увидел в приходе. Выступил прямо с амвона, не обвиняя прямо старосту в хищениях, сказал, что храм требует ухода, ремонта, а ничего этого не делается. Сколько в храме средств настоятель не знает. А между тем он отвечает за всё это. Такое положение дел больше терпеть нельзя, нужно выбрать другого старосту. Павел Иванович обиделся страшно:

– Да ноги моей больше здесь не будет, выберите кого хотите! – закричал он прямо во время проповеди.

И правда ушёл и больше не появлялся. Вместо него отец Анатолий предложил выбрать Александра Андреевича. Это был старик с белой окладистой бородой, который обаял его тем, что любил рассуждать о том, что в храме надо бы сделать вот это и вот это. Будь он старостой, через месяц начались бы ремонтные работы. Однако на деле получилось всё по-старому. Также после службы он все деньги сгребал в сумку и уносил домой. А когда настоятель спросил его, когда начнётся ремонт храма, ответил: «Моя дочь Вера Александровна экономистом работает на фабрике в Фурманове. Она грамотная, всё посчитает правильно, на что нам рассчитывать в ремонте». Отец Анатолий потерпел месяц, второй. А на третий месяц сменил и этого старосту, и весь церковный совет. Шли последние годы, когда это ещё можно было так просто сделать. Он уже хорошо знал прихожан, видел, на кого и в чём можно рассчитывать. Старостой выбрали Сергея Фёдоровича Балябина. Это был простой деревенский мужик из Толпыгина, который не умел так красиво говорить как два его предшественника, не умел напускать на себя важный вид. Но зато ему и в страшном сне не приснилось бы, чтобы тратить на себя церковные деньги. И он уже не единолично ими распоряжался: церковный совет стал реально действующим органом из числа верующих людей, желающих, чтобы их храм вернул себе былую красоту. Даже тётю Дусю за свечным ящиком заменили, чем она была крайне недовольна. В храме начались и внешние, и внутренние ремонтные работы, начали чинить ограду, поправили и домик.

В то время в сельских храмах не служили все-нощные бдения, но отец Анатолий начал их служить накануне каждой Литургии. Службы были не только в воскресные дни, и в двенадцатые, и в великие праздники, но и во многие церковные праздники, в которые в деревенских храмах обычно не служат. Настоятель ввёл еженедельное чтение в храме акафиста Покрову Пресвятой Богородицы. Читал его на коленях, что тоже было необычным и привлекало людей. Прихожан становилось всё больше. Многие из пришедших впервые из простого любопытства, видя искреннюю веру священника, начинали приходить ещё и ещё, открывая для себя православие.

*Священник Анатолий Щуров во время богослужения
в храме села Толпыгина, 1954 г.*

На клиросе в первый месяц службы отца Анатолия в Толпыгине пела одна монахиня Нина, но буквально через год сформировался хор из молодых людей. Настоятель понимал, насколько красота совершения богослужения влияет на тех, кто делает в Церкви первые шаги. И хор он поддерживал. Кроме Нины появилась и вторая монахиня-уставщица – Анна, которой было около шестидесяти лет. Она когда-то была насельницей закрытого женского монастыря в Иванове, в советское время работала в разных организациях, а выйдя на пенсию, захотела потрудиться при каком-нибудь храме.

Венчание в храме в Толпыгине

В домике стало совсем тесно. Единственная небольшая комната была разделена занавеской на две половины, в одной жил молодой священник, во второй – две пожилые монахини. Им даже отдельные кровати было негде поставить – пришлось сде-

лать одну двухъярусную. Баню строить было нельзя, потому что домик стоял на кладбище, вокруг были одни могилы. Поэтому мыться приходилось в корыте в сарае.

Но отца Анатолия не смущали бытовые трудности. Он полюбил этот храм, его красоту, которая по мере проведения ремонтных работ всё более проявлялась; его тишину в сравнении с соборами, на которые он посмотрел во время своих диаконской и священнической хиротоний, и в которых не хотел бы служить ни в коем случае. Как-то настоятель сказал монахине Нине: «У меня такое ощущение, что я душой и телом прирос к этому месту...»

Сирень

Деревенские молодки заглядывались на отца Анатолия: поп, да ещё молодой, да ещё неженатый, да ещё красивый. Некоторые даже в церковь на службу приходили, пробовали глазками ему стрелять, но, поняв, что он их усилий даже не видит, обиделись и попытки оставили. Жил он в доме с какой-то старой монашкой, а потом с двумя; никуда без дела не ходил, поэтому как бы случайно встретиться с ним было практически невозможно. Однако одну из деревенских девок это не остановило.

Нюрка в свои двадцать лет была та ещё оторва. С кем только она не была – и с парнями, для которых стала первой, и с женатыми взрослыми мужиками, даже со старым Павлом Ивановичем пару раз встретилась во время его приездов из Приволжска. Говорили, что он за это обещал ей золотое колечко, а подарил серебряное. Так ли это на самом деле никто кроме него и Нюрки не знал, а они об этом не

рассказывали, но откуда-то слух прошёл. Так вот этой Нюрке и взбрело в голову соблазнить молодого попа. «Ни один мужик ещё передо мной не устоял, и этот не устоит», – заявила она подружкам.

План её был прост и, как ей казалось, в силу этого безупречен. Она планировала дожидаться, когда старухи-монашки куда-нибудь уйдут, поп останется дома один. Тогда девка влезет к нему в окно, и он падёт, беспомощный перед её красотой.

Однако на практике план оказался не таким уж и безупречным. Однажды Нюрка увидела, что монашки куда-то пошли из дома, а отец Анатолий ходит по нему один. «Сменю платье», – подумала она. Побежала домой, всё с себя скинула и натянула самое тонкое и прозрачное из своих платьев прямо на голое тело. «Теперь он точно мой!» – подумала она, когда, подходя к церковному домику, увидела, что и окно приоткрыто: как будто всё складывается так, чтобы её план стал реальностью. Девка она была шустрая, окна низкие – почти на земле. Нюрка легко запрыгнула в окно, для верности стянула с себя и тонкое платье, чтобы не оставить попу никаких шансов при виде её ослепительной наготы.

Только вот она не знала того, что монахини не ушли куда-то, а отходили буквально на десять минут за берёзовыми вениками, чтобы сделать уборку в доме. А отец Анатолий как раз за пять минут до того как девка запрыгнула в окно, зашёл в храм и так её и не увидел.

Однако Нюрку увидели, как она потом жаловалась подругам, «злые монашки», которым увиденное почему-то крайне не понравилось. Они как раз занимались уборкой. Одна из них что было

сил шлепнула её по толстой заднице мокрой тряпкой, а другаяхватила по спине берёзовым веником. Девка взвыла и чуть не выскочила обратно в окно в чём мать родила, однако монахини заставили её перед этим надеть платье. Нюрка по секрету рассказала о своём позоре одной подруге, потом ещё под большим секретом второй; вскоре о случившемся знала вся деревня. Дошло это и до отца Анатолия, от которого монахини хотели скрыть происшествие. Он очень расстроился, долго переживал, а потом по периметру дома насадил сирень. Уже через пару лет влезть в окно дома было физически невозможно – так она разрослась. Да никто особенно и не пробовал после Нюркиного фиаско.

«Вот зачем мне эта внешняя красота, – раздраженно думал молодой священник. – Вот бы стать полным, как отец Никодим. И девки перестали бы обращать на меня внимание, и как настоятелю посолиднее не как мальчишка выглядеть». Стоило ему так подумать, как через несколько месяцев он начал резко полнеть. Монахиня Нина как-то спросила его, не заболел ли он, что так резко набрал вес – питание к этому не располагало. Тогда он поделился с ней своими мыслями. «Вот такой ответ я получил на мою молитву», – закончил он свой рассказ. Нина улыбнулась и сказала, что некоторым девкам и бабам наоборот нравятся толстые парни и мужики. Отец Анатолий задумался, ничего ей не ответил, но полнеть после этого перестал.

Изнанка духовного мира

Отец Анатолий очень уважал монахиню Нину. За свою веру эта женщина прошла аресты, ссылки,

и никакие испытания не заставили её отречься от Бога. Молодой священник часто расспрашивал, как у неё получилось справиться с этим, как она реагировала на конкретные угрозы, которых много было в её жизни. А монахиня Нина, обычно молчаливая, охотно ему рассказывала. Её готовность пострадать за веру не означала того, что она понимает, как устроен духовный мир, и один случай это наглядно показал.

Однажды она сказала отцу Анатолию:

– Вот атеисты говорят, что духовного мира не существует, а между тем есть способы, которые позволяют за границы этого мира выйти.

Глаза молодого священника загорелись. В тех условиях государственного атеизма ему, как и многим, казалось, что всё, связанное с религией, находится по одну сторону – другую по сравнению с богоборчеством. Дореволюционные профессора и доценты духовных академий, преподававшие ему, были воспитаны в позитивистском ключе. Мир тёмных духов казался им чем-то, связанным скорее с фольклором и этнографией, чем с реальностью. И на том, что религия может быть сопряжена и с человеческими жертвоприношениями, и с ритуальными убийствами, и со многими другими действиями, обращёнными к миру демонов, они внимание семинаристов не заостряли. Возможно, считали, что и без этого им советская атеистическая пропаганда много отрицательного о религии расскажет, зачем ещё что-то добавлять. А места Ветхого Завета, где говорится о колдовстве и наказании за него изучались очень поверхностно.

Поэтому отец Анатолий с интересом отнёсся к словам монахини Нины провести спиритический сеанс.

– Давайте вызовем дух Пушкина, – предложила она.

Открыла окно, так как, по её мнению, дух не мог пройти сквозь стену, сказала, что нужно сесть за стол, взяться за руки. Молодой священник не очень верил в эти манипуляции, ему было просто интересно, возможно сказывалась присущая молодости наивность. Но когда блюдце на столе, стоявшее перед ними, завертелось, и он почувствовал реальное присутствие какого-то духа, то понял, что сейчас что-то плохое происходит.

«Заклинаю тебя Богом живым: скажи, кто ты», – обратился отец Анатолий к духу. И услышал в ответ: «Дьявол».

Он тут же прервал сеанс, начал молиться, и всё исчезло.

«Больше никогда не нужно так делать!» – сказал священник монахине. А она и сама поняла, что многого до этого не осознавала про религию, и духовный мир намного сложнее, чем ей казалось.

Отголоски этого события преследовали отца Анатолия несколько месяцев. Однажды, когда он лёг спать, то сквозь сон почувствовал, что кто-то целует его в губы. Он хотел вскочить, но всё тело его было как бы скованно какими-то невидимыми путами. «Господи, помоги!» – прошептал священник. И тут же смог открыть глаза и встать. В комнате никого не было, окно закрыто изнутри. Он выглянул на улицу и увидел похожее на козла рогатое существо, смотревшее прямо на него. Отец Анатолий перекрестил его, и существо исчезло.

На следующий день, когда он служил всенощное бдение в храме, к нему подошла больная женщина, про которую все говорили, что она бесноватая. «А я вчера к тебе приходил», – сказала она ему грубым

мужским голосом, хотя обычно голос у неё был тонким и высоким.

Ещё через некоторое время как-то отец Анатолий забылся, к вечеру и в пятницу на ужин вместе со сладким чаем съел несколько кусков сыра. На следующий день та же больная во время всеобщего бдения на весь храм закричала: «Поп называется: в пятницу сыр жрёт. А ещё монахом хочет стать!»

«Мне ещё так многому нужно учиться, – грустно подумал священник. – Как жаль, что сейчас не найти религиозную литературу».

А буквально через неделю ему принесли целый мешок дореволюционных книг по богословию, каким-то образом оказавшийся у одной старой прихожанки.

Священник начал их жадно читать. Этот интерес к новым знаниям он сохранил до старости. Прочитанное он пересказывал монахине Нине, использовал полученную информацию в своих проповедях. Таким образом он не только приобщал к этому других людей, но и сам лучше понимал и запоминал содержание книг, раскрывавшее перед ним многое, о чём ему не говорили в семинарии. А то, что духовный мир опасен, в нём не только Бог и ангелы, но и падшие духи молодой священник и пожилая монахиня узнали опытным путём.

Монашеский постриг

Время шло, а владыка Венедикт не возвращался к вопросу о монашеском постриге отца Анатолия. А его попытки самого заговорить об этом останавливал: «Потерпи, ещё не время. Если ты хочешь

быть монахом, то должен быть терпеливым». Так прошёл 1952 год, потом 1953, в феврале которого епископ Венедикт был возведён в сан архиепископа, заканчивался 1954. В этом году перед началом Рождественского поста архиерей вызвал отца Анатолия в епархиальное управление и сказал:

– Этим постом совершится твоё пострижение в мантию. 21 ноября я получил разрешение на твой постриг от Святейшего.

– А когда? – обрадовался молодой священник.

– Думаю, что в середине декабря. Надеюсь, ты понимаешь, что торжественный постриг в кафедральном соборе невозможен.

– А в Толпыгине? – с надеждой в голосе спросил отец Анатолий.

– Как ты себе это представляешь? Более того, из Толпыгина тебя придётся перевести.

Внутри у молодого настоятеля, успевшего полюбить свой приход, всё опустилось. Архиерей заметил это и, улыбнувшись, добавил:

– Ненадолго. Мне же нужно обосновать твой постриг. Зачем на сельском приходе монах?

Отец Анатолий внимательно смотрел на него, ожидая разъяснений, и архиепископ Венедикт продолжил:

– Поскольку монастырей у нас нет, то я назначу тебя настоятелем Крестовой домово́й церкви во имя преподобного Серафима Саровского в епархиальном управлении. Мне же может потребоваться помощник. А через пару недель ты не справишься с этим послушанием, и я верну тебя на приход. Но уже в сане иеромонаха. Постриг состоится в Крестовой церкви во время всеобщего бдения, которое я там совершу.

Молодой священник не раз видел, как торжественно проходят постриги в Троице-Сергиевой лавре. Он никогда не задумывался, как именно с внешней стороны пройдёт его пострижение, когда это станет возможным. Учитывая небольшую площадь домово́й церкви, внешне оно имело определённые отличия от того, что он раньше видел, но весь чин был тот же самый.

Отца Анатолия очень волновало, каким будет его монашеское имя. Спросить архиерея заранее он не смел, чтобы не раздражать его. А вдруг какое-то несуразное имя, а с ним всю жизнь жить? И когда он услышал, как архиепископ Венедикт произнёс «Амвросий», то его душа успокоилась: имя было благозвучным. Житие святителя Амвросия Медиоланского священник хорошо знал ещё со времён учебы в семинарии.

Его постриг совершился вечером 17 декабря. На ночь иеромонах Амвросий остался молиться в маленьком Крестовом храме. Всю ночь, не смыкая глаз, он прилежно читал Псалтирь, Евангелие. Своими словами обращался к Создателю, прося Его благословения и помощи в прохождении монашеского служения.

Утром отец Амвросий сослужил архиепископу Венедикту во время Литургии в этом же храме.

Несмотря на то что была суббота, документы о постриге и назначении настоятелем Крестового храма подготовили в тот же день.

– Не будем смущать прихожан в Толпыгине информацией об этом назначении, – сказал ему архиепископ Венедикт. – Скажем им, что ты на две недели уехал в отпуск, а к новому году вернёшься к ним. Но отпуск твой будет сопряжён с ежедневным

служением здесь или в соборе утром и вечером и постоянной молитвой.

Всё так и было. Уже 31 декабря отец Амвросий вновь получил назначение в Толпыгино, а прихожане даже и не заметили, что их настоятеля сначала забрали от них, а потом вновь к ним назначили.

*Архиепископ Венедикт (Поляков) с духовенством
Ивановской епархии. Первый справа в нижнем ряду
иеромонах Амвросий (Щуров)*

Глава 4. Смена архиереев и закрытие храмов

Архиепископ Венедикт

Отец Амвросий очень любил строгого архиерея, который решился взять его в епархию, рукоположить в сан священника, добиться от патриарха разрешения на его монашеский постриг. И ему было очень горько, когда летом 1956 года он узнал о том, что архиепископ Венедикт переводится синодом на служение в другую епархию – Житомирскую.

Жизнь дорогого сердцу отца Амвросия архиерея могла бы стать основой для написания целого романа – столько жизненных перипетий было в его судьбе.

Архиепископ Венедикт (Поляков Владимир Георгиевич) родился в Кишинёве 15 июля 1884 года в семье иконостасного мастера. Среднее богословское образование он получил в духовном училище и в духовной семинарии в Кишинёве.

В ноябре 1905 года он был рукоположен в сан диакона, затем в сан священника и назначен настоятелем церкви в селе Баламутовке, где прослужил до 1908 года, когда по личной просьбе был переведён на приход в село Шолданешты. В 1910 году отец Владимир поступил в Киевскую духовную академию, которую окончил в 1914 году со степенью кандидата богословия. С 1914 по 1919 год он служил инспектором женского епархиального училища в Белгороде, с 1919 по 1923 год был настоятелем собора в Феодосии, а с 1923 года – священ-

ником русской церкви в Кишинёве. В 1920-х годах он овдовел.

В 1918 году Бессарабия была захвачена Румынией. Это повлекло за собой ущемление прав русского населения, административное подчинение Румынской церкви всей церковной жизни на территории Бессарабии, достигавшееся зачастую полицейскими средствами. Несмотря на то что сторонники единства с Русской церковью, сохранения старого стиля и церковно-славянского языка как богослужебного начали преследоваться, отец Владимир бесстрашно обозначал свою позицию, последовательно выступая против новшеств, связанных с оккупацией Бессарабии. С 1925 по 1927 год он служил в Таборском женском монастыре. В феврале 1927 года монастырь был оцеплен жандармами, получившими приказ арестовать активно проповедовавшего священника. Однако отцу Владимиру, переодевшемуся в крестьянскую одежду, удалось пройти незнанным сквозь оцепление и добраться до Кишинёва. Но там его арестовали, судили и сослали в румынский жудец (административно-территориальная единица в Румынии) Горж. Однако вскоре священника выслали из страны как «врага румынского народа и государства». В 1928–1930-х годах он жил в Европе, был настоятелем храмов в Сербии, Франции, Италии.

В мае 1930 года отцу Владимиру удалось добиться отмены приговора о высылке. Он вернулся в Кишинёв, стал настоятелем Серафимовской церкви и вновь показал себя активным борцом за права русских. На этом этапе давление на него оказывалось со стороны не только светских, но и церковных властей. В феврале 1933 года Румынский синод рассматривал вопрос о лишении его священного

сана. Помогло ему вмешательство одного из иерархов Русской зарубежной церкви – архиепископа Серафима (Лукьянова).

28 июня 1940 года Бессарабия вошла в состав СССР. Была возрождена Кишинёвская епархия Московского патриархата. Отца Владимира назначили настоятелем Всехсвятской старокладбищенской церкви в Кишинёве и наградили правом ношения митры.

Однако вскоре началась Великая Отечественная война. Нацистская оккупация Бессарабии длилась с 1941 по август 1944 года. В это время отец Владимир организовал в своем доме в Кишинёве тайную церковь, где молился о даровании победы русскому воинству. Его неоднократно арестовывали, он только чудом избежал расстрела.

После освобождения Молдавии с августа 1944 года снова стал настоятелем Кишинёвской Всехсвятской церкви. В феврале 1947 года был призван к епископскому служению и по пострижении в монашество с именем Венедикт хиротонисан во епископа Кишинёвского и Молдавского. Архиерейскую хиротонию его возглавил патриарх Алексей I. В Кишинёвской епархии епископ Венедикт прослужил до июля 1948 года, а затем определением Святейшего Патриарха и Священного Синода был назначен на Ивановскую кафедру.

Управляющим Ивановской епархией архиепископ Венедикт был с 1948 по 1956 год. Здесь активный архиерей, считавший, что церковное возрождение в России возможно на этом историческом этапе, вступил в конфликт с уполномоченным Совета по делам Русской православной церкви, так как требовал открытия новых храмов. В частности, архиепископ Венедикт писал ему: «Препровождая

Вам, как уполномоченному Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров по Ивановской области, прилагаемые при сем шесть ходатайств верующих различных мест обширной по своей территории и в то же время малой по количеству действующих церквей (всего 57) Ивановской Епархии, я не могу не выразить своего крайнего удивления по поводу того, что ни одно из прежде поданных и вполне справедливых и законных ходатайств об открытии церквей, из которых некоторые как, например, по Ивановской, Родниковской, Юрьевецкой и других подкрепленных моими пространными и вполне обоснованными докладами, — до сих пор не удовлетворено. Не углубляясь в причины, по которым Ивановский облисполком отказывает верующим гражданам СССР в их законном конституционном праве на храмы и молитвенные дома (наша Конституция не ограничивается провозглашением прав и свобод граждан, а обеспечивает осуществление их в законодательном порядке материальными гарантиями, чем она и отличается от конституций буржуазных и капиталистических стран), я вижу в этом ущерб не только для церкви, но и для государства, и не только материальный, а и моральный, т. к. лишая государство возможных материальных доходов, такое отношение к удовлетворению законных требований верующих граждан СССР вызывает общий ропот и недовольство, которые приходится постоянно сдерживать и всячески успокаивать. А почему не открывают вторую церковь в г. Юрьевце, где крошечная кладбищенская церковь, бывшая часовня, вмещает не более сотой доли желающих помолиться? А в Родниках и Шуе и в других местах, где церкви, взятые на учет архитектурной комиссией и занятые под МТС или

ссыпку зерна, медленно разрушаются, потому что не передаются для сохранности в руки верующих масс. Такое положение вещей на руку только врагам нашей социалистической Родины и разжигателям нового кровавого похода на СССР. Неужели это не ясно?»

Естественно, что представителям государства такое давление не могло понравиться. А архиепископ Венедикт, думая, что этим усилит свои позиции по поставленным вопросам, сообщал известные уполномоченному факты о своей жизни: «Во время войны в течение трёх лет с 1941 по 1944 год включительно до дня изгнания фашистов из Бессарабии я был, если можно так выразиться, духовным партизаном, собирая в тылу врагов своих сторонников и совершал с ними свои молитвы тайно, ночью у себя на даче, так сказать, подпольно, и один из всего бессарабского духовенства молился о здравии Патриарха Сергия и о даровании победы над Гитлером русскому воинству, подвергаясь многочисленным обыскам и арестам. Это знает не только Молдавская ССР, но и Москва, и если я поднимаю сейчас свой голос за открытие церквей по ходатайствам верующих, во вверенной моему руководству Ивановской Епархии, то лишь потому, что глубочайше убеждён в несомненной и обоюдной выгоде этого не только для Церкви, но и для государства».

Архиерей проводил аналогии с Молдавией: «В Молдавской ССР 620 храмов и 22 монастыря – это не помешало за время моего управления Кишинёвской Епархией открыть 20 с лишком церквей. Наоборот, открытие церквей помогло почти полностью ликвидировать самозванную деятельность всяких проходимцев-сектантов, явно направленную во вред нашему социалистическому государству. Такие

тайные сектантские организации имеются и в Ивановской Епархии, например, в Юрьевецком районе за Волгой, в Приволжском районе, в Плесе, в с. Спас-Березники, в Середском районе, в с. Ермолино и др. Борьбу с такими подрывными группами тайных церковников антиправительственного толка путём открытия храмов рекомендует нам и Святейший Патриарх в особом обращении к правящим архиереям Русской Православной Церкви. Открытие большого количества храмов дало бы возможность и колхозным работникам не отрываться от дела в поисках священника для совершения тех или иных треб».

Однако в этот период тенденция на открытие новых храмов была уже свёрнута. Пример же Молдавии, приведенный епископом Венедиктом в одном из писем, был явно неудачен, если рассматривать советскую религиозную политику в целом. Просто на некоторых территориях, которые вошли в состав Советского Союза в более поздний период, или там, где церкви были массово открыты в период немецкой оккупации, процесс массового закрытия храмов пришелся на период антицерковных репрессий Н. С. Хрущёва. Например, в Полтавской области в 1958 году было 340 храмов, в которых совершались богослужения, а в 1964 году их осталось всего 52. Борьбу же с сектантством власти предпочитали проводить не путём расширения православной миссии, а репрессивными мерами. Поэтому все старания архиепископа Венедикта и поддерживаемых им верующих по открытию новых храмов не увенчались успехом.

Он пытался создать в Ивановской епархии и пастырско-богословские курсы, вероятно, имея в виду последующее их преобразование в семинарию;

с целью развития материальной базы епархии много внимания уделял работе епархиальной свечной мастерской.

Епископ Венедикт (Поляков) с выпускниками епархиальных пастырско-богословских курсов в домовом храме преп. Серафима Саровского Ивановского епархиального управления, 1948 г.

После перевода в 1956 году в Житомирскую епархию Украинской ССР, он старался в своих проповедях бороться против начавшейся антицерковной кампании, связанной с массовым закрытием храмов. Проповедовал он не только в Житомире, но и в Киеве. Уполномоченному по Житомирской области заявил: «Наше положение подобно такому: человека связали по рукам и ногам, бьют его, поносят в печати, по радио, называют мракобесом, и ты не имеешь возможности, будучи связанным, даже

отмахнуться. Церковный амвон – единственное место, где мы, духовенство, должны дать отпор наступающим на веру. Я честно служу церкви и буду защищать веру».

Активность архиерея не нравилась ни представителям советской власти, ни патриархии. Но с внешней стороны преследований старого архиерея не было. В 1958 году, по личному прошению в связи с болезнью, он был уволен на покой.

Его публикация в зарубежном журнале против закрытия храмов стала, видимо последней каплей, переполнившей терпение властей. Последние годы жизни архиепископ Венедикт прожил в Кишинёве, как писали в некрологе, «в кругу родных», а по факту под домашним арестом. Скончался он 6 декабря 1963 года, причём вскоре распространился слух, что он был убит. Официально эта версия нигде не озвучивалась.

Отцу Амвросию было не по себе, когда архиепископ Венедикт уехал из Иванова. «Каким будет новый архиерей, как будет с ним служить?» – думал он. Молодой иеромонах и не знал, при скольких ещё архиереях ему доведётся служить, и насколько разными они будут.

Епископ Роман

Отцу Амвросию прислали телеграмму в Толпыгино, что его вызывает новый архиерей.

– Переведёт он вас отсюда, батюшка, что делать-то мы будем! – запричитала монахиня Анна.

– Полно тебе, – оборвала её монахиня Нина. – С чего ты это взяла?

– А зачем тогда вызывает?

– Ну, может, с духовенством епархии знакомится, – примиряюще сказал отец Амвросий.

– А кто он такой? – начала любопытничать несколько успокоившаяся монахиня Анна.

– Как кто? Епископ, – оборвала её монахиня Нина.

– Да я не про это, – недовольно буркнула Анна.

– Что-то слышал про него от священников из соседних приходов, – сказал настоятель. – Владыка Венедикт был управляющим Молдавской епархией, а этот Эстонской. И ещё викарием Ленинградским был.

– Надо же, а в конце тридцатых у нас митрополит Иоанн (Соколов) временно управляющим Ивановской епархией был, который Киевский экзарх. Так со всех союзных республик постепенно у нас и послужат правящие архиереи, – провела свой анализ монахиня Анна, которой до всего было дело. Это она ещё не знала, что епископ Роман завершит своё служение как архиепископ Виленский и Литовский. И тут же продолжила расспрашивать:

– А он старый?

– Говорят, что около шестидесяти пяти.

– А почему его в Эстонию назначали?

– Он, видимо, родом из тех мест. Причём у него только мать православная, а отец протестант. Но он выбрал веру матери.

– Хватит любопытничать, – прервала эти расспросы монахиня Нина. – Прямо вот так живо допросы вспомнились... А ты на светской работе не следователем случайно работала?

Анна недовольно надулась, и два дня с ней не разговаривала.

Епископа Романа назначили в Иваново в конце июля, а вызвал он отца Амвросия в сентябре. Случилось так, что несколько дней шли дожди, поэтому дорогу до трассы на Иваново так размыло, что пройти по ней можно было только в высоких сапогах.

– Ну, и как я поеду знакомиться с новым архиереем, который привык к Европе, к Ленинграду в грязных сапогах? – сокрушался настоятель.

– А вы не переживайте, батюшка: вы ботинки положите в сумку. До дороги я вас провожу, а там вы ботинки наденете, а сапоги я обратно унесу, – нашла выход монахиня Нина.

– И правда, – обрадовался священник.

Епископ Роман с духовенством и иподиаконами

Епископ Роман принял его достаточно доброжелательно.

– Значит, вот какой молодой иеромонах у нас служит в селе, – с улыбкой сказал он. – Мой предшественник, владыка Венедикт, судя по тому, что я прочитал, не скупился на резкие характеристики священников; а о вас только хорошее. Думаю, что это дорогого стоит. Почему вы – совсем юноша – решились стать монахом?

– А мне не нужно было решаться: я как будто родился для этого... – простодушно ответил отец Амвросий.

– То есть не принёс свои юность и девственность как дар на алтарь Божий, а просто родился для этого? – засмеялся архиерей.

«Принёс свои юность и девственность как дар на алтарь Божий» – как красиво сказано, надо запомнить», – подумал про себя отец Амвросий, которому иногда нравилось произнести витиеватую фразу. А вслух сказал:

– Я читал в житиях святых и в патериках, что для многих такой выбор сопряжён с какой-то борьбой. Но у меня он естественным был...

– Если вы знаете об этих искушениях только из житий святых и патериков, то вы счастливый человек, – опять улыбнулся епископ. – Для большинства эта сфера крайне сложная. Я тоже ведь был celibат до пострига, но монахом стал в очень зрелом возрасте – незадолго до архиерейской хиротонии.

Иеромонах не знал, что ответить.

– На приходе справляетесь? – спросил его владыка Роман.

– Самому сложно себя оценивать... Надеюсь, что да.

– Хотелось бы в город перейти служить?

– Нет, – испугался отец Амвросий.

- Деревенские не обижают?

- Нет, всё хорошо.

- Прямо, и хорошо? – опять улыбнулся архиерей. И добавил какую-то фразу на непонятном для священника языке. Заметив его смущение, сказал:

- Это просто немецкая поговорка, ничего существенного, чем вам нужно забивать голову. Я, в силу обстоятельств моей жизни, по-немецки говорю едва ли не лучше, чем по-русски, и иногда забываю, что люди обычно хорошо знают только один язык...

Они поговорили ещё около полчаса, после чего архиерей сказал:

- Вы ещё очень молодой священник, отец Амвросий. Вам всего 28 лет. Впереди много испытаний. Но пока набирайтесь сил. Раз вам нравится в Толпыгине, то там и служите.

Епископ Роман сдержал своё обещание – при нём иеромонах Амвросий так и служил в Толпыгине. Только недолго этот архиерей служил в Иванове: уже в декабре 1959 года его назначили в другую епархию.

Архимандрит Леонтий

Недалеко от Толпыгина – километрах в десяти – находится село Михайловское. 20 июля 1955 года в храм Михаила Архангела в этом селе был назначен настоятелем архимандрит Леонтий (Стасевич). Он только недавно освободился из исправительно-трудового лагеря в Иркутской области, где пять лет отбывал наказание. До этого служил с 1947 по 1950 год настоятелем Троицкого храма села Воронцова Пучежского района Ивановской области. Его обви-

нили в том числе в том, что он «в своих проповедях распространял антисоветские измышления о якобы приближающихся «страшном суде» и «кончине мира», истолковывая религиозные писания в антисоветском духе». Приговор был – десять лет исправительно-трудовых лагерей, но в 1955 году старца, которому был уже семьдесят один год, освободили досрочно. Это было уже третье его заключение – до этого он отбывал два срока по три года с 1930 по 1933 и с 1935 по 1938 год.

Отцу Амвросию было очень интересно встретиться с этим исповедником веры, перенёсшим за Христа столько страданий. А в том, что именно за Христа, сомнений ни у кого, знавшего отца Леонтия, не было: сразу было видно насколько далёк от политики и каких-то земных интересов этот сухонький невысокий священник. Та война на уничтожение, которая против него шла, свидетельствовала о том, что он вторгся в чью-то сферу интересов, и о том, что она была не в рамках материального мира.

«Брань наша не против плоти и крови, а против духов злобы поднебесной», – сказал архимандрит Леонтий иеромонаху Амвросию при их первой встрече. И это многое объясняло в судьбе этого старца.

Он очень доброжелательно принял настоятеля Толпыгинского храма, который впервые приехал к нему после того, как владыку Венедикта перевели в другую епархию. Рассказывал ему многое из того, о чём другим не говорил. Отец Амвросий захотел исповедаться, и старец его исповедал.

Приехав от отца Леонтия, отец Амвросий рассказывал монахине Нине: «Исповедь у него была очень плодотворной, очень духовной и смиренной.

Он не обличал в недостатках, а старался говорить так, чтобы не обидеть».

Дом, в котором жил архимандрит, был неотопливаемым.

«Как же вы здесь зиму пережили?» – ужаснулся отец Амвросий.

– Я как в раю здесь жил.

Молодой иеромонах пожаловался на боли в печени, а старец ответил ему:

– Некоторые жалуются на болезни в молодости, а проживут долго...

Они поговорили про Троицкий храм в селе Воронцово.

– Мне там помогал диакон отец Василий Васинский. У него племянник есть – Николай, он вам будет добрым помощником.

Архимандрит Леонтий и иеромонах Амвросий

Отцу Амвросию все эти слова отца Леонтия казались какими-то чудными, а тот продолжал:

– Вам придётся в Воронцове послужить, правда, недолго. Там вы с Николаем и познакомитесь. Вам без него в будущем трудно будет справляться с теми послушаниями, которые на вас возложат.

– А как же Толпыгино? – испугался иеромонах.

– В него вы вернётесь. Но ненадолго. Ваше будущее связано с городом.

– С каким?

– Пока не вижу.

Отец Амвросий пожаловался на то, что некоторые из прихожан его не любят, а старец засмеялся и рассказал, как на него роняли тяжелые хоругви во время крестного хода, делали подножки во время каждения, собирались его побить после богослужения. И добавил: «Это не они, они, просто, как куклы, на них не нужно обижаться – их как за ниточки дёргают, а они и делают, что те хотят». «Кто те?» – опять изумился отец Амвросий. «А те, одного из которых вы в окошко ночью видели – вот они те самые и есть». И посмотрев, куда-то вдаль, архимандрит Леонтий добавил: «А у вас ведь тоже что-то похожее будет впереди. Но на короткий срок, у вас другая судьба». «Заключение?» – испугался иеромонах. «Нет, нападения кукол», – улыбнулся отец Леонтий.

Они нередко потом встречались. Старец иногда говорил священникам: «Съездите к отцу Амвросию, возьмите у него благословение». Все удивлялись: священник не благословляет другого священника, это прерогатива епископа. «Чудит старик», – думали они. А иеромонах Амвросий в своём сердце складывал непонятные пока ему слова старца, чувствуя, что каждое из них имеет особое значение.

Закрытие храмов

Закрытие храмов и перемены в Ивановской епархии, и перемены в жизни отца Амвросия произошли при сменившем епископа Романа архиепископе Иларионе.

Одними из важнейших направлений гонений на Русскую православную церковь, организованных по инициативе Н. С. Хрущёва, обещавшего показать по телевизору «последнего попа», были реформа приходского управления и закрытие храмов. 16 января 1961 года Советом министров СССР было принято постановление «Об усилении контроля за деятельностью церкви». Им отменялись все законодательные и нормативно-правовые акты, принятые после 1943 года.

Давление на Русскую православную церковь этого периода показательно своей «демократической» внешней оформленностью. Согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» 1929 года, считавшемуся основным советским нормативно-правовым актом, регулирующим религиозную сферу вплоть до 1990 года, изначально священнослужители не могли входить в состав учредителей религиозных объединений как «служители культа, действительно отправляющие культ, и по этому принципу лишённые избирательных прав». Однако Конституция СССР 1936 года предоставила всем советским гражданам равные права. Характерно в этой связи, что постановление Совета министров СССР от 16 января 1961 года было подтверждено решением сначала Священного Синода, затем Архиерейского собора, а потом и приходских собраний. Сначала Священный Синод, а затем Архиерейский собор в 1961 году приняли

решение о запрете священнослужителям участвовать в хозяйственной деятельности приходов, а соответственно, и быть в числе их учредителей. То есть де-юре это было решение церковных органов управления. И это решение действовало вплоть до Поместного собора 1988 года.

В результате реформы приходского управления сложилась ненормальная ситуация, когда настоятели приходов, лишившиеся всякой возможности вмешательства в хозяйственные дела общин, оказались в положении наёмных лиц у церковного совета, (исполнительного органа общины) состоявшего из мирян, причём зачастую далеко не религиозных. Власть же епархиального архиерея над приходами минимизировалась до такой степени, что после снятия с регистрации назначенного им настоятеля, приходы становились подведомственны только государственному регистрирующему органу. Архиерей, подписывая указ о назначении священнослужителя, должен был согласовывать его не только с уполномоченным, но и с исполнительным органом прихода.

Малообразованные и зачастую полоумные люди, почувствовав власть и доступ к деньгам, начали рваться в руководство церковных советов при попустительстве, а порой, и прямом покровительстве государственных органов. В качестве одного из примеров можно привести письмо в Вичугский райком КПСС от «прихожан» храма посёлка Старая Вичуга, написанное в октябре 1961 года (с сохранением особенностей орфографии, потому что без них текст утратил бы свой колорит): «Товарищ начальник мы вам сообщаем, что настоятель священник Преображенски Иван выступает с дерскими проповедями после службы утром. Напрмер 21 сентября

в праздник он проповедывал чтобы водили детей в церковь. Во второй праздник 27 сентября проповедывал чтобы насили наши дети крестики. Вообще он проповедывает во все праздники и грозит нам проклятием. Просим вас ходатайствовать перед уполномоченным областным ихним чтобы он его от нас убрал. А так же бывший староста Балакиров А. И. перешел работать продавцом, он знает где может нажиться он в большой дружбе с настоятелем Преображенским И. вместе наживаются от свечного ящика. Мы просим вас дать указание церковному совету, сделать сокращение штата, продавца Балакирева А. И. Освободить от должности продавца, у нас есть свои выбранные люди на собрании двадцатки. Продавца должен заменить пом. старосты Домостроев В. Г. Мы его выбрали и ему доверяем это дело».

Одновременно с реформой приходского управления был произведен, так называемый «единовременный учёт». Проверялось не только количество церковных зданий, их площадь и другие габариты, и даже не только количество совершаемых треб, но всё, вплоть до того, сколько людей посещает храм в дни церковных праздников. Это служило цели выявления неиспользуемых молитвенных зданий, заступающих приходов. Совет по делам Русской православной церкви принял меры по ликвидации практики субсидий таким приходам со стороны более сильных религиозных объединений и патриархии, что повлекло прекращение их деятельности. Впрочем, поводы для закрытия прихода могли найти самые разные.

Архиепископ Ивановский и Кинешемский Иларион (Прохоров) писал в отчёте в Московскую патриархию за 1961 год: «В 1961 году в Иванов-

ской епархии было закрыто семь храмов: в погосте Ананьин Конец Заволжского района, в селе Бортницы Родниковского района, в Всехсвятском погосте Южского района, в селе Дроздово Шуйского района, в селе Иваново Середского района, в селе Спас Шелутино Палехского района, в селе Филиппково Комсомольского района. Таким образом, если на 1.01.1961 года число приходов Ивановской епархии равнялось 56, то на 1.01.1962 года оно сократилось до 49».

А уполномоченный Совета по Ивановской области на совещании работников горрайисполкомов 7 сентября 1961 года докладывал: «За истекшие 8 месяцев, в результате проведенной партийно-советскими органами работы закрыто пять церквей: Спас-Шелутино Палехского района, Филиппково Комсомольского района, Всех святых Южского района, Бортницы Родниковского района, Дроздово Шуйского района. Вопрос о закрытии церкви в с. Иванцево Середского района находится на разрешении в Совете по делам РПЦ при СМ СССР. Могут ли эти незначительные результаты кого-либо удовлетворить? Конечно, нет. Надо признать, что мы еще крайне медленно и неудовлетворительно организуем работу по выполнению постановлений ЦК КПСС, бюро обкома КПСС, постановления Совета министров и решения исполкома областного Совета».

В 1962 и 1963 годах в Ивановской епархии было закрыто по два храма, ещё один храм был закрыт в 1964 году. В отличие от многих других епархий Советского Союза, начиная с 1965 года, закрытия храмов в Ивановской епархии не происходило. В результате количество храмов в епархии с 1961 по 1964 год сократилось с 56 до 44. Ещё в

июне 1959 года «по предложению органов пожарного надзора» в г. Иванове была закрыта епархиальная свечная мастерская, которой так дорожил архиепископ Венедикт и которая до определенного времени служила источником больших доходов для епархии.

Архиепископ Иларион

Для иеромонаха Амвросия эти годы были сложными по-другому: 24 сентября 1960 года архиепископ Иларион перевёл его из ставшего родным Толпыгина настоятелем Троицкой церкви села Воронцова Пучежского района. Этим же указом иеромонах назначался благочинным Юрьевоцкого округа. Но уже 11 мая 1961 года тот же архиерей вернул его настоятелем в Толпыгино, освободив и от обязанностей благочинного. Благодаря службе в Воронцове, отец Амвросий познакомился с Николаем Винокуровым, на долгие годы ставшим ему верным помощником. Так сбылось предсказание отца Леонтия.

Усиление атеистической пропаганды

Все эти процессы сопровождало усиление атеистической пропаганды. Она носила как идеологический, так и формальный, а ещё чаще примитивный характер. Вводилось преподавание научного атеизма в высших учебных заведениях, создавались курсы для будущих лекторов научного атеизма. Принимались резолюции партийных и комсомольских конференций и собраний. Выдвигались требования к индивидуальной «работе» с верующими, а в реальности жёсткому психологическому и административному давлению, в результате которого многие «отказывались» от своих взглядов. Формировалось представление верующих людьми «второго сорта», заявления о том, что верующая мать наносит непоправимый вред своим детям, разжигание вражды и непонимания между родителями и детьми на почве отношения к религии. Шло активное выискивание различного рода негатива в деятельности религиозных организаций, причем основной упор делался на недостойное поведение священнослужителей и прихожан, а ещё в большей степени — на их заинтересованность получать «большие деньги» за то, что они «ничего не делают». Создавался ажиотаж вокруг, возможно, и действительно нездоровых мистических проявлений религиозной жизни некоторых психически больных людей. Выдвигались требования сделать всё для изоляции от религии детей до 18 лет. Делались попытки создания своего «коммунистического» «антирелигиозного» культа, на деле являвшегося возрождением примитивных форм языческой религии.

Вот как рисовал священника автор фельетона в Ивановской областной газете «Рабочий край» от 20

декабря 1959 года: «Это – крепкий, откормленный малый с могучими руками. Ему 32 года. В служители церкви он попал после работы по торговой части – в Костромской области заведовал сельским магазином. Торговая деятельность пришлась ему по душе и, может быть, никогда не носить бы Александру рясы, если бы не существенный изъян в прежней деятельности: за деньги и товары там следовало строго отчитываться. А хотелось найти такую работу, чтобы много рублей липло к рукам и не было бы страха положить в собственный карман сколько тебе захочется. Он нашёл эту "работу", приняв сан священника.

На протяжении июля-августа сего года редкая проповедь в церкви обходилась без плевков, ругани и рукоприкладства. Вот несколько выдержек из страниц, имеющих в скоросшивателе.

"... В присутствии священника Остапчука Калининков с грубой бранью и угрозами – "убью!" четыре раза набрасывался на старика Пузанова В. П., бил его кулаками по лицу и голове, таскал за волосы и за уши".

"... Дважды набрасывался на Жукову А. М., таскал её за уши и ударял, отчего у неё образовались кровоподтеки, а также оскорблял её".

"...Безо всяких оснований с пошлой бранью и кулаками набросился на Пузанову А. С., вытолкал её из церкви, при этом разорвал на ней кофту и ударил кулаком по лицу".

Жители села, пострадавшие от буйства отца Александра, обратились в милицию. К сожалению, мы лишены возможности логично закончить фельетон приговором суда над хулиганом. Более того, в Гавриловом-Посаде нас озадачили сообщением, что суда вообще не будет, что дебошир останется безна-

казанным. Почему? Весть о происшествии в дубёнской церкви сильно озадачила работников областной прокуратуры и областной милиции. После долгих раздумий "толкование" было найдено и передано в Гаврилов-Посад как истина, не требующая доказательств: статью уголовного кодекса нельзя применять к хулигану, коль скоро он облачён в рясу.

Поп Александр вздохнул свободно. Затем он счёл благоразумным завершить командировку в Дубёнках, выбыв в неизвестном направлении».

А 4 августа в этой же газете была такая публикация: «Эта зелёная поляна словно спряталась между живописными холмами. Она была излюбленным местом гуляний молодежи Обжерихи, Новленского и других окрестных селений Юрьевоцкого района. Но с некоторых пор поляна, а точнее уголок её, где бывает прозрачный родник, стала местом странных в наши дни сборищ. Появились здесь подозрительные юродивые, монашки в чёрных платках, с постными, испитыми лицами. Любители зашибить деньгу, заработать на предрассудках и суевериях замутили чистый источник. Расчёт у них простой: придут одураченные рассказами о "святом" ключе люди – потекут на тарелку и в карманы святош серебряные монеты, а то и бумажные рубли.

И вот проходимцы и шарлатаны уже распускают в деревнях и в городе слухок о "новоявленном" кресте, чудодейственной водичке из "святого" ключа. Холодная струя родника направлена по деревянному лотку под наскоро сколоченный навес. А на дощатых полках выставлены двадцать шесть икон. Тут же проржавленный крест с кладбища и, конечно же, металлическая миска для сбора "при-

ношений". На гвозде висит грязная кружка, отдающая прогорклым лампадным маслом. Из неё поят "страждущих", кропят и даже обливают их. Рассказывают, что из неё недавно окатили ледяной водой больного ребенка.

Если вы поинтересуетесь, кто же устроители невежественных водных процедур, то сразу услышите имена выдающих себя за монашек и "некровных сестер" Анны Буяновой, Парасковьи Кучиной и Ликерии Солдатовой. Они свили себе гнездо недалеко от поляны и, нигде не работая, живут припеваючи в своем домике на краю деревни Сантелево.

Не странно ли все это? Вблизи центра колхоза, где есть партийная организация, средняя школа, клуб, библиотека, большой отряд интеллигенции, среди белого дня шарлатаны устроили рассадник темноты и невежества. Пусть очень немного посетителей "святого" ключика. Но разве не за каждого человека должны мы бороться, оберегая его от липких тенет мракобесия?»

Уделялось внимание антирелигиозной пропаганде и в областной молодёжной газете «Ленинец».

В номере от 19 апреля 1964 года содержалась следующая информация: «В марте в комитете комсомола узнали о том, что комсомолка из села Зарайского, член пленума комитета комсомола Валя Егупова собирается венчаться. С Валею и ее женихом много беседовал секретарь комсомольской организации колхоза "40 лет Октября" А. Карелин. В результате девушка отказалась подчиниться требованиям родителей. Оружие из рук религии надо выбивать не рассуждениями о вреде религиозных обрядов, а прямым противопоставлением им наших советских обрядов. Это не только торжественная регистрация брака в сельском совете, загсе, но и че-

ствование ветеранов труда, старейших, это серебряная, золотая, комсомольско-молодежные свадьбы».

А в публикации от 20 июня 1964 года утверждалось: «Нужна не только терпеливая разъяснительная работа о ложности и вреде религии, но и конкретное вытеснение религиозных традиций нашими, удовлетворение естественных эмоциональных потребностей людей с помощью современных, по-настоящему красивых церемоний и ритуалов, внедряющих в их сознание коммунистическую идеологию. Но главное – надо в любой праздник, имеющийся или создаваемый, вложить идею; идею нашу, коммунистическую, революционную, и приложить максимум творческой инициативы, изобретательности, выдумки, чтобы идейное содержание и эмоциональная форма дополняли друг друга, удовлетворяли советских людей и воспитывали их».

Говорилось о том, что свобода совести – не самоцель, она является фактически лишь переходным этапом в процессе полного изживания религиозных предрассудков. Представления самих пропагандистов о религии зачастую носили поверхностный характер, страдали грубыми искажениями. Однако верующие права на ответную полемику не имели, даже свобода церковной проповеди была жёстко ограничена. После отставки Н. С. Хрущёва накал атеистической пропаганды спал, но она продолжала занимать значимое место в идеологической политике государства вплоть до самого конца 1980-х годов.

Воронцово

В конце сентября 1960 года иеромонах Амвросий приехал в Воронцово. 26 сентября совершил

там первую службу – всенощное бдение накануне праздника Воздвижения Креста Господня.

Диакон Василий Васинский, про которого ему говорил отец Леонтий, оказался невысоким щупленьким мужчиной постарше сорока. Его борода и забранные сзади в «хвост» волосы начали седеть. Когда отец Амвросий приехал вечером 25 сентября, он встретил его, помог разместиться в церковном доме, потом позвал к себе на ужин. Там кроме них были молодой солдат и девушка лет восемнадцати.

Храм с. Воронцова Пучежского района

– Мои племянники, – представил их отец Никодим. – Николай в Киевской семинарии учился, но после первого класса его в армию призвали. Ещё больше года ему служить.

– А дальше какие планы? – невольно перебил диакона отец Амвросий.

– Как Бог даст, – опустив вниз глаза, ответил солдат. Было видно, что ему очень непросто даётся армейская жизнь.

– Ну а самому как хотелось бы? – спросил священник. Ему надо было услышать ответ от человека, про которого он получил такое необычное предсказание от архимандрита Леонтия.

– Самому хотелось бы служить Богу в Его Церкви, – тихо, но твёрдо ответил Николай.

– Значит, всё и устроится, – почему-то уверенно, что так оно и будет, хотя и до конца срочной службы ещё больше года – огромный срок для солдата, – ответил отец Амвросий.

– А это Шура, – представил отец Никодим девушку, воспользовавшись возникшей паузой.

Настоятель посмотрел на неё. Она была похожа на брата. Оба темноволосые, невысокие, стеснительные, с глубокими пронзительными глазами.

– Отец Никодим с детства готовил Колю к поступлению в семинарию, принятию священного сана. Наши родители тоже были людьми очень религиозными. Утром и вечером читалось правило – молитвы, Евангелие и Псалтирь. К молитве приучали и нас, детей. Однажды Николай не прочитал утренних молитв, и отец не отпускал его в школу до тех пор, пока не прочитает, – сказала вдруг Шура и покраснела.

– А ты сама читаешь молитвы? – улыбнулся иеромонах.

– Да, – ещё больше зарделась девушка.

– Ну, наверное, будешь монахиней.

– Да она молоденькая совсем, – вступил в разговор отец Никодим. – Рано ей об этом думать.

– А она не скоро и будет: лет через сорок, – почему-то сказал священник, который очень уди-

вился бы, если бы узнал, насколько он окажется прав в этом предсказании.

Николай Винокуров с дядей о. Василием (первый слева)

Когда ужин закончился, Николай пошел проводить настоятеля до церковного дома.

– Тебя что-то гложет, что у тебя на душе? – спросил его отец Амвросий.

– Замполит части заставлял подписать отречение от Бога... – вдруг сказал ему солдат то, что никому до этого не говорил.

Молодому иеромонаху не приходилось через такое испытание проходить, поэтому он даже не сразу нашёлся, что сказать, только спросил:

– А ты?

– Он на листе напечатанное принёс. Сказал: «Не подпишешь – узнаешь, каким ад бывает не в поповских сказках, а на самом деле». Но я не писал...

– И что?

– На три дня мне увольнительную дали, чтобы подумал. Вот поехал к дяде. Но ему не решился рассказать...

– Ну, и не тревожь его душу. Он тебя не сможет защитить, только будет мучиться. А ты доверься Богу. Всё в Его державной деснице.

– Я не буду подписывать, что будет, то и будет! – вдруг горячо сказал Николай.

– А всё хорошо будет, – вдруг уверенно сказал священник. – Тамо убояшася страха, идеже не бе страх. Господь просвещение мое и Спаситель мой – кого убоюся? А с солдатами у тебя лучше отношения, чем с офицерами?

Николай грустно помотал головой в знак отрицания:

– Какое там! Был один, на год раньше его призывали, так всё время смотрел, чем зацепить. Такую ненависть в его глазах порой читал... Но постоянно за него молился – почему-то было чувство, что так нужно. А недавно демобилизовался он, а перед этим подошёл ко мне и сказал: «Ты знаешь, Николай, ведь я хотел тебя убить, но что-то не дало мне этого сделать. Прости меня!»

– Ну, и прости, – вслух сказал отец Амвросий, внутри которого всё передёрнулось от услышанного.

– Да я простил, конечно.

– И правильно.

Они подошли к церковному дому.

– Благословите, батюшка, мне завтра уезжать, – сказал Николай.

– Ты послужишь Церкви, – с откуда-то взявшейся уверенностью сказал иеромонах, осеняя солдата крестным знаменем, – ты будешь нужен множеству людей. Бог не даёт испытаний выше

сил, и ты, наверное, это замечаешь: если даётся проблема, то даются и силы её решить.

Рядом с Воронцовом протекает река Чабышев-ка, впадающая в Волгу. На другой день утром отец Василий, смущаясь, предложил отцу Амвросию пока не холодно покататься на лодке: «И пока Николай не уехал». Настоятель не только согласился, но и сам сел за вёсла. Шура тоже с ними поехала. Она как-то смущалась при виде отца Амвросия, впрочем, они все трое смущались, что не мешало им быть доброжелательными и гостеприимными.

Николай Винокуров в годы армейской службы

Через месяц от Николая пришло письмо, что замполита перевели в другую часть. Как он потом уже рассказывал, в тот день, когда они с отцом Амвросием разговаривали в Воронцове, офицер хорошо «принял на грудь», потом добавил, а ночью вдруг начал носиться по части как ошпаренный, и кри-

чать: «Ад! Ад!» Наутро он ничего не помнил, но авторитета среди личного состава происшествие ему не добавило, поэтому начальство по-тихому быстро его перевело. А новый замполит на Николая не обращал внимания.

...Настоятелю понравился диакон Василий – вдумчивый, серьезный, богобоязненный.

– Как вы смотрите, если я поговорю с владыкой Иларионом, чтобы он рукоположил вас в сан священника? – спросил он примерно через полгода после своего приезда в Воронцово.

– Батюшка, да какой из меня священник? Не справлюсь я, – растерянно пробормотал диакон.

– Справитесь. Всё у вас для этого есть. А от призыва Божиего не надо отказываться.

Архиепископ Иларион одобрил предложенную кандидатуру. «А вы тогда опять в Толпыгино, – сказал он настоятелю, который предложил отца Василия в качестве второго священника. – Куда в Воронцове два священника».

И уже в мае 1961 года отец Амвросий поехал обратно в Толпыгино, подумав, что опять сбылось предсказание архимандрита Леонтия: он был в Воронцове недолго, и теперь возвращается назад. А на следующий год, на праздник Пасхи Христовой, по представлению архиепископа Илариона патриарх Алексей возвёл отца Амвросия в сан игумена.

А ещё через год архиепископа Илариона сменил архиепископ Леонид (Лобачёв). У него была необычная судьба. К началу Великой Отечественной войны ему было уже сорок пять лет, и он ещё с 1930 года был в сане архимандрита. Однако его призвали на военную службу. О том, насколько успешной она была, свидетельствует то, что он был награждён орденом «Красной Звезды», медалями

«За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За оборону Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией». Демобилизовавшись из армии в звании старшины, архимандрит Леонид вернулся к церковному служению.

Архиепископ Леонид (Лобачёв)

С 1946 года был священником на Ваганьковском кладбище в Москве, служил на Антиохийском подворье в Москве. С 1948 по 1950 год был начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме. Затем был настоятелем храма Адриана и Натальи под Москвой, Пименовской церкви в Москве. В 1953 году совершилась его хиротония в архиепископа Астраханского и Сталинградского. Управлял Пензенской, Калужской, Ивановской и Харьковской епархиями. В 1960 году был возведён в сан архиепископа.

Ивановской епархией архиепископ Леонид управлял совсем недолго: с июля 1963 по март 1964

года. Большую часть времени в этот период он находился в Москве, где у него был свой дом. В дела Ивановской епархии этот архиерей особенно не вникал, игумен Амвросий видел его только один раз. Ему даже начало казаться, что так он и закрепится в Толпыгине и до самой своей кончины будет служить в этом ставшем дорогим его сердцу приходе.

Но на смену архиепископу Леониду был назначен митрополит Антоний (Кротевич), который круто изменил судьбу отца Амвросия.

Глава 5. Преображенский собор

Последние годы в Толпыгине

Отец Амвросий после службы в Воронцове ещё сильнее привязался к Толпыгину: всё здесь стало уже родным за больше чем десять лет.

Племянник отца Василия Васинского, сын его сестры Николай Винокуров, демобилизовался 4 декабря 1961 года, в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Отец Василий стал уже священником – настоятелем храма в Воронцове.

– Какие планы дальше? – спросил он племянника.

– Хотелось бы опять в семинарию, – ответил Николай. – Но Киевскую закрыли ведь уже...

– Попробуй в Московскую.

Молодой человек подготовился к поступлению, подал документы, ему пришла телеграмма – вызов во второй класс: обучение в первом классе Киевской семинарии ему зачли. Он обрадовался, но неожиданно его вызвали в военкомат, отобрали военный билет.

– Как же так, я же всего пять месяцев назад из армии вернулся! – в отчаянии воскликнул Николай.

– А мы вас на переподготовку отправим.

«Какая может быть переподготовка после службы в стройбате?» – подумал молодой человек. Но вскоре ему всё стало понятно: его задержали ровно на то время, пока шло зачисление в Московскую семинарию. А потом вернули документы и сказали: «Извините, мы ошибочно вас вызвали, вот сейчас разобрались, ничего от вас не требуется».

– Пропала моя учёба в семинарии, – чуть не плача сказал Николай отцу Василию.

– А ты съезди к отцу Амвросию, – ответил ему тот.

Николай вспомнил, как после разговора с отцом Амвросием у него благополучно разрешилась казавшаяся ему тогда неразрешимой ситуация с замполитом, и он воспрянул духом.

Когда он приехал в Толпыгино, настоятель встретил его очень доброжелательно, сказал:

– Поедем с тобой вместе в лавру. Там ректор отец Константин Ружицкий, инспектор отец Питирим, я у них учился. Поговорим с ними, думаю, что они помогут.

О чём отец Амвросий говорил с ними, Николай так никогда и не узнал. Единственное, что он услышал, это слова инспектора архимандрита Питирима, обращённые к его покровителю: «Хорошо, что вы позаботились об этом молодом человеке».

Николай начал учиться в семинарии. На каникулы он приезжал и к дяде, и к отцу Амвросию. Он пришёл в себя после потрясений военной службы и проблем, связанных с поступлением в семинарию. Ему было всего двадцать три года. Напряжение, в котором он так долго находился, неожиданно нашло разрядку в несколько нелепой шалости.

Монахини Нина и Анна не молодели; Анне миновало уже семьдесят лет. Однажды она встревоженная подбежала к настоятелю, размахивая каким-то конвертом с письмом.

– Что случилось, матушка? – спросил отец Амвросий.

– В военкомат меня вызывают! Ишь чего выдумали анчутки и храпилоиды – старух в армию забирать!

Игумен чуть не поперхнулся от смеха, но решил разобраться. Конверт был подписан от руки, был указан обратный адрес Приволжского райвоенкомата. Вызов напечатан на половине листа жёлтой бумаги, внизу какая-то закорючка вместо подписи, «печать» была поставлена пробкой от вина.

– Какая-то чушь, – сказал он монахине.

– Да я им пойду скажу, что за то, что они над старой женщиной издеваются, не будет им ни дна ни покрышки. Чтоб им пусто было иродам несусветным! И какая вот от меня в армии польза может быть?

Она так заинтересованно это спросила, что отец Амвросий невольно вполне серьёзным тоном ей ответил:

– Ну, может, суп солдатам варить, а то они отвлекаются на бытовые вещи, а им надо военное дело осваивать.

– Суп?! Да чтоб они подавились этим супом! Нашли себе прислугу бесплатную!

Настоятелю стоило большого труда успокоить её, сказав, что никуда ей ехать не надо, он сам со всем разберётся.

Забрав письмо, игумен отправился искать Николая, который в это время гостил у них в Толпыгине.

– И что это такое? – спросил его отец Амвросий, протягивая конверт.

Николай густо покраснел, а потом признался, что после того как монахиня Анна витиевато отругала его за какую-то ошибку на службе, ему подумалось, что вот было бы интересно, если бы она отругала работников военкомата, которые попортили ему столько крови. Если пучежских нельзя, то хотя бы приволжских...

Игумен Амвросий (Щуров)

Отец Амвросий сказал:

– Эта шутка вовсе не безобидна. Могло быть разбирательство, и неизвестно чем бы это обернулось. Ты готов оставить учёбу в семинарии ради глупого озорства?

Николай стал пунцовым: он не подумал, насколько серьёзными могут быть последствия того, что на первый взгляд казалось обычной шалостью.

– Обещаю быть впредь серьёзным, – только и сказал он.

И слово своё сдержал.

Прихожан в храме, несмотря на хрущёвские антицерковные гонения, которые ещё не закончились, было по-прежнему много. Храм имел вполне благоустроенный вид.

Архиепископа Леонида совсем не интересовали ни Толпыгино, ни отец Амвросий. А тот и рад был, что его не вызывают в епархиальное управление: помнил, как один из таких вызовов закончился переводом в Воронцово. «Побыл бы владыка Леонид у нас подольше», – подумал как-то игумен. А через три дня узнал, что в Иваново назначен новый управляющий епархией – митрополит Антоний (Кротевич).

Митрополит Антоний

Митрополит Антоний (Кротевич Борис Николаевич) родился 14 августа 1889 года в городе Богуславе Киевской губернии в семье священника. По окончании гимназии один год учился в Киевском медицинском институте. Затем в Киеве закончил духовную семинарию и в 1914 году – духовную академию со степенью кандидата богословия. 14 августа 1914 года Борис Кротевич был рукоположен в сан священника и назначен на приход в Киев. С 1932 года он служил на различных приходах, в том числе Москве и Московской епархии. В 1944 году отец Борис был направлен в распоряжение митрополита Киевского и Галицкого Иоанна, экзарха Украины, который благословил ему служить на приходе в г. Житомире.

В 1944 году состоялась его хиротония в сан епископа Житомирского и Овручского. С 1946 по 1970 год владыка Антоний служил в Костромской (и временно в Ярославской), затем в Тульской, Минской, Орловской, Ивановской, вновь в Тульской и в Тамбовской епархиях. Несколько раз по болезни он уходил на покой, но после выздоровления возвращался к архиерейскому служению.

В 1954 году совет Московской духовной академии избрал архиепископа Антония почётным членом академии. Патриарх Алексий удостоил его в 1952 году сана архиепископа, в 1959 году – права ношения креста на клобуке, в 1961 году – сана митрополита, а в 1963 году – ордена святого равноапостольного князя Владимира I степени.

Ивановской епархией митрополит Антоний управлял с апреля 1964 года до февраля 1966 года. Он был одним из самых своеобразных архиереев, управлявших Ивановской епархией. Краткий период его управления – с апреля 1964 года по февраль 1966 года – был отмечен многими событиями. В это время уже закончился виток антицерковных репрессий, развязанных Н. С. Хрущёвым. Казалось бы, архиерей будет прилагать силы к восстановлению церковной инфраструктуры епархии насколько это позволит новая историческая обстановка в стране.

Но вместо этого митрополит Антоний, под давлением государственных структур безвозмездно отдаёт городу хорошее здание епархиального управления и перебирается в намного меньшее, вносит в фонд мира из епархиальных средств значительные по тому времени деньги, передаёт городу две автомашины «Волга», светские книги из епархиальной библиотеки. Кроме того, при переезде епархиального управления в другое здание епархиальный архив и библиотека (кроме светской литературы, переданной городу) были утрачены.

11 мая 1966 года уполномоченный Совета по делам религий по Ивановской области дал ему такую характеристику: «Кротевич Б. Н. управлял епархией Ивановской и Кинешемской с апреля 1964 по февраль 1966 года. Взаимоотношения с ор-

ганами власти строил правильно. Все принципиальные вопросы решал только по согласованию с уполномоченным Советом. По прибытии в Иваново безвозмездно передал городу дом епархиального управления, библиотеку, две автомашины «Волга». Для епархиального управления отремонтирован другой дом, меньшего размера. Со священнослужителями и членами исполнительных органов иногда бывал резок, груб. Довольно часто перемещал служителей культа из одного прихода в другой. Из епархиальных средств довольно значительные суммы (до 40000 рублей) перечислял в фонд мира».

Предельно лояльный с советскими чиновниками, митрополит Антоний был нетерпим в отношениях с духовенством и прихожанами. Видимо, за лояльность власти разрешали ему решать кадровые вопросы и в отношении церковных советов. Он провел ряд перемещений священнослужителей, многие были им отправлены за штат и запрещены в священнослужении, некоторые церковные старосты вынуждены были уйти со своих постов. Он не очень считался и с патриархией, во всяком случае, сам награждал священнослужителей патриаршими наградами достаточно свободно.

Упразднил в Ивановской епархии должность благочинных, о чём сообщил благочинным в циркулярном письме из нескольких строчек: «Нахожу необходимым и для дела полезным упразднить всех оо. Благочинных Епархии. Всеми делами Епархии будет ведать Епархиальное Управление». Не более пространно была его информация об этом и в епархиальном годовом отчёте за 1964 год, отправленном в патриархию: «Мною была упразднена должность благочинных, которые являлись как бы кураторами над приходскими священниками, по-

средниками между ними и архиереем. Таким образом, улучшено и усилено было личное непосредственное руководство Митрополита пастырской деятельностью духовенства».

В то же время по требованию советских структур он издавал циркуляры, ограничивающие крещение взрослых и причащение младенцев следующего содержания: «Священникам приходских церквей Ивановской епархии. В тех случаях, когда с просьбой о крещении обращаются совершеннолетние и взрослые, священнику надлежит удостовериться в том, что желание креститься у них несомненно и твердо. Их надлежит подготовить к таинству крещения. Только в этом случае надлежит обращаться ко мне с просьбой благословить на совершение таинства крещения». «В то время, как родители детей отсутствуют, находятся на работе, бабки приносят детей в церковь для причащения, иногда против желания родителей. Родители выражают недовольство, так как причащение детей совершается против их желания. В таких случаях священникам не следует поступать против воли родителей».

Гонения Хрущёва уже закончились, поэтому сложно сказать, что же двигало этим, уже достаточно старым архиереем в его необычных поступках, тем более что заявления о сносе здания епархиального управления были явно надуманными (оно стоит до сих пор), и даже предшественнику митрополита Антония архиепископу Леониду удалось избежать его передачи властям. Наверное, всё-таки не просто желание перевестись в Тулу...

Именно с этим архиереем оказались связаны перемены в судьбе отца Амвросия.

Митрополит Антоний в алтаре Преображенского собора г. Иванова. Слева от него староста собора Н. С. Гайдук

Переезд в Иваново

Хотя в шестидесятые годы двадцатого века и не было тех средств связи, которые есть у людей сегодня, «сарафанное радио» передавало информацию не менее быстро, чем современные мессенджеры. Про митрополита Антония в Ивановскую епархию дошли слухи, что это крутой архиерей, которому невозможно ни в чём противоречить. Впрочем, он с самого момента приезда постарался им соответствовать. Священники боялись знакомства с ним, никто из них не спешил первым инициировать встречу с архиереем. А он в первый же месяц изучил все личные дела и начал сам их вызывать в епархиальное управление. Этих вызовов все опасались.

лись, отец Амвросий не был исключением. Поэтому, когда в Толпыгино пришла телеграмма, что его ждёт на встречу митрополит, он воспринял её как что-то опасное.

– Что вы так волнуетесь, батюшка: уже пятый архиерей за время, что вы здесь служите. Те ничего вам не сделали, и этот не сделает, – попробовала успокоить его монахиня Нина.

– Не знаю: предчувствие какое-то, что всё меняется, былой стабильности уже не будет, – грустно ответил игумен.

Митрополит принял его не сразу: пришлось около трёх часов подождать в приёмной. Наконец, секретарь епархиального управления сказал отцу Амвросию, что можно зайти.

Он зашёл в кабинет, в пояс поклонился владыке, подошёл под благословение. Тот изучающе посмотрел на него взглядом, который не многие выдерживали, не отводя глаз, потом спросил:

– Почему в духовной академии не стал учиться?

– Хотелось служить, владыка, – просто ответил игумен.

– Нравится тебе в деревне?

– Да, владыка.

– А что же там может нравиться? Ну, даже если и нравится. Я твоё дело внимательно прочитал. Ты человек молодой, тебе тридцать пять лет всего. И при этом дельный, нареканий к тебе никаких нет. От тебя может быть польза епархии.

– Так я вроде бы стараюсь служить на приходе, чтобы польза была...

– Я не про приход, а про всю епархию говорю. Введу тебя в епархиальный совет. Будешь учиться

шире смотреть на церковные дела, а не мерить всё деревенскими мерками.

– Владыка...

– Что? Я знаю, что я владыка. А у тебя почерк хороший?

Игумен растерянно пожал плечами, и митрополит тут же раздражённо пододвинул ему ручку и лист с бумагой:

– Напиши что-нибудь.

– Что именно?

– Что угодно, адрес свой, например.

Все это время митрополит сидел за столом: держа в руке посох, а отец Амвросий стоял перед ним. Чтобы написать адрес храма в Толпыгине, он тоже не садился, а лишь наклонился над столом. Архиерей посмотрел на написанное и, судя по всему, остался доволен увиденным.

– Будешь помогать мне антимины подписывать, – сказал он.

С этого дня спокойная жизнь у игумена закончилась. Вызовы в епархиальное управление были частыми. Судя по всему, он был один из тех немногих священников, которые понравились митрополиту. В одну из встреч архиерей сказал:

– Три дня тебе на сборы, перебирайся в Иваново, я назначу тебя священником в Преображенский кафедральный собор.

– Но, владыка, в Толпыгине прихожане так привыкли ко мне, не захотят отпустить...

– А кто их спрашивать будет? Кто они такие? И цирк с прощаниями нечего устраивать – у нас здесь не самодеятельный театр. Уехал и всё. А к ним новый священник приедет. Не понравится, пусть не ходят в церковь. В Советском Союзе никто насильно в неё не загоняет. Не то что в старое вре-

мя, когда справку об исповеди на работу нужно было приносить каждый год.

Увидев, что отец Амвросий чуть не плачет, митрополит раздражённо громко сказал ему:

– Ты мне сын, я тебе отец! Как благословлю, так и будет!

– Да, владыка, – послушно ответил игумен.

– Ты не переживай так, я ведь тебе добра хочу, – несколько успокоился архиерей, увидев, что священник ему не перечит.

Вернувшись в Толпыгино, отец Амвросий вошёл в храм и долго стоял в алтаре, прощаясь с этим ставшим ему родным местом. На глазах его не раз выступали слёзы пока он молился, вспоминал все, что было связано с годами его служения здесь.

Даже монахине Нине игумен ничего не рассказал, повинуясь строгому запрету митрополита Антония. Потом при встрече, когда она попеняла ему, что даже ей-то не сказал о своем переезде, ответил так: «Я просто никак не мог послушаться владыку митрополита Антония. Мне было очень тяжело расставаться с приходом. Я прослужил в нём двенадцать лет, но в три дня должен был собраться и не устраивать никаких прощаний, потому что всё это было неожиданно и могло быть не в мою пользу, поскольку время сейчас очень тяжелое. Народ расплачется, заволнуется. А любые волнения для церковной жизни опасны, следовало их избежать».

В Иванове он снял комнату в старом деревянном доме на четырёх хозяев. Комнаты эти жильцы гордо называли «квартирами». Дом стоял напротив закрытого Владимирского женского монастыря. Часть его построек снесли, часть использовали для нужд военного завода, в том числе и храм, который, лишившись куполов с крестами, казался ка-

ким-то несуразным строением. Две «квартиры» в доме занимали бывшие насельницы Владимирского монастыря; ещё в одной жила Вера Сергеевна Баскова с семьёй, а в четвёртой две её тётки. В 1965 году она взяла тёток к себе, после чего освободилась «квартира», которую она сдала отцу Амвросию.

Во дворе дома на ул. Лежневской в Иванове с соседками

Начало службы в соборе

Отцу Амвросию было сложно привыкать к кафедральному собору. В Толпыгине он был единственным священником, а здесь кроме него пять священников, несколько диаконов. Отношение церковного совета совсем иное: за четыре года, прошедшие после реформы приходского управления, эти люди успели почувствовать себя хозяевами в

приходах. И если в Толпыгине он на личных отношениях сохранял хрупкий баланс, то здесь был такой комок переплетённых межличностных отношений, что разобраться в нём меньше чем за год было практически невозможно. Казалось, что в соборе был какой-то паноптикум выставленных напоказ болезней и уродств человеческой природы, каждое из которых представлял отдельный экспонат, а некоторые умудрялись совмещать в себе и целый букет отрицательных качеств. На этом этапе хрупкий баланс поддерживался общим страхом перед митрополитом Антонием, который благодаря связям во властных структурах мог убирать неугодных ему членов церковных советов, а с духовенством и вовсе был крайне жёстким. Отцу Амвросию приходилось теперь видеть его ежедневно: каждый день на буднях митрополит ждал его в епархиальном управлении, где давал ему какие-то поручения, а по субботам вечером и по воскресеньям утром он сослужил с ним в числе других священников всенощное бдение и Литургию. При этом игумен в полном объеме нёс и череду как штатный священник кафедрального собора. Боявшиеся митрополита члены церковного совета со священниками вели себя достаточно пренебрежительно. Впрочем, отец Амвросий благодаря своему такту и тому, что их интересы никак не пересекались, сумел сохранять с ними вежливую дистанцию.

На город с четырехсоттысячным населением собор был единственный храм; получалось, что один священник почти на 70 тысяч жителей. Хотя народ здесь в основной массе отрицательно относился ко всему церковному, нагрузка на духовенство собора была колоссальной. В воскресные дни и большие праздники собор был переполнен, несмот-

ря на то что ходить в храм на богослужения без негативных последствий для себя могли очень немногие. Впрочем, были определённые лица, чьё хождение на службы власти даже скрыто поощряли – разного рода полусумасшедшие люди, склочники, сплетники, болтуны, не имеющие в силу возраста или инвалидности какой-либо созидательной занятости и превращавшие кафедральный собор в своего рода «клуб по интересам».

Они приходили сюда, чтобы обменяться свежими сплетнями обо всех священнослужителях и членах церковного совета, составить жалобы на них патриарху, в Совет по делам религий, возникший после объединения Совета по делам Русской православной церкви с Советом по делам религиозных культов (отсутствие отдельного центрального правительственного органа, курирующего Московский патриархат, должно было показать понижение его статуса в государстве).

Незадолго до перевода отца Амвросия в собор, этими «инициативными неравнодушными гражданами» было направлено письмо патриарху Алексию следующего содержания: «По уполномочию и по поручению 287 человек верующих чад православной церкви г. Иваново, подписавших ранее жалобу от 9.07.1963 года

В нашем кафедральном соборе до сего времени не утихает дух злобы и вражды, который посеял на благодатной ниве человек. Фамилия его – Гайдук Н. С., занимает должность в Соборе – председателя общины. Мы живые свидетели того факта, что он своим нетактичным поведением, а если можно так выразиться своими лукавыми действиями издевался над владыкой Илларионом и священниками, а также верующими гражданами. Наставником его

является бывший священник Покровский Н. С., ныне работающий бухгалтером Собора. Верующие граждане приносили в храм по традиции во время панихиды какие-либо продукты. Староста Гайдук и Покровский постарались через посредство финорганов отменить. Этим самым нанесли большое оскорбление чувствам верующих, отняли последнюю надежду и любовь к своим усопшим родителям, родным, знакомым. А священникам нанес экономический удар, финорганы обложили налогом в несколько тысяч рублей. Но и не только это, верующие на панихиду приносят свечи. Эти свечи в большинстве случаев не используют, а их обратно перепродают.

Конечно, в этом случае верующие люди скорбят, ведь может быть они купили свечи на последние деньги.

Церковный совет во главе Гайдука и Покровского в храме поставили режим подобно тюремно-лагерного характера, себя поставил культом личности. Верующих оскорбляет и презирает. Даже занимается рукоприкладством. Молодых и слабых здоровьем выгоняет из церкви, над священниками кощунствует. Это с нашей христианской морали недопустимо.

На наш взгляд не внушает доверия весь церковный совет. В самом деле Гайдук это ярый антихрист и хитрый лицемер. Казначей Кротова невера серебрялюбивая и к тому же лёгкого поведения. Покровский Н. С. серебрялюбивый, кощунник и невера. Вот лица этих так называемых исполнителей органа Собора.

Недавно в правый хор Гайдук взял в певцы брата Покровского Н. С. Покровского Ю. С. – бывшего дьякона, с которого снят сан за пьянку, блуд

и богохульство. Он отрекся миру от Бога, на него в то время архиепископом Илларионом был наложен запрет посещать храм. Но воспользовавшись случаем – отсутствие архиепископа Иллариона – оформил его в хор.

Об этом было сигнализировано уполномоченному тов. Желтухину, но он упорно защищает действия Гайдука и Покровского, которые ввели существующий порядок в храме и своими действиями ведут к хаосу, разложению и запугиванию верующих. Гайдук ежедневно консультируется у т. Желтухина и каждый раз получает новые указания. Гайдук и Покровский среди верующих и духовенства вводят дух разлада. Этим самым они готовят почву к закрытию храма.

Разберите нашу жалобу и просите председателя Совета по делам РПЦ СССР тов. Куроедова вмешаться в это дело, чтобы он дал конкретное указание уполномоченному по Ивановской области т. Желтухину снять с регистрации старосту Гайдука, Кротову, бухгалтера Покровского и выбрать новый орган церковного Совета, который отвечал бы требованиям верующих граждан».

Эти люди в качестве психологического воздействия могли направлять негодным им архиереям и священникам анонимные послания угрожающего характера. Например, епископ Ивановский Михаил (Постников) в 1947 году получил такое письмо от «верующих»: «Ты носишь большой чин, но ты его недостойн. Не место тебе быть у нас и служить в нашем храме. Ты и свита твоя нам не нужны. Люди считают тебя антихристом. Уйди от нас и уйди скорее. Тебе готовится участь, как Ерофею, которого в мантии с позором вывели на улицу из собора.

Гнев народа растёт, и ты должен выпить чашу народного недовольства».

Во время службы в храме был гул – так этим людям хотелось поделиться новыми гадостями, частью узванными, а частью придуманными, что остановить их могло только присутствие на службе митрополита Антония, который мог и распорядиться выгнать болтунов. Про него слухи ходили вообще несуразные, которые те, кто их передавал, выдавали за достоверные. Говорили, что после перенесённой операции у него верхняя часть черепа сдвигается, и ему приходится её периодически поправлять, отсюда и его раздражительность, и приступы гнева; что он офицер госбезопасности, который выполняет специальные задания государства по подрыву церковной жизни. Впрочем, про других придумывали вещи не менее нелепые. Например, про монахиню Ларису, работавшую в ризнице, говорили, что она до пострига была комендантом в «сером доме» (так в Иванове называли здание, где располагалось управление госбезопасности) и собственноручно приводила в исполнение смертные приговоры. А она на самом деле была всего лишь комендантом в женском общежитии.

Многие заслуживающие доверия очевидцы событий того времени считают, что авторы кляуз были людьми намного более порочными и беспринципными, чем те, о ком они писали. А по мнению отца Амвросия, всё более укреплявшемуся с годами, работники исполкомов и уполномоченные были гораздо порядочнее, чем многие, так называемые «верующие», приходившие в храм из любви к кляузам и пакостям ближним.

Хорошо характеризует авторов жалоб «от верующих» на священников текст следующей, доста-

точно типичной: «Преосвященный Владыко! Почему Вы никуда не переводите монаха Сергия? По Вашему он хорош, а нам он не нравится, просим убрать его из храма. Его место в селе, а не в кафедральном соборе; он окаянный монах, гад собачий. Вы значит его любите, и не уважаете верующих, управляете свое самолюбство. Потому у Вас нет никакого Бога, а есть только диавол, и ты слуга его».

Настоятель Покровской церкви с. Покров-Задорожье Юрьеvecкого района Ивановской области протоиерей Александр Борисоглебский, человек преклонного возраста, просил отправить его за штат, вследствие конфликта с церковным советом. В частности он писал: «Вам известны недружелюбие и насмешки со стороны церковного совета. За всю жизнь такого отношения во время долгой церковной службы я нигде не получал; это считаю и послужило что я оказался в Юрьеvecкой больнице под операцией».

Епархиальное управление между тем переехало в новый дом – очень маленький, но находившийся рядом с собором. Отцу Амвросию, которому приходилось в течение дня приходить и на службы в собор, и в епархиальное управление к митрополиту, это было удобно, а вот для организации работы епархии это стало большим минусом. Однако митрополит Антоний, который с момента приезда в Иваново открыто говорил о своём желании поскорее перебраться в Тулу, этим не озадачивался: он считал, что его здесь уже нет, а временно можно потерпеть и некоторые неудобства.

К игумену Амвросию он привязался, иногда с ним подолгу разговаривал. Раздражительного архиерея успокаивал этот степенный спокойный свя-

щенник, научившийся не показывать эмоций даже в моменты, когда внутри всё кипит.

С митрополитом Антонием (Кротовичем)

В 1965 году Николай Винокуров окончил Московскую духовную семинарию, был рукоположен в сан диакона в celibate и поступил в Московскую духовную академию. После первого курса он хотел перевестись на заочное отделение, но отец Амвро-

сий, с которым он поделился своими желаниями, сказал: «Поучись ещё годочек». И то же повторил и после второго, и после третьего курса академии. В 1967 году на праздник Благовещения Пресвятой Богородицы диакон Николай Винокуров был рукоположен в сан священника. «Окончишь академию, Бог даст, послужим вместе в Иванове», – сказал ему отец Амвросий, когда поздравлял его с хиротонией.

Духовник

У игумена стали появляться духовные чада в соборе. Одной из первых к нему подошла певчая левого клироса, которым руководил диакон Вадим Манчтет, Нина Галанцева. Эта была большеглазая девушка немногим старше двадцати лет со своим мнением по всем вопросам, которой срочно потребовался духовный авторитет, с кем она могла бы сверять свои взгляды.

– Отец Амвросий, мне отец Вадим посоветовал к вам подойти, попросить, чтобы вы стали моим духовным отцом, – смущаясь, сказала она.

– Почему именно ко мне? – улыбнулся игумен.
– Здесь в соборе есть более опытные священники.

– Старше по возрасту есть, но им не до наших проблем, у них свои заботы. А отец Дмитрий Мужук вообще сказал, что я глупая, – обиженно пожаловалась Нина.

Иерей Дмитрий Мужук был самым молодым из священников собора, ему было всего двадцать семь лет. Он любил прихвастнуть, не стеснялся в выражениях, считал, что лучше всех в епархии служит и у него самый красивый голос.

– Не думаю, что отец Дмитрий хотел тебя обидеть, он просто не очень подбирает слова, – мягко успокоил Нину отец Амвросий. – Хорошо, можешь у меня исповедоваться, если мои советы окажутся чем-то тебе полезными, то и слава Богу.

Нина спустя пару месяцев взахлёб рассказывала отцу Вадиму: «Отец Амвросий через незаурядность своей личности и другим даёт возможность почувствовать себя особенными, нужными. Очень мягкий, деликатный, интеллигентный, прекрасный собеседник. Мы много с ним разговаривали на разные темы».

Когда Нина называла игумену на исповеди свои грехи, ей казалось, что вот сейчас священник начнёт её ругать. А он лишь говорил: «Конь на четырех ногах и то спотыкается». И в то же время учил: «Ты главное ни одного греха не скрывай, всё открывай мне как отцу духовному». Она так и поступала.

Ещё одна Нина переехала в Иваново из Кинешмы. После девятого класса она поступила в ивановское профессионально-техническое училище учиться на повара. В Кинешме она была постоянной прихожанкой Троицкого кафедрального собора, стала ходить в собор и в Иваново. А на исповедь подходила к разным батюшкам. Как-то одна прихожанка сказала ей:

– Ты что всё время бегаешь по разным священникам? Это у вас там в Кинешме никто ничего не знает. Должен быть духовник.

А как раз в этот день отец Амвросий исповедал. Нина подошла к нему, говорит:

– Батюшка, а вы возьмите меня к себе...

Он так посмотрел на неё:

– Чего?

– Я не знаю, как она сказала, чтобы вы были мой...

– Духовник?

– Да.

– Возьму.

Духовных чад у отца Амвросия становилось всё больше. Он многим нравился своей глубокой религиозностью, искренней верой, внешними спокойствием и доброжелательностью, серьёзным отношением к чужим проблемам. Он не жалел своего времени на людей, хотя его занятость была большой. Впрочем, были и те, кто не любил его ровно за то же самое: он не давал им повода для сплетен.

Рекомендация

Митрополит Антоний часто о многом говорил с отцом Амвросием, рассказывал ему об особенностях архиерейского служения. А однажды сказал:

– Я решил написать митрополиту Никодиму про тебя. Ты рассказывал мне, что он тебя знает по твоей диаконской хиротонии в Ярославле.

– Зачем? – испугался игумен.

– Хватит тебе в этой ивановской глуши киснуть. Пора выбираться в какое-то более приличное место.

– Но, владыка, мне всё здесь нравится...

– А монаха не спрашивают, нравится ему или нет. Посылают и всё. Вот смотри, что я ему написал, – и протянул растерянному священнику письмо.

В нём был следующий текст: «Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Никодиму, митрополиту Ленинградскому и Ладожскому, председателю Отдела внешних церковных сношений

Московской патриархии – митрополита Антония – Рапорт. Имею честь почтительнейше доложить Вашему Высокопреосвященству, что во вверенной мне Епархии в Кафедральном Соборе служит Игумен Амвросий Щуров. Поверьте мне, я впервые, за всю свою многолетнюю пастырскую и архипастырскую деятельность встречаю такого инока – доброго, культурного, образованного, уравновешенного и любящего свою Родину. За всё это время я изучил его, и почитаю как сына родного. Знаю, что Вы, дорогой Владыка, нуждаетесь в добрых кандидатах для посылки за границу, а также и для рукоположения в сан Епископа. Твёрдо верю, что Игумен Амвросий не посрамит Русской Православной Церкви, а также и Родины нашей».

Отцу Амвросию было очень лестно, что митрополит так его оценил, но и страшно:

– Владыка, да ведь митрополит Никодим, наверное, меня и не помнит, мало ли там ставленников было, – только и сказал он.

– Не помнит – перешлёт документ в управление делами Московской патриархии, – ответил ему архиерей. – Я твёрдо убеждён, что ты должен стать епископом.

Через некоторое время из управления делами пришел запрос послужного списка и характеристики на игумена Амвросия (Щурова), которые митрополит Антоний им отправил. Однако его ходатайство осталось без удовлетворения, хотя митрополит Никодим и вызывал священника в Москву и дважды с ним встречался.

Спустя годы уже епископ Амвросий так вспоминал об этом: «Отец Никодим стал митрополитом, председателем отдела внешних церковных сношений. И он вызвал меня телеграммой в отдел. По

этому вызову я поехал в Москву и дважды был у владыки Никодима на приеме. Память моя хорошо сохранила его образ – величественного, деятельного святителя нашей Святой Церкви. По-видимому, владыка Никодим в то время имел в отношении меня какие-то соображения, но какие именно я, в силу сложившихся обстоятельств, так и не узнал. В дальнейшем я много раз видел владыку Никодима, когда он был митрополитом Ленинградским. Помню его всегда энергичным, мудрым, умеющим широко смотреть на вещи».

– Ну и ладно, – сказал архиерей отцу Амвросию, – сообщив, что получил устный отказ. – Значит, попозже это будет, может, я спешу как старый человек, а ты ещё молодой, у тебя время есть: и стать архиереем, и послужить в этом сане. А пока будешь архимандритом.

В воскресенье 9 января 1966 года во время Литургии в Преображенском кафедральном соборе он возвёл его в сан архимандрита, надел ему митру и мантию со скрижалями, к большому неудовольствию многих из соборных протоиереев. Как потом выяснилось, с патриархом это возведение не было согласовано – митрополит Антоний нередко так делал, когда считал нужным.

Уже 27 января 1966 года он, наконец получил, то назначение, которым так грезил: стал митрополитом Тульским и Белёвским. Впрочем, в Туле он послужил совсем недолго – уже 7 июля этого же года ушёл на покой. В ноябре 1968 года был назначен митрополитом Тамбовским и Мичуринским и служил в этом качестве до июня 1970 года. В восьмидесятилетнем возрасте митрополит ушёл на покой окончательно и жил в подмосковной Малаховке до своей кончины 21 ноября 1973 года.

Перед отъездом из Иванова он ещё раз сказал отцу Амвросию, что видит в нём будущего епископа, а чтобы им стать, архимандрит должен служить в Преображенском соборе – отсюда его и призовут на архиерейское служение.

И когда с ним уже у машины, которая должна была отвезти его в Тулу, прощались некоторые из тех, с кем в Иванове у него было наиболее доброе общение, митрополит, перед тем как захлопнуть дверцу машины, погрозил отцу Амвросию пальцем и сказал: «Не уходи из собора!» Это были последние сказанные ему слова митрополита Антония.

Глава 6. Настоятель кафедрального собора

Епископ Поликарп

Епископ Поликарп (Приймак Георгий Кондратьевич) родился во Владивостоке 1 апреля 1912 года в крестьянской семье. Вместе с семьёй переехал в Манчжурию, где в 1930 году окончил среднюю школу.

В 1932 году Георгий с матерью переехал в Японию, где познакомился с митрополитом Токийским и Японским Сергием (Тихомировым). Под его руководством он изучал богословие, а 8 марта 1936 года был рукоположен им в сан диакона, 13 марта пострижен в монашество с именем Поликарп, а 15 марта рукоположен в сан священника. В том же, 1936 году, указом местоблюстителя Московского патриаршего престола митрополита Сергия, иеромонах Поликарп был послан миссионером в Корею. Как писал об этом учреждённый митрополитом Сергием в Японии журнал «Сэйкё ситё» (Православная мысль), «...иеромонах Поликарп владеет не только русским, но и английским и японским языками, поэтому сможет окормлять всех прихожан Корейской церкви: и русских, и корейцев, и японцев».

Под давлением специальной японской полиции 4 сентября 1940 года митрополит Сергей был вынужден уйти на покой. Это было связано с ростом национализма и антимосковских настроений в Японии. 8 октября того же года японские власти вынудили его уйти и с поста начальника Русской духовной миссии в Корею. На эту должность был назна-

чен отец Поликарп с возведением в сан архимандрита.

После Второй мировой войны Япония и Южная Корея оказались под контролем США, а Северная Корея под контролем СССР. Перед архимандритом Поликарпом предстала альтернатива перейти в юрисдикцию Американского Русского митрополичьего округа. Но эта возможность была им отвергнута. 12 декабря 1948 году он был заточён на две недели в тюрьму Кемукван. 18 июня 1949 года его вновь арестовали, обвинили в шпионаже в пользу Советского Союза, подвергли пыткам. В связи с отсутствием улик показательный процесс был отменён, однако архимандрит Поликарп с престарелой матерью был выслан в Северную Корею. На этом завершилась деятельность Русской духовной миссии в Корее.

В 1949 году архимандрит Поликарп был переведён в г. Харбин в Китае, а в сентябре 1951 года назначен начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме, где и пробыл до апреля 1955 года. Последним местом служения архимандрита Поликарпа перед его архиерейской хиротонией был г. Мукачево Закарпатской области. 19 июля 1957 года архимандрит Поликарп был рукоположен в сан епископа Кировского и Слободского. С ноября 1961 года епископ Поликарп управлял Архангельской епархией. В 1963 году был награждён орденом святого равноапостольного князя Владимира II степени.

Вот этот архиерей с такой непростой судьбой, переживший заключение и пытки в восточной тюрьме, служивший в Японии, Корее, Китае и Израиле, сменил митрополита Антония в качестве

управляющего Ивановской епархией в феврале 1966 года.

Обед в Ивановском епархиальном управлении. В центре епископ Поликарп, справа от него архимандрит Амвросий

Один из уполномоченных так характеризовал епископа Поликарпа: «Взаимоотношения строит правильно. Не было ни одного случая, чтобы епископ Поликарп не выполнил даваемых рекомендаций. В беседах неизменно вежлив и предупредителен. Интерес к политическим вопросам не проявляет и разговоров на эти темы избегает. По характеру спокоен, самолюбив... Положением своим несколько гордится. Создаётся впечатление, что не только без смущения, но даже с гордостью проходит по коридорам учреждения, на виду у многочисленных посетителей».

Новый архиерей сразу выделил из всех в Преображенском кафедральном соборе архимандрита Амвросия.

Отец Амвросий рассказывал потом диакону Николаю Винокурову: «А владыка Поликарп захотел, чтобы я стал настоятелем собора. Противоречить владыке я не смог. Помню, он тогда обнял меня прямо в алтаре собора и при всех объявил настоятелем. Настоятельство моё на первых порах было очень тяжёлое, потому что и церковный совет, и старые протоиереи смотрели на меня очень недружелюбно. Но пришлось мне всё же это послушание принять».

Сначала архиерей возложил на него исполнение обязанностей настоятеля, а 4 ноября 1966 года, в праздник Казанской иконы Пресвятой Богородицы – престольный в одном из приделов собора – утвердил его в должности настоятеля окончательно.

Преображенский кафедральный собор г. Иванова, 1950-е гг.

Епископ Поликарп был очень доброжелателен с духовенством и прихожанами. Перенесённые жизненные испытания заставляли его шире смотреть на многое. Кто-то этим пользовался, недоброжелатели шушукались по углам, что он распустил дисциплину. Когда архиерей во время службы улыбнулся какой-то прихожанке, то начали распускать слухи, что у них какие-то шашни. После всех перенесенных реальных испытаний епископу казалось это смешным, он не обращал ни на что внимания. Назначенному им настоятелю он помогал устояться в новой должности, очень сложной из-за пристального внимания к её носителю со стороны сотен самых разных людей: и архиерея, и уполномоченного, и духовенства, не только соборного, но и в целом епархиального, и прихожан, среди которых немало было недоброжелательных, в том числе и полусумасшедших...

В Ивановской епархии он служил с февраля 1966 года до второй половины 1968 года. С июля 1968 года был назначен епископом Пензенским.

Как писал уполномоченный, «известие о переводе в Пензенскую епархию Поликарп воспринял болезненно, но теперь, кажется, несколько смирился. Вначале он считал виновником этого архиепископа Феодосия, который будто бы страстно хотел занять Ивановскую кафедру. В связи с этим, когда Феодосий предложил ему встретиться в Москве, чтобы поговорить о епархиях, ввести друг друга в курс дела, проинформировать об особенностях, – он отверг это предложение. Свою позицию пояснил так: "Пусть приезжает и принимает епархию. Сотрудники будут на месте, документы подготовлены. Если я совершил в Иванове преступление, то найти меня очень просто – я буду в Пензе". Архиепископ

Феодосий предлагал якобы вместе похлопотать перед патриархом об отмене данного решения, так как Феодосию тоже не хочется уезжать из Пензы. Но и это предложение Поликарп отклонил. Он пояснил, что первыми словами клятвы при хиротонии являются слова о покорности. "Я 32 года служу Церкви и ни разу не ослушался, не буду ослушником и сейчас", – с гордостью заявил он».

16 декабря 1969 года епископ Поликарп ушёл на покой. Находясь на покое в Симферополе, владыка любил заниматься живописью. Последнее время из-за болезни ног он рисовал сидя в доме или около него. Скончался он в воскресный день в 18 часов 23 июля 1989 года на 78-м году жизни.

А для настоятеля Преображенского кафедрального собора г. Иванова архимандрита Амвросия с назначением управляющим Ивановской епархией архиепископа Феодосия наступил, наверное, самый тяжёлый период в его жизни.

Архиепископ Феодосий

Архиепископ Феодосий (Погорский Дмитрий Михайлович) родился 19 октября 1909 года в селе Брусилове Киевской губернии. Он происходил из духовного звания. В 1927 году окончил среднюю школу. С 1928 года началось его церковное служение в качестве псаломщика и регента. С 1930 года работал в различных учреждениях Киева. В 1940 году заочно закончил Московский плановый институт.

С 1942 года, после рукоположения в сан священника проходил пастырское служение на приходах в Киеве, Чернигове, Ленинграде. В 1956 году протоиерей Дмитрий Погорский заочно окончил

Ленинградскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В 1957 году в Успенском мужском монастыре Одессы протоиерей Димитрий был пострижен в монашество с наречением имени Феодосий и по возведении в сан архимандрита назначен ректором Саратовской духовной семинарии. 22 июня 1958 года состоялась его хиротония в сан епископа Калининского и Кашинского. С 22 марта 1960 года владыка Феодосий был епископом Пензенским и Сызранским. 25 февраля 1964 года он был возведён в сан архиепископа с правом ношения креста на клобуке. С 30 июля 1968 года был архиепископом Ивановским и Кинешемским.

Положение дел, которое владыка Феодосий обнаружил в Ивановской епархии, его не удовлетворило. В своем отчёте в патриархию за 1968 год он писал: «Мне трудно судить о состоянии церковно-приходской жизни епархии, пробыв на кафедре в отчетном году только 4 месяца, но и за этот короткий период у меня накопилось много фактов, свидетельствующих, что идиллическая картина процветания церковно-приходской жизни вообще и церковно-канонической дисциплины духовенства в частности, не является реальной, а только желаемой, идеальной. Недостойные священнослужители, которых митрополит Антоний отправил в заштат, при епископе Поликарпе вновь продолжили свое служение, направленное на подрыв авторитета Церкви».

Упразднение митрополитом Антонием института благочинных в Ивановской епархии не вызвало у архиепископа Феодосия поддержки. Об этом он писал следующее: «Первые шаги моей архипастырской деятельности затруднялись и осложнялись тем обстоятельством, что в епархии не было ни одного

благочинного. Как выяснилось Высокопреосвященнейший митрополит Антоний, управляя епархией, счёл полезным для её блага упразднить всех благочинных в 1964 году. Помимо того, что отсутствие благочинных не соответствует структуре управления епархией, утвержденной в "Положении об управлении РПЦ", создалось такое ненормальное положение, что в случае конфликтных дел и жалоб на священнослужителей, не было кого послать на место для ознакомления с истинным положением дела, в результате чего я не имел твёрдых оснований для решения спорных вопросов. Для исправления создавшегося ненормального положения мной были восстановлены благочиннические округа и назначены благочинные – сначала три, а потом ещё один. Духовенство кафедрального собора подчинено непосредственно мне».

Архиепископ Феодосий (Погорский)

В своё время митрополит Антоний ратовал за то, чтобы в Ивановскую епархию направлялись вы-

пускники Московской духовной академии для их служения в храмах области. Им была даже выделена финансовая поддержка академии в размере 15 тысяч рублей – достаточно существенная по тем временам сумма. Его пожелание сбылось уже при втором после него управляющем епархией. В 1968 году в Ивановскую епархию прибыли для прохождения служения три выпускника Московской духовной академии, кандидаты богословия – иеромонах Модест (Кожевников), священник Николай Винокуров, священник Сергей Паршутто.

Священник Николай Винокуров был назначен на служение в Преображенский кафедральный собор, где настоятелем был архимандрит Амвросий. Так начало сбываться давнее предсказание архимандрита Леонтия о том, что один из них будет добрым помощником другому.

С самого начала своего служения в Ивановской епархии архиепископ Феодосий вступил в резкую конфронтацию с церковными советами, в первую очередь это касалось Преображенского собора. Архиерей очень любил пространно писать, в отличие от митрополита Антония, который даже по самым важным вопросам мог сформулировать свою позицию в нескольких строчках, архиепископ Феодосий по маловажной проблеме мог написать целое послание из нескольких страниц. На поданном ему прошении в несколько строк, он мог написать резолюцию, которая не только испещряла собой всё прошение и обратную сторону листа, на котором оно было написано, но и продолжалось на приложенных листах. В штате епархиального управления появились две машинистки, которые с утра до вечера печатали то, что написал архиерей, и иногда им ещё требовалась помощь привлеченных маши-

нисток, так как они физически не всегда успели напечатать то, что он написал.

В январе 1969 года конфронтация архиепископа Феодосия со старостой кафедрального собора приняла открытый характер, о чём он пространно написал двадцатке собора: «Староста собора Д. Е. Марков в крещенский сочельник 18 января с. г. допустил возмутительные действия, свидетельствующие о его антицерковном поведении и настроении. Узнав о том, что я предполагаю выйти с крестным ходом из храма для освящения воды через главный вход, а не через боковой, Д. Е. Марков с большим возмущением вошел в алтарь во время пения запричастного стиха, не приветствуя меня и не взяв благословения, стал в повышенном тоне грубо и дерзко доказывать мне неправильность моего желания выходить из храма через главный вход, ссылаясь на то, что я в Иванове только служу первый год, а в прошлые годы выходили боковыми дверями.

Я объяснил Д. Маркову, что для соблюдения порядка при освящении и раздаче воды не имеет значения, какими дверями выйдет крестный ход с духовенством. Место, где стоят кадки с водой, должно быть загорожено садовыми скамейками и при приближении духовенства следует одну скамейку отодвинуть, чтобы пропустить крестный ход, духовенство и певчих, а после этого, сразу же скамейкой загородить вход.

Д. Марков, не желая слушать меня и настаивая на своем, во всеуслышание заявил, что народ опрокинет кадки с водой и что он снимает с себя ответственность за порядок. Будучи в разъяренном состоянии из-за того, что Архиерей ему не подчи-

няется, он крикнул среди народа: "Плевать мне на всё духовенство".

Желая мне отомстить за "неповиновение" ему и чтобы доказать свою правоту, Д. Марков умышленно уклонился от наведения порядка у кадок с водой и этим способствовал тому, что народ подошёл очень близко к самым кадкам. Далее, чтобы совершенно дезорганизовать освящение воды, он увел от кадок тех мужчин, которые были приглашены для наведения порядка, оставив одного помстаросты В. М. Сахарова, и сам ушёл в сторону. Поэтому не было кому закрыть вход к кадкам, когда закончилось освящение воды и некому было поддерживать порядок, так как один В. Сахаров не мог справиться и из-за этого, естественно, произошла у кадок во время раздачи воды давка.

К тому же Д. Марков не подготовился своевременно к празднику, в результате чего одна из кадок лопнула при наполнении её водой. У двух кадок, которые были наполнены водой, краны оказались испорчены. Из 24 кранов были исправлены только 12. Об этом Д. Марков знал раньше, но не принял своевременно мер к исправлению кранов. А своего заместителя В. Сахарова он так обезличил, что тот боится без приказа Д. Маркова что-либо делать во избежание неприятностей и увольнения, которым он ему грозит. Из-за сильного мороза металлические краны замерзли и вода перестала течь. Д. Марков не позаботился о том, чтобы краны разогреть паяльной лампой перед освящением воды, как делалось в прошлые годы.

Он также не позаботился, чтобы разбить лед, образовавшийся в кадках сверху, из-за чего я, погружая крест в воду, поранил себе руки до крови.

В это время, когда у кадок с водой, из-за отсутствия специальных людей для поддержания порядка и раздачи св. воды, а также из-за малого количества действующих кранов происходили шум и давка и люди были вынуждены брать воду не из кранов (которые замерзли), а через верх, Д. Марков, бегая в народе, злорадно кричал: "Вот что ваш Владыка наделал".

На другой день, то есть в самый праздник Крещения Господня, Д. Марков в собор не явился и это дало возможность замстаросты В. М. Сахарову правильно организовать охрану порядка, раздачу воды и поэтому, несмотря на большое скопление народа, беспорядка не было.

Из этого видно, что сущность дела заключалась не в том, какой дверью вышел из храма Архидьякон с крестным ходом, а в том, что Д. Марков неправомочно считая себя единоличным, бесконтрольным и всевластным "хозяином" кафедрального собора, ослеплённый гордостью и гневом, устроил в алтаре скандал во время служения Божественной Литургии, вступив в неприличные пререкания со мной, умышленно создал беспорядок при раздаче св. воды, оскорблял меня и духовенство перед верующими, показав этим, что он не признает церковной иерархии. У меня имеются сведения, что однажды он прямо и откровенно заявил: "Я не подчиняюсь архиерею".

Мне известно, что Д. Марков хочет меня "запугать" и грозит, что не будет вносить взносов от собора на содержание Патриархии и Епархии. Это меня несколько не удивляет и не пугает, Д. Марков может поступать, как ему заблагорассудится. Епархиальное Управление не нуждается в милостыне и подачках Маркова».

Архиепископу Феодосию в этот раз удалось выйти победителем в столкновении со старостой собора. Церковный совет был переизбран, новым старостой стал бывший водитель епархиального управления и собора Александр Вереникин, что, как позже стало понятно, никак не улучшило управляемость этого органа со стороны архиерея.

Конфликтовал архиепископ Феодосий и со старостами других приходов. В отчёте в патриархию за 1970 год он писал: «Самоуправно, дерзко и грубо ведет себя староста церкви пос. Старая Вичуга А. Н. Морева, как в отношении прихожан, так и в отношении духовенства и даже архиерея. Маленький, но материально хорошо обеспеченный храм из-за ее нерадивого отношения содержится в грязном и запущенном состоянии. Священнослужителей она рассматривает как личных наёмных работников. Она без уважительных причин и только по своему произволу добилась уменьшения жалованья на 50 рублей новорукоположенному диакону М. Оросу, высказываясь о нём пренебрежительно: "У нас не было диакона, и это не диакон". Не получая зарплаты, чтобы не лишиться пенсии, она занималась перепродажей несгоревших свечей в свою пользу, с прихожанами, духовенством и служащими церкви была невероятно дерзка и груба».

Обстановку в Преображенском кафедральном соборе в 1972 году наглядно характеризует письмо, написанное архиепископом Феодосием церковному совету и настоятелю собора: «29 июля с. г., присутствуя за богослужением в Кафедральном соборе, я стал свидетелем возмутительного случая, когда Аполлинария Бабаева, записывающая требы, отказалась записать бесплатно отпевание безродной старушки. На мое разъяснение, что во всех случаях,

когда верующие не имеют возможности внести установленную цер. советом сумму за какую-либо потребу, она должна быть совершена бесплатно, о чем должна быть сделана оговорка в квитанции, — А. Бабаева реагировала не как церковный работник, а как работник торговли, ссылаясь на то, что если она выпишет бесплатную квитанцию, то бухгалтер сделает на неё начёт и с неё взыщут недостающую сумму.

Несмотря на то, что я обещал ей возместить недостачу, если церковный совет не признает этой требы как бесплатной и несмотря на то, что помстаросты Т. П. Левин разрешил ей выписать квитанцию с оговоркой, что отпевание бесплатное, А. Бабаева категорически отказалась это сделать и нашла выход из создавшегося положения в том, что демонстративно собрала среди служащих канцелярии собора 2 руб., выписала квитанцию за деньги и прислала ее в алтарь.

А. Бабаева оправдывается тем, что староста А. А. Вереникин запретил выписывать квитанции без денег. В этом нет ничего удивительного, если рассматривать храм не как "дом молитвы", а как торговое предприятие, работающее по "ценнику", который, между прочим, действительно висит на стене кафедрального собора. Ни в одной епархии нет места такому равнодушному подходу к нуждам верующих людей и жестокому бюрократизму, как в Ивановском кафедральном соборе. Везде существует практика бесплатного причащения больных на дому, а также иногда и других треб (например, соборования больных, крещения детей, если крестится вся семья и пр. случаях).

Как мне стало известно, староста А. Вереникин, узнав позже об истории вышеупомянутого

"бесплатного" отпевания, выражал свое неудовольствие при народе, обвиняя меня в том, что я будто бы вмешиваюсь в финансовые и бухгалтерские дела собора. Поэтому я считаю своим неременным архипастырским долгом разъяснить церковному совету и другим служащим собора, что запись церковных треб не только финансовый и бухгалтерский вопрос, а в первую очередь вопрос религиозный и богослужебный и поэтому я имею право давать соответствующие разъяснения, независимо от того нравятся ли они А. Вереникину или нет. Это не первый случай, когда А. Вереникин в дерзкой форме открыто подчёркивает свое неуважение и игнорирование Архиерея.

Очень хорошо и ясно высказал антицерковное настроение руководства собора пред. Ревкомиссии А. Аксенов, когда он в разговоре с просфорней З. Тимофеевской высказал "рационализаторское предложение", чтобы для экономии дров и зарплаты, вместо выпечки просфор покупать в магазине булки. На возражение З. Тимофеевской, что просфоры нельзя заменить булками и что на это нужно иметь благословение Владыки Феодосия, А. Аксенов заявил: "Это для вас он Владыка, а для меня ничто..." Этой ясной и краткой формулой, как видно, руководствуются в своей деятельности и другие руководящие работники кафедрального собора.

При сем прилагается 2 руб. для передачи их сотрудникам собора, внесшим деньги за отпевание».

Много лет спустя, уже архиепископ Амвросий так вспоминал время своего служения соборным настоятелем при архиепископе Феодосии: «При нём много было волнений. Это был своеобразный человек. Он не считался с обстановкой, стремился быть во главе всего, хотел, чтобы церковные советы ему

подчинялись, а в то время это было недостижимо. Его невзлюбили. Вся его борьба с церковными советами была непродуманная и достаточно пустая, потому что он не оценил обстановки и только разволновал народ. Да так раскачал он народ, что не молитва была в соборе, а одно озлобление. Вечером, после всенощного бдения, собирались группы: "Кто против? Кто за?" Кричали так громко, будто в ограде пожар. Больно было смотреть на эту картину. Но что я мог сказать? Ведь он был архиереем, хотя и вёл себя слишком опрометчиво. Настоятельство при нём было мученичество сплошное. Владыка Феодосий невзлюбил церковный совет и регента, а мне приходилось и с ним и с ними общаться. Быть между несколькими огнями очень сложно».

*Богослужение архиеп. Феодосия в Преображенском соборе.
Второй слева – архимандрит Амвросий (Щуров), 1970 г.*

Однако архиепископ Феодосий не удовлетворил прошений архимандрита Амвросия о переводе его на сельский приход, и ему пришлось очень много тяжёлых дней и бессонных ночей пережить за те пять лет, пока этот архиерей был на ивановской кафедре.

«Верующие»

В своей борьбе против церковного совета кафедрального собора архиепископ Феодосий решил опереться на существовавшую там достаточно большую группу полусумасшедших людей, которые с радостью откликнулись, так как это давало им возможность принимать активное участие в событиях соборной жизни, а некоторые из них, более хитрые, думали, что через это они смогут и заменить некоторых из членов церковного совета, чтобы самим бесконтрольно пользоваться теми материальными благами, которые давало это, казалось бы, незавидное в советском государстве положение.

Патриарху Пимену и в Совет по делам религий при СМ СССР от них пошли письма примерно такого содержания: «В нашей Святой Церкви развелось такое блудство среди работников хозяйственного аппарата, что даже нет никаких сил больше терпеть это безобразие. Староста церкви Вереникин А. А., шофер по профессии, человек неверующий, очень грубый с прихожанами и духовенством. Имеет жену и шесть человек детей, прелюбодействует с кладовщицей храма Воробьевой Л., у которой есть муж и четверо детей. Регент храма Левчук Б. П. Окончил духовную семинарию и академию, со своей супругой не живёт, а как Вереникин А. А. прелюбодействует с певчими из своего хора и с женой отца Николая Чернявского, у которого тоже двое детей.

Не лучше и другие члены хозяйственного аппарата. Продавец Ильинская К. С. это такая личность, что страшно описывать. Ильинская некогда имея на руках троих детей, сдала их в детдом и сама нанялась в домработницы к отцу Александру

Ильинскому (ныне покойный). Она разбила семью отца Александра (от него ушли жена и дети) и сама прижила сына. На смертном одре она принудила отца Александра зарегистрировать с ней брак, не расторгнув брака с первой женой. Каким образом ей удалось это сделать неизвестно. И теперь эта Ильинская, величая себя «матушкой» командует в храме.

Под руководством Вереникина А. А. и Ильинской в храме происходит вторичная продажа свечей несожжённых в праздничные дни, просфоры выпекаются только из жертвенной муки, всевозможные махинации производят с поминальными записками.

Вереникин А. А. набрал себе в члены двадцатки таких людей, которые всецело его защищали: Марков Д. Е., бывший староста храма, также блудил, пьянствовал, при нём два раза обворовывали церковь.

Исаева М. С. казначей храма бывшая работница торговли, за недостачу была снята с работы. В церкви поправила свои материальные дела, имеет два дома и автомашину "Москвич".

Аксенов А. Н. – бывший милиционер, был осуждён и отбывал тюремное заключение, сейчас в храме занимает должность председателя ревизионной комиссии.

Кормилин А. П. бывший работник храма, собирал деньги на блюдечко и крал их, а потом пропивал в ресторанах города.

Остальные члены двадцатки во внимание не берутся старостой Вереникиным. И фактически все вопросы, касающиеся жизни церкви решаются в горисполкоме. Староста церкви назначается, а не выбирается верующими людьми, ставится такой староста, какой нравится уполномоченным».

В отношении настоятеля собора эта группа «верующих» считала, что он заодно с членами церковного совета, поэтому на него с их стороны тоже были постоянные нападения. Но его им было фактически не в чем обвинить, кроме того, что он не может «поставить на место» членов церковного совета. Настоятель имел на это ещё меньше полномочий, чем управляющий епархией, поэтому писали всякую глупость. Например, что священник, который из-за нахождения в постоянном стрессе в сорок лет поседел, красит волосы, чтобы «казаться солиднее».

Александр Вереникин (первый слева) с епископом Поликарпом

Затем их нападения стали более явными. Однажды в собор пришла женщина, которая призналась в том, что две прихожанки предлагали ей сто рублей за то, чтобы она во время службы, когда будет много народа, подошла со своим годовалым ребёнком к отцу Амвросию, положила его ему под ноги и сказала: «Забирай своего ребёнка!» Но она, хо-

тя и была неверующей, и у неё были на тот момент серьёзные материальные трудности, в последний момент испугалась: видимо, почувствовала что-то, чего не чувствовали «верующие». И не просто не сделала, но и рассказала о том, что ей предлагалось совершить. «Верующие» же, увидев, что и это не сработало, однажды, когда настоятель давал крест прихожанам после Литургии, стащили его с амвона за волосы, и попытались побить. Их быстро оттеснили, но с тех пор отец Амвросий стал коротко постригаться.

Кроме настоятельства он в полной мере нёс служение в чередё наравне с другими священниками. Отцу Николаю Винокурову он жаловался наедине: «Я устал и физически и морально. Не мне с моим характером быть на этом месте. Здесь нужен человек с большими административными способностями, я же таких не имею. Я никогда не стремился на настоятельское место, но в своё время уступил увещаниям владыки Поликарпа и принял указ ради монашеского послушания. Сейчас много молодого и деятельного духовенства, которые могли бы меня сменить. Почему владыка Феодосий не удовлетворяет моих прошений о переводе на один из сельских приходов, например в Петровское, Маршово, Кузнецово?»

А священник Николай грустно смотрел на своего старшего друга своим глубоким пронизывающим взглядом и тихо говорил мягким голосом: «Отец Амвросий, потерпите немного ещё. У нас у каждого в жизни есть свой период испытаний, когда кажется, что нет сил. Просто у всех он выпадает на разное время. У меня таким периодом была служба в королевских колониальных войсках (так он в шутку называл стройбат), у вас это время со-

борного настоятельства. А вспомните отца Леонтия – что наши испытания по сравнению с его испытаниями? Ночь темнее всего перед рассветом, Бог не даёт нам больших тягот, чем мы можем понести. И это пройдёт – перечитайте Экклесиаста».

Архимандрит Амвросий

Архимандрит немного успокаивался, но ему с каждым днём становилось всё сложнее в этих условиях сохранять внешние спокойствие и невозмутимость. Но, как бы ему это ни было сложно, он сумел их сохранить во все эти трудные для него годы. Те, кто приходили к нему на исповедь или за духовным советом, не видели и тени нервозности и напряжения. Он так с ними говорил, что все они считали, что именно их проблемы – самое важное, что занимает этого священника.

Кончина патриарха Алексия I

17 апреля 1970 года скончался патриарх Алексий I (Симанский Сергей Владимирович). Это был уже девяностодвухлетний старец. Он происходил из дворянского рода. Ещё в девятнадцатом веке успел окончить юридический факультет Московского университета, отслужить год в гренадёрском полку, выйдя в отставку в чине прапорщика. Осенью 1900 года поступил в Московскую духовную академию. 9 февраля 1902 года был пострижен в монашество с именем Алексий, 17 марта того же года был рукоположен в сан иеродиакона, в следующем 1903 году – в сан иеромонаха. В 1904 году окончил Московскую духовную академию, был назначен инспектором Псковской духовной семинарии. В 1906 году возведён в сан архимандрита. Был ректором Тульской, затем Новгородской семинарии. В 1913 году состоялась его хиротония в епископа Тихвинского, викария Новгородской епархии. В 1921 году был назначен первым викарием Ленинградской епархии. В 1922 году по обвинению в «контрреволюционной деятельности», осужден и выслан на 3 года в Казахстан.

По возвращении в 1926 году был назначен управляющим Новгородской епархией с возведением в сан архиепископа. В этот период стал членом созданного митрополитом Сергием (Страгородским) временного патриаршего синода и стал его ближайшим помощником, участвовал в составлении «Декларации» 1927 года, после издания которой значительная часть православного духовенства в России и особенно в эмигрантской среде перестала признавать митрополита Сергия в качестве исполняющего обязанности патриаршего местоблюстителя.

ля и отказалась помянуть его имя во время богослужений. В «Декларации», в частности, говорилось: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи. <...> Только кабинетные мечтатели могут думать, что такое огромное общество, как наша Православная Церковь со всей Ее организацией, может существовать в государстве спокойно, закрывшись от власти. Теперь, когда наша Патриархия, исполняя волю почившего Патриарха, решительно и бесповоротно становится на путь лояльности, людям указанного настроения придётся или переломить себя и, оставив свои политические симпатии дома, приносить в Церковь только веру и работать с нами только во имя веры; или, если переломить себя они сразу не смогут, по крайней мере, не мешать нам, устранившись временно от дела. Мы уверены, что они опять и очень скоро возвратятся работать с нами, убедившись, что изменилось лишь отношение к власти, а вера и православно-христианская жизнь остаются незыблемы».

В 1932 году архиепископ Алексей был возведён в сан митрополита, в октябре 1933 года стал управляющим Ленинградской епархией с сохранением за ним управления Новгородской. Всё время блокады Ленинграда был вместе со своей паствой, постоянно служил, посланиями, проповедями, организацией сбора средств на оборону, на помощь раненым и сиротам, участвуя в обороне города. После войны был награждён медалью «За оборону Ленинграда».

Дважды встречался с И. В. Сталиным. Первая встреча состоялась 4 сентября 1943 года. На ней

митрополиты Алексей (Симанский) и Николай (Ярушевич) сопровождали патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского). По результатам этой встречи И. В. Сталин согласился на созыв архиерейского собора и проведение выборов патриарха. Священники начали возвращаться к служению из мест лишения свободы и рядов действующей армии, со светской работы, на которой некоторые работали уже не одно десятилетие. Началось открытие храмов, было дано разрешение на открытие духовных учебных заведений и выпуск «Журнала Московской патриархии». 8 сентября 1943 года митрополит Сергий был избран патриархом. Созданный в октябре 1943 года Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР был призван осуществлять связь между правительством СССР и патриархом, контролировать деятельность местных епархий, информировать правительство о нуждах Церкви, готовить проекты государственных законодательных актов по церковным делам.

Вторая встреча с И. В. Сталиным состоялась после того, как ставший после кончины в мае 1944 года патриарха Сергия местоблюстителем патриаршего престола митрополит Алексей 2 февраля 1945 года поместным собором Русской православной церкви избран патриархом Московским и всея Руси. Встреча состоялась 10 апреля 1945 года, патриарха сопровождали митрополит Крутицкий Николай и протопресвитер Николай Колчицкий. По её итогам советским государством было признано «Положение об управлении Русской Православной Церковью», принятое в 1945 году и восстановившее иерархический принцип внутрицерковного управления. Как положительное явление можно оценить даже создание в 1943 году Совета по делам РПЦ

при СНК СССР. Впервые в Советском Союзе появился правительственный орган, через который стали возможны более-менее полноценные государственно-церковные отношения, в том числе и на правительственном уровне. Впервые в СССР начинается и процесс не закрытия, а возвращения верующим ранее закрытых храмов. Однако темпы открытия церквей не соответствовали потребностям православного населения, даже в период наиболее благоприятного отношения к Церкви со стороны советского правительства. Советское государство и идейно и законодательно продолжало базироваться на активной атеистической идеологии, что создавало благоприятные условия для новых гонений на Церковь.

Патриотическая деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны, желание хорошо выглядеть перед союзниками, а в послевоенное время желание использовать церковный потенциал в международной политике – все эти меркантильные и сиюминутные задачи, которые решало советское правительство, не могли стать фундаментом для подлинного церковного возрождения в России. Перед Церковью, инфраструктура которой была разрушена десятилетиями гонений, ставилась непосильная задача – стать центром мирового православия и противовесом Ватикану. Естественно, что она была невыполнима, и государство в основном потеряло интерес к Церкви, как инструменту в мировой политике.

Положение Церкви в самой России в центре и на местах было неоднозначным. Если патриарх Алексей I четыре раза награждался орденами Трудового Красного Знамени – в 1946, 1952, 1962, 1967 годах, руководство патриархии после 1943 го-

да приглашалось на официальные приёмы, имело возможность общения с членами правительства, его представители постоянно выезжали в зарубежные поездки, то на местах, даже управляющие епархиями находились в униженном положении. Они поначалу не имели необходимых зданий, транспорта, выезд на приход был для них проблемой не из-за запрещения властей, а чисто организационно.

На время патриаршества патриарха Алексия I пришлись и хрущёвские гонения на Церковь; он вновь стал свидетелем закрытия епархий, храмов и семинарий.

Патриарх Алексий I во время богослужения в Троицком соборе Троице-Сергиевой лавры

В середине 1960-х годов изменился состав епископата: сократилось число архиереев, родившихся

в XIX веке и рукоположенных в этот сан в довоенные и военные годы. На смену им пришли архиереи, родившиеся в XX столетии и рукоположенные в послевоенные годы. К моменту кончины патриарха Алексия I наиболее влиятельными архиереями Русской православной церкви были митрополит Никодим (Ротов) и митрополит Пимен (Извеков), который после кончины патриарха стал местоблюстителем патриаршего престола.

Нового патриарха должен был выбрать поместный собор. Однако в год столетия со дня рождения В. И. Ленина власти не разрешили его проводить, он прошёл с 30 мая по 2 июня 1971 года в Троице-Сергиевой лавре. Ивановскую епархию на нём представили архиепископ Феодосий, архимандрит Амвросий (Щуров) и староста второго кафедрального собора епархии – Троицкого – в городе Кинешме.

Поместный собор 1971 года

Поместный собор Русской православной церкви 1971 года, на котором был избран патриарх Пимен, вошёл в историю православия и как собор, отменивший «клятвы на старые обряды и на придерживающихся их». Русский раскол XVII века стал одной из наиболее трагических страниц в истории не только российского, но и мирового православия. Патриарх Никон проводил унификацию русских богослужебных книг и обрядов, приводя их в соответствие с современными этому периоду греческими текстами. В основу реформы был положен ошибочный взгляд, что в русской церковной жизни имеются грубые ошибки, «растлевающие веру». Реформы проводились без разъяснительной работы, сопровождалась жестокими репрессиями в отношении

тех, кто отказывался их принять, что создавало всё большее разделение с ними.

При этом, как отмечал профессор А. А. Дмитриевский, «книжная справа при патриархе Никоне, да и во всё последующее время при его преемниках велась на Московском печатном дворе не по старым харатейным греческим и славянским церковно-богослужбным рукописям, а по печатным греческим книгам венецианской типографии и славянским (сербским) венецианской и южнорусских типографий. <...> Факт несомненный, что наша церковно-богослужбная практика, наши церковные чины, содержащиеся в наших печатных при предшественниках патриарха Никона богослужбных книгах и заимствованные из наших славяно-русских, а иногда и южнославянских рукописных книг, переведённых с греческих рукописных книг, весьма значительно разнились в XVII столетии от тех же чинов Православного востока. Но разности эти <...> вовсе не были таковы, за исключением, конечно, погрешностей, происшедших от небрежности переписчиков и недосмотров справщиков и корректоров, чтобы они требовали немедленного и настойчивого удаления и исправления в смысле уподобления до полного тождества одной практики другой. <...> Основной текст для новоисправленного Службника 1655 года в большей части чинов его взят был из Стрятинского службника 1604 года Львовского епископа Гедеона Балабана. Имелись в виду и давали иногда содержание в некоторых случаях нашему Московскому службнику и службники, изданные в Киеве архимандритами Киево-Печерской лавры Елисеем Плетенецким в 1620 году и Петром Моголой в 1629 году. Текст этих южнорусских службников был выправлен нашими

справщиками по Греческому евхологию венецианского издания 1602 года, но исправление это было сделано довольно свободно». Старообрядческие деятели (Никита Добрынин, инок Сергей) также укоряли Никона за то, что он исправлял книги по юго-западнорусским образцам – «с лядских требников Петра пана Могилы», «с польских служебников», то есть по текстам, созданным людьми, находившимся в существенной зависимости от католичества.

В своем докладе на Поместном соборе 1971 года митрополит Никодим (Ротов), в частности, сказал: «Большой Московский Собор 1667 года предал старообрядцев проклятию и анафеме, исходя из неправильных воззрений на старые русские церковные обряды, как еретические... Возложенную Собором 1667 года клятву и анафему на старообрядцев, которых из-за их приверженности к старым церковным обрядам сочли за еретиков, надо признать, как и клятву Московского Собора 1656 года, неосновательной... Но, к сожалению, Собор 1667 года исходил из неправильных воззрений на старые церковные обряды как еретические. И возложенная Собором анафема стала роковой: окончательное разделение Русской Православной Церкви совершилось».

Собором были приняты решения: «1. Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23 (10) апреля 1929 года о признании старых русских обрядов спасительными, как и новые обряды, и равночестными им. 2. Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23 (10) апреля 1929 года об отвержении и вменении, яко не бывших, порицательных выражений, относящихся к старым обрядам и, в особенности, к

двухперстию, где бы они ни встречались и кем бы они ни изрекались. 3. Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23 (10) апреля 1929 года об упразднении клятв Московского Собора 1656 года и Большого Московского Собора 1667 года, наложенных ими на старые русские обряды и на придерживающихся их православно верующих христиан, и считать эти клятвы, яко не бывшие».

Ивановская делегация на Поместном соборе Русской православной церкви 1971 года. Первый слева архимандрит Амвросий

Архимандрит Амвросий как один из делегатов Поместного собора осознавал, что присутствует при историческом событии, имеющем огромное значение для духовной жизни России.

Нужно отметить, что архиепископа Иркутского Вениамина, архиепископа Новосибирского Павла, архиепископа Рижского Леонида, архиепископа Костромского Кассиана и епископа Астраханского Михаила, которые письменно высказали предсоборной комиссии своё несогласие с постановлениями 1961 года (об отстранении духовенства от управления хозяйственной жизнью приходов) и настаивали на их пересмотре, вызывали в Москву в предсобор-

ную комиссию и строго внушали им не выступать на соборе против этих постановлений, «потому что они вытекают из советского законодательства о культурах и оспаривание их будет поэтому рассматриваться как антисоветский акт».

*Архиепископ Феодосий (Погорский)
и митрополит Никодим (Ротов)*

Что касается процедурной стороны выборов патриарха, то она выглядела так: епископы, голоса от своего имени и от имени клириков и мирян своих епархий, начиная с младшего по хиротонии Самаркандского епископа Платона (Лобанкова) и

кончая заместителем председателя собора митрополитом Ленинградским и Новгородским Никодимом, назвали своим избранником митрополита Крутицкого и Коломенского Пимена. Решение было уже принято, собор должен был его только официально оформить. 3 июня 1971 года в патриаршем Богоявленском соборе Москвы состоялась интронизация нареченного патриарха Пимена.

Богослужение совершает избранный патриарх Пимен. Слева стоят архиепископ Феодосий и архимандрит Амвросий

Для отца Амвросия участие в этом Поместном соборе в качестве одного из его делегатов, стало важным духовным опытом и позволило ощутить свою сопричастность «большой» истории Церкви, писавшейся у него на глазах.

Мама

В 1971 году ситуация в Преображенском кафедральном соборе была накалена до предела. Его настоятель – архимандрит Амвросий – старел буквально на глазах. Ему казалось, что он не выдержит и месяца жизни в таком ритме, а этот процесс затянулся, впереди были ещё годы, когда каждый день кажется, что никогда это не закончится... И среди этого были серьёзные события: такие, как например участие в Поместном соборе в конце весны – начале лета 1971.

А 20 октября этого года он получил известие, которое хотя и было им ожидаемо, но всё равно глубоко его ранило. Сначала его сестра Евдокия, а потом другая сестра Екатерина прислали телеграммы: «Умерла мама. Приезжай». Перед глазами мгновенно пролетели те годы, когда они были с мамой вдвоём – в Москве, в Киселёво, как вместе переживали тяготы и потери, как она, не будучи религиозной, поддержала его в жизненном выборе... На глаза седого архимандрита навернулись слёзы. Он тут же взял лист бумаги и начал писать:

«Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Феодосию, архиепископу Ивановскому и Кинешемскому от настоятеля Преображенского кафедрального собора г. Иваново архимандрита Амвросия Прощение. Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыко, прошу Вашего архипастырского благословения на поездку в Кашин для погребения моей родительницы – мамы. 19-го октября с. г. в 16 часов она мирно отошла ко Господу. Смиренный послушник Вашего Высокопреосвященства архим. Амвросий. 20 октября 1971 года».

Александра Устиновна прожила долгую жизнь – она родилась в 1890 году. Но мама остаётся для сына мамой, даже когда ему 51 год. Похороны, прощание, воспоминания – всё это далось отцу Амвросию очень сложно. После этого он сблизился со своей сестрой Екатериной, которая с мужем жила в Кимрах, стал её навещать, иногда в эти поездки брал с собой священника Николая Винокурова. А когда, спустя годы, Екатерина овдовела, то переехала жить к нему в Иваново.

Архимандрит Амвросий в гостях у сестры и ее мужа, г. Кимры

16 октября 1973 года управляющим Ивановским и Кинешемским был назначен архиепископ Иов (Кресович). В жизни архимандрита Амвросия начинался совершенно новый период.

А архиепископ Феодосий был переведён в Уфимскую епархию. Там у него возник серьёзный конфликт с уполномоченным. Завершилось это тем, что по слухам, по дороге на богослужение его вытащили из машины и избili до бессознательного состояния. Через несколько дней 3 мая 1975 года в Великую субботу он умер, как отмечалось в официальном некрологе, «после тяжёлой непродолжительной болезни».

Глава 7. Призвание к архиерейскому служению

Архиепископ Иов

Архиепископ Иов (Кресович Владимир Адрианович) родился 15 сентября 1898 года в потомственной священнической семье в селе Мокрец Волынской губернии. В 1914 году окончил Милецкое духовное училище, поступил в Волынскую духовную семинарию в Житомире. Её окончанию в то время помешали Первая мировая война, революции и Гражданская война, начавшиеся на территории рухнувшей Российской империи. После окончания Гражданской войны В. А. Кресович оказался на территории, которая по итогам Первой мировой войны отошла Польше.

В 1919 году он поступил в четвёртый класс открытой в Кременце духовной семинарии, которую окончил в 1922 году. Во время учёбы в семинарии 30 октября 1921 года был рукоположен в сан диакона, 5 марта 1922 года в сан священника. Служил в храмах Николаевского женского монастыря в Кременце, села Рахманова, села Тараканова, села Любеч. Был возведён в сан протоиерея. В 1935 году был назначен благочинным. Был женат на Василисе Кресович, у них было двое детей – сын Феофил (1927 г. р.) и дочь Галина (1931 г. р.).

До 1939 года входил в клир Автономной церкви в Польше. Осенью 1939 года, после присоединения Западной Волыни к СССР присоединился к Русской православной церкви. Во время немецкой оккупации в годы Великой Отечественной войны протоиерей Владимир Кресович стал одним из не-

многих священников благочиния, отказавшихся перейти в неканоническую Украинскую автокефальную православную церковь.

В 1942 году овдовел и в том же году в Почаевской лавре принял монашеский постриг. 24 июля 1942 году совершилась его хиротония в епископа Ковельского, викария Волынской епархии. 6 июня 1943 года стал епископом Кременецким и Лубенским, управляющим Волынской епархией.

Во время немецкой оккупации по благословению епископа Иова находившиеся в его подчинении клирики совершали крещения евреев, благодаря чему те могли покинуть гетто и спастись от уничтожения; прятали местных жителей, определённых к вывозу для работы в Германию. За это впоследствии он был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В феврале 1944 года Волынский край был освобожден советскими войсками. Епископ Иов не стал эвакуироваться, в Кременце остались и его дети.

14 февраля 1945 года был назначен епископом Измаильским. В связи с тем, что им были приняты в епархию несколько клириков с Волыни, которым там угрожали репрессии, 5 апреля 1946 года был уволен на покой с определением места пребывания в одном из монастырей Кишиневской епархии.

29 июля 1947 года назначен епископом Лысковским, викарием Горьковской епархии. 7 декабря 1950 года был назначен епископом Великолукским и Торопецким, с 20 июля 1951 года – епископом Чебоксарским и Чувашским, 26 января 1953 года – епископом Казанским и Чистопольским. 25 февраля 1954 года возведен в сан архиепископа.

В июле 1960 года Верховный суд Татарской АССР приговорил архиепископа Казанского Иова к трём годам лишения свободы с конфискацией имущества. Процессу была придана широкая огласка: статья в «Известиях» от 8 июля, статья в «Советской России» от 21 июня, отклики читателей в той же газете от 20 июля и наконец, обширный обзор дела в июльском номере журнала «Наука и религия».

Его обвинили в мошенничестве: что за семь лет пребывания на Казанской кафедре, он, скрывая свои действительные доходы, не доплатил государству свыше двух миллионов подоходного налога. В беседе с архиепископом Брюссельским Василием Кривошеиным, состоявшейся в июле 1960 года, митрополит Николай (Ярушевич) объяснял: «Согласно с установившимися порядками архиереи платят налоги со своего жалованья. Кроме того, они получают на представительство (куда часто входит содержание машины, секретаря, поездки и т. д.). Эти суммы налогам не облагаются и в инспекцию не заявляются. А вот к архиепископу Иову придрались, что он эти суммы на представительство скрывал, налогов с них не платил. Но даже в таких случаях, когда кто-нибудь скрывает доходы и не платит налогов, за это не сажают сразу в тюрьму, но предлагают уплатить недостающий налог и только в случае отказа могут подвергнуть наказанию. Архиепископ Иов предложил всё уплатить, что с него требуют. Тем не менее, его приговорили к трём годам».

Потом, в 1971 году, в беседе с архиепископом Василием сам архиепископ Иов, в то время занимавший Уфимскую кафедру, сказал: «Да, всё сущая правда. И знаете, когда я попал в тюрьму, все меня

бросили, все отреклись от меня... Испугались. Один митрополит Николай (Ярушевич) не испугался. И до суда и после суда и осуждения поддерживал меня, чем мог, писал мне. Он один!.. После трёх лет лагеря... я три года не был у дел».

Основной причиной репрессивных мер в отношении архиепископа Иова стало то, что он активно пытался противодействовать закрытию церкви в епархии: «...разъезжал по селам и призывал паству твёрдо стоять за свои храмы». Суд над ним носил показательный характер, получил большой резонанс не только в СССР, но и за границей.

Срок заключения отбывал в казанской тюрьме на хозяйственных работах. Был освобождён по окончании срока 24 апреля 1963 года, жил на какое-то время во Львове у детей. В апреле 1967 года в соответствии с советским законодательством с архиепископа Иова официально была снята судимость.

23 октября 1967 года он был назначен архиепископом Уфимским и Стерлитамакским.

16 октября 1973 года был назначен архиепископом Ивановским и Кинешемским. Здесь ему удалось уладить многолетний конфликт, имевший место между его предшественником на кафедре архиепископом Феодосием (Погорским) и церковным советом Преображенского кафедрального собора города Иванова. Об этом архиепископ Иов так писал в годовом отчёте патриарху Пимену: «Возникший здесь в своё время конфликт во второй половине отчётного года принял особо острый характер, в результате чего нашумевшая через край "молва людская" должна была уступить место рассудительному реализму. И, благодарение Богу, к концу отчётного 1973 года страсти людские значительно улеглись. Как в кафедральном соборе г. Иваново, так и в дру-

гих церковных общинах епархии приходская жизнь постепенно умиротворяется».

С архиепископом Иовом приехал в качестве секретаря епархиального управления протоиерей Николай Демьянович. Он был на десять лет моложе архиерея: родился 16 января 1908 года в деревне Лыски Гродненской губернии в крестьянской семье. В 1931 году окончил Виленскую духовную семинарию, в 1933 году богословский факультет Варшавского университета. В 1937 году защитил магистерскую диссертацию. В 1932 году был рукоположен в сан священника, служил в разных храмах Беларуси и Литвы. После включения Прибалтики и западных областей Беларуси в состав СССР проживал в Вильнюсе, где работал бухгалтером на хлебозаводе, при этом служил как сверхштатный священник в Михайлово-Константиновском храме. В автобиографии писал, что такой же была и его деятельность в период немецкой оккупации.

В апреле 1944 года после вхождения в Вильнюс советских войск был назначен настоятелем Пречистенского собора и секретарём Виленско-Литовского епархиального управления, служил в этих должностях до 1949 года. В 1949–1951 годах служил настоятелем храмов в Беларуси – в городе Логойске Минской области и в городе Лепеле Витебской области. В 1951 году по приглашению епископа Иова, назначенного управляющим Чебоксарской и Чувашской епархией, перешёл в эту епархию. До 1960 года был там секретарём епархиального управления, настоятелем кафедрального собора, благочинным. После ареста архиепископа Иова и до его реабилитации в 1967 году был освобождён от этих должностей и все эти годы работал дело-

производителем епархиального управления. С 1967 по 1973 год вновь стал секретарём епархиального управления, но должность настоятеля собора, по всей видимости, его уже не интересовала: после реформы приходского управления 1961 года она несла больше проблем, чем возможностей. Поэтому и в Чебоксарах, и по приезду в 1973 году в Иваново он был не настоятелем, а одним из штатных священников кафедрального собора.

*Архимандрит Амвросий во время богослужения
с архиепископом Иовом*

Архимандрит Амвросий остался настоятелем. Новый архиерей и секретарь были с ним доброжелательны, иногда брали его с собой, когда выезжали куда-то в лес, чтобы на природе отвлечься от напряжения жизни в городе, где каждый их шаг был под контролем. С ними вместе ездил также завхоз епархиального управления священник Павел Машин.

Нападения со стороны прихожан на настоятеля после приезда архиепископа Иова как-то сами собой сошли на нет. Отец Амвросий, наконец, мог свободно вздохнуть после нескольких лет жизни в постоянном стрессе.

На отдыхе. Слева направо: священник Павел Машин, архиепископ Иов (Кресович), протоиерей Николай Демьянович. Сидит архимандрит Амвросий (Щуров). Окрестности г. Фурманова, май 1974 г.

Отец Алексей

Отец Амвросий держался на дистанции с большинством священнослужителей — жизнь научила его, что большинство людей начинают необыкновенно быстро меняться в худшую сторону, стоит только подпустить их к себе чуть поближе. Исключение составлял отец Николай Винокуров, с которым они теперь вместе снимали приделок в небольшом деревянном доме на окраине города. Из-

редка они ездили к его дяде – отцу Василию Васинскому, после монашеского пострига ставшему отцом Никодимом и недавно возведённому в сан игумена. До кончины отца Леонтия в 1972 году отец Амвросий ездил иногда и к нему. И был ещё один священник, которого он выделял, – настоятель Свято-Духовского храма города Юрьевца протоиерей Алексей Тумин.

Алексей Иванович Тумин родился 8 марта 1939 года в семье служащего в деревне Покровке Стерлитамакского района Башкирской АССР. Его отец Иван Андреевич Тумин в 1941 году погиб на фронте. Семья переехала к бабушке, который был церковным старостой Николо-Татьянинской церкви города Стерлитамака БАССР.

Детские годы отца Алексея связаны с бабушкой, который был церковным старостой и глубоко верующей бабушкой. С раннего детства Алексей был при храме; богослужение, храмовое пространство, жизнь приходской общины – всё это органично и прочно вошло в его сознание. С семи лет уже прислуживал в алтаре. Церковное пение и чтение будущий священник любил с детства.

Сам он вспоминал об этом так: «Настоятель взял меня в семилетнем возрасте во Св. Алтарь. Я помогал в Алтаре священнослужителям, исполняя различные алтарные послушания, делал я это с любовью, большим желанием и неленостно. В семилетнем возрасте я уже начал читать "Трисвятое по Отче наш" по "Ныне отпускаеши". Так постепенно по мудрому наставлению о. настоятеля, я приучился к церковному чтению: осмысленному, благоговейному, неторопливому. И когда я постиг это малое, о. настоятель благословил меня читать – 1-ый Час. А затем "Шестопсалмие" и прочее... И в

12 лет я читал уже всё, особенно запомнилось мне чтение канона с о. настоятелем в воскресные дни. В 16 лет я уже прекрасно знал Церковный устав и мог помогать тем священнослужителям, которые плохо в нём разбирались, потому что, в то трудное время рукополагали в сан священника или диакона людей "взятых от сохи". И когда исполнилось мне 18 лет, по рекомендации того же богомудрого о. настоятеля, я был рукоположен в сан диакона и оставлен в кафедральном соборе г. Уфы, одновременно исполняя обязанности казначея Епархиального управления».

В восемнадцать лет епископ Илларион (Прохоров) рукоположил Алексея Тумина в сан диакона, а через год в сан священника, сделал его своим помощником по епархиальным делам. Это был 1958 год – начало антицерковных репрессий, инициированных Н. С. Хрущёвым и продолжавшихся вплоть до 1964 года. Один Господь знает, как тяжело было молодому священнику, почти мальчику, не только не сломаться, но и сформироваться как пастырю в эти годы огромного прессинга на каждого открыто исповедующего свою веру.

Когда епископа Иллариона перевели в Ивановскую епархию, отец Алексей поехал за ним. Это был 1960 год. 4 августа 1960 года епископом Ивановским и Кинешемским Илларионом он был назначен вторым священником в храм в честь Архистратига Михаила села Михайловское Фурмановского района Ивановской области. С 8 августа 1962 года – настоятель Георгиевского храма села Георгиевского Кинешемского района. С 6 февраля 1965 года – настоятель Троицко-Знаменского храма посёлка Лежнево. С 17 декабря 1966 года – второй священник Сергиевского храма поселка Старая Вичуга.

С 23 мая 1968 года – второй священник, затем настоятель Свято-Духовского храма города Юрьевца.

Отец Алексей очень рано женился, ему было всего 17 лет. И на протяжении пути семейной жизни, они с матушкой Евгенией сумели сохранить трепетное отношение друг к другу, которое внешне, впрочем, ими не проявлялось. Зачастую в священнических семьях бывает, что попадья пытается командовать мужем, все силы прилагая к тому, чтобы стать «первой леди» на приходе. Так вот у матушки Евгении таких глупостей не было. Она всегда держалась в тени мужа, даже за столом во время официальных приемов с ним рядом не садилась. Но при этом была очевидна та огромная поддержка, которую матушка оказывает супругу, как она за него переживает, насколько понимает специфику пастырского служения, что её муж принадлежит не только ей, но и в первую очередь Церкви. И все их четыре сына стали священнослужителями.

Его сыну Вячеславу не было ещё четырёх лет, когда отец Алексей первый раз взял его на ночное пасхальное богослужение в храме села Георгиевского, где был в то время настоятелем. Мальчик достоял до середины утрени, а потом заснул прямо в алтаре, но детское воспоминание осталось у него на всю жизнь. Потом, когда отец Алексей служил в Юрьевце, все четыре его сына приходили на все воскресные богослужения. На буднях учились в школе, но иногда в большие праздники всё равно приходили в храм. Время было атеистическое. Со стороны одноклассников братья Тумины давления не испытывали – все вместе они росли на одной улице, у них не было какого-то антагонизма. А вот в качествеклассного руководителя Вячеславу попа-

лась идейная атеистка, которая пыталась его перевоспитывать. Тогда были случаи, когда Пасху Христову делали рабочим днём под предлогом переноса выходных в связи с майскими праздниками. И когда в этот день учились, она обязательно вызывала его к доске с комментариями о том, что он вместо того, чтобы учиться, всю ночь прогулял с крестным ходом... Впрочем, большого нажима не было. Единственное, когда директор вручал ему аттестат о среднем образовании, сказал: «Не позорь школу!» – это о его желании поступить в духовную семинарию.

*Отец Алексей и матушка Евгения Тумины
с детьми, г. Юрьевец. Фото 1970 г.*

Но Вячеслав после службы в армии пошёл в семинарию, хотя предлагали на льготных условиях поступить в Костромской политехнический институт – вне Церкви просто не представлял себя. Такое же мироощущение было и у его братьев.

При этом отец Алексей никогда не давил на сыновей, чтобы они выбрали путь церковного служения, по-разному сложный в любое время. Желание такое у него было, они это чувствовали, а давления не было. Он сумел органично сделать так, что храм стал ими восприниматься как второй дом.

В то же время его общение с сыновьями не ограничивалось храмом и религиозными вопросами. В Юрьевце есть залив, они с сыновьями приходили туда в восемь вечера, а обратно уходили глубокой ночью, около двух часов. За один раз могли наловить двести ершей. Ходили вместе за грибами, на отдых на природу с палаткой. Отец Алексей очень хорошо ориентировался в лесу. Свозил семью на свою родину в Башкирию. Плыли по Волге, по Оке – всё это очень впечатлило мальчишек.

Он всегда очень просто держался, по-житейски мудро мог ответить на любой самый сложный вопрос. «Это очень хороший священник, всей душой любящий Церковь, который с раннего детства не мыслил себя без активного участия в литургической жизни. Будучи ребёнком, он уже исполнял послушания алтарника и чтеца, совсем юным он был рукоположен в сан диакона и через год священника. Никогда у него не было и тени сомнения в правильности своего жизненного выбора», – сказал как-то о нём архимандрит Амвросий отцу Николаю Винокурову. И тот с ним полностью согласился.

Духовенство собора

Когда епископ Поликарп назначил отца Амвросия настоятелем Преображенского собора, то из служивших в нём священников младше его был

только отец Дмитрий Мужук. А спустя десять лет соборное духовенство обновилось, и уже большинство было моложе настоятеля.

Очень большой поддержкой ему был отец Николай Винокуров. Архиепископ Иов так характеризовал его: «Священник Николай Винокуров – клирик Преображенского кафедрального собора города Иванова и благочинный 4-го округа принадлежит к числу лучших священнослужителей епархии. Выходец из благочестивой крестьянской семьи. Священник Николай Винокуров сумел получить высшее богословское образование и, сочетав с этим глубокое религиозное убеждение, явил собою пример хорошего священника. Будучи чутким и внимательным к каждому, он благожелательно относится ко всем запросам своих духовных чад. Настроен он ко всем всегда мирно и доброжелательно. Отличается большим смирением, послушанием и дисциплинированностью».

Уже тогда очень многие стремились к нему на исповедь, вспоминая о нём того времени впоследствии так: «Он открывал свое сердце, к нему всегда можно было подойти как для исповеди, так и для беседы. И при этом не был навязчив, никогда не давал советов в приказном тоне, старался, чтобы человек сам пришел к нужному решению. Очень любил молиться, всегда был внутренне сосредоточен, при этом не затягивал службы, чтобы этот его молитвенный настрой передался и тем, кто на них пришел, что было бы сложнее достигнуть в случае слишком продолжительного по времени богослужения». «Маленьких детей, встречал всегда невыразимым теплом и любовью. И мы это чувствовали. "Слушай папу и маму. Не ленись. Говори правду. Веди себя скромно", – до сего дня слышится его

ласковый голос». «Он был очень чистый, смиренный и кроткий человек, он умел в то же время и пошутить, совсем не был ханжой и лицемерным святошей. Если греховная природа человека, стоящего перед ним, а в особенности если этот человек служил в Церкви, превосходила ту меру нравственного падения, которую могло как-то понять его чистое и непомрачённое сознание, то отец Николай расстраивался как ребенок, на него жалко иногда было смотреть».

Архимандрит Амвросий и протоиерей Николай Винокуров

Даже один из уполномоченных Совета по делам религий по Ивановской области спустя годы так написал о нём: «Он не был назойлив и навязчив: люди сами тянулись к нему. Наделённый от природы тактом, необычайной любовью к человеку, свято верящий, что все мы – братья и сестры во

Христе, всю свою жизнь он подчинил служению людям».

Монашеский постриг отец Николай не хотел принимать, так как, по его глубокому убеждению, монах должен жить в монастыре, а он чувствовал призвание помогать духовно людям, живущим в миру.

Сослужение с архиепископом Ивановским и Кинешемским Иовом

На двенадцать лет моложе отца Амвросия был священник Виктор Гаврилов, которого архиепископ Иов рукоположил в сан диакона 30 мая 1976 года, а 2 июня в сан священника. У него был непростой путь к священству. Во время Великой Отечественной войны в бою погиб его отец, который был командиром полка. Мама Виктора, который был ещё младенцем (он родился 8 февраля 1942 года) вышла замуж за другого мужчину. Отчим был к нему очень строг. Мальчик много времени проводил со своей бабушкой Ниной Константиновной – женщи-

ной очень религиозной. Она научила его молитвам и церковнославянскому языку. Многие молитвы он с детства знал наизусть и часто читал их про себя. В четырнадцать лет у него появилась тяга к путешествиям. Он убегал из дома, ездил по разным городам Советского Союза без копейки в кармане. И удивительным образом везде для него находились приют и пропитание, а водители и проводницы в поездах подвозили его в другие города бесплатно... Отчим каждый раз объявлял его в розыск, его находили, наказывали, но он потом опять сбегал. Его тянуло в монастыри и храмы, к старцам, скрывавшимся в горах Абхазии, кто-то посоветовал ему поступить в семинарию. И Виктор поступил в Ленинградскую духовную семинарию, а после её окончания в Ленинградскую духовную академию. Был псаломщиком у известного ленинградского священника протоиерея Василия Лесняка. Тот брал его с собой на требы, и тогда Виктор выучил их наизусть. Он женился, хотел рукополагаться, но в Ленинграде это оказалось невозможно; тогда и посоветовал кто-то поехать в Иваново, где в кафедральном соборе он впоследствии прослужил священником 35 лет.

На двадцать два года моложе отца Амвросия был соборный священник Владимир Зарицкий. Архиепископ Иов рукоположил его 30 марта 1975 года в сан диакона, а 6 апреля в иерея, когда ему было всего лишь двадцать один год. Потом он был назначен настоятелем Знаменской церкви в селе Красном Палехского района. По благословению владыки Иова архимандрит Амвросий постриг его в монашество с именем Вениамин 25 мая 1977 года. Впоследствии отец Вениамин служил в Орловской, Рязанской епархиях. В 1985 году заочно окончил

Московскую духовную семинарию. В 1992 году был назначен заместителем настоятеля Николо-Угрешского мужского монастыря в г. Дзержинский Московской области, больше десяти лет был ректором Николо-Угрешской духовной семинарии. 14 апреля 2003 года был рукоположен в сан епископа Люберецкого, викария Московской епархии. 31 мая 2010 года назначен епископом Пензенским и Кузнецким. В 2012 году был назначен главой новообразованной Пензенской митрополии и возведён в сан митрополита. С 25 декабря 2013 года – митрополит Рязанский и Михайловский, с 22 октября 2015 года – митрополит Оренбургский и Саракташский.

В алтаре собора. Слева направо: священник Владимир Зарицкий, архимандрит Амвросий (Щуров), псаломщик Василий Боровик

Слева направо: архиепископ Феодосий, протодиакон Александр Миловидов, священник Николай Винокуров

Конечно, был в соборе и отец Николай Демьянович, который был старше архимандрита Амвросия на двадцать с лишним лет, но его настоятель не считал в числе соборных священников, хотя он таковым и числился. Его, как и владыку Иова, настоятель считал своим начальником. Архиепископ Иов был уже как старец, стоявший несколько вдали от решения текущих проблем, многие из которых передоверял отцу Николаю Демьяновичу. Что не мешало ему иногда принимать решения, в корне меняющие судьбы обращавшихся к нему людей. Одному молодому человеку, который обратился к нему с просьбой о монашеском постриге, владыка в шутливой форме сказал, что пострижёт его, если тот принесёт справку от врача, что неспособен к семейной жизни. И действительно, этот молодой человек вскоре женился, стал отцом двоих детей и пополнил ряды белого духовенства.

Были и другие священнослужители почтенного возраста. Протоиерей Александр Миловидов, который родился в 1895 году, был даже на три года старше владыки Иова. В своё время он окончил Владимирскую духовную семинарию, в 1922 году его рукоположили в сан диакона. Однако с 1924 по 1947 год он работал на светской работе, большей частью певцом в театральных хорах и вокальных ансамблях. За участие в Великой Отечественной войне был награждён орденом «Красной звезды» и четырьмя медалями. С 1947 года вернулся к церковной службе, стал соборным протоиереем, и служил в соборе уже почти тридцать лет.

Однако в целом отец Амвросий вступил уже в ту жизненную пору, когда он стал старше большинства из тех, с кем вместе служил.

Избрание

Однажды летом 1977 года отец Амвросий в очередной раз поехал в лес с архиепископом Иовом и отцом Николаем Демьяновичем. Владыка в последнее время был нездоров, ему не только служить, но и ходить иногда было трудно. После приёма лекарств становилось легче, но состояние его здоровья уже стало предметом обсуждения и в соборе, и во всей епархии. При архиепископе Иове обстановка стабилизировалась, и люди боялись, что его заменят на кого-то похожего на владыку Феодосия. Отец Дмитрий Мужук говорил, что знает точно, кто будет архиереем, и что ему уже предложили стать секретарем епархиального управления и настоятелем кафедрального собора, но он ответил, что можно оставить тех, кто есть, – они справляются достаточно неплохо.

Конечно, и отец Амвросий очень переживал, видя ухудшающееся состояние здоровья архиепископа Иова. И вот в лесу, вдали от чужих ушей, архиерей сам с ним заговорил:

– Отец Амвросий, меня стали одолевать приходящие людям моего возраста немощи: участились головокружения, усилилась сердечно-сосудистая недостаточность, беспомощность в ногах... Вполне естественно, что при таком состоянии здоровья служить мне дальше в храме не представляется возможным, равно как и в делах самостоятельного управления епархией я чувствую себя неполноценным. 15 сентября мне исполнится 79 лет – сразу после этого я планирую подать прошение патриарху, чтобы мне уйти на покой. Но мне хотелось бы оставить здесь преемника, который принял бы от меня духовную эстафету управления этой последней в моей жизни епархией в духе мира и любви Христовой. Поэтому я решил предложить ему вас как кандидата в ивановские архиереи.

– Владыка, побудьте ещё. Мы всё сделаем здесь, только бы вы у нас были, – растерянно и умоляющее начал говорить архимандрит Амвросий, но отец Николай Демьянович раздражённо перебил его:

– Отец Амвросий, ты не маленький, в таких вещах не спорят. Всё уже согласовано – и с уполномоченным, и в совете, и в патриархии. Не раздражай владыку, он и так плохо себя чувствует.

Архиепископ Иов слабо улыбнулся:

– Отец Николай, ну зачем вы так давите на своего будущего архиерея? А вы, отец Амвросий, примите это избрание с послушанием и смирением, как приличествует монаху. Я знаю, что ещё больше десяти лет назад владыка Антоний ставил вопрос

перед митрополитом Никодимом о том, что вы достойны стать архиереем, – вот пришло время.

29 сентября 1977 года архиепископ Иов обратился к патриарху Пимену с прошением отправить его на покой. Состояние здоровья архиерея к этому времени ещё ухудшилось: появились затруднения в движении кистью и пальцами левой руки, возникла частичная утрата памяти.

А на следующий день он отправил патриарху ещё один рапорт следующего содержания: «Его Святейшеству, Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Пимену Иова, Архиепископа Ивановского и Кинешемского всепочтительнейший доклад. В связи с поданным мною 29 сентября с. г. прошением на имя Вашего Святейшества с просьбой о почислении меня на покой в связи серьёзного обострения моей болезни на почве старческого склероза, я смиреннейше дерзаю представить Вашему Святейшеству на Ваше Первосвятительское благоусмотрение вполне заслуживающего внимания кандидата во епископа и возможного преемника после меня на Ивановскую кафедру – настоятеля Преображенского собора г. Иваново архимандрита Амвросия (Щурова). Архимандрит Амвросий за время моего четырёхлетнего пребывания на епископской кафедре в Иваново показал себя с самой лучшей стороны как примерный пастырь Церкви Христовой. Представляя при сем его послужной список с моей вполне объективной характеристикой, я всепочтительнейше прошу Ваше Святейшество иметь суждение о нём, как о возможном кандидате на Ивановскую кафедру, где он вполне заслужил себе среди духовенства и верующего народа высокое уважение. Такое решение вопроса по моему суждению принесёт большую пользу Ивановской

епархии, так как оно закрепит и на будущее с таким трудом отвоёванную мирную жизнь епархии и послужит во славу Божию. Смиранный Иов, Архиепископ Ивановский и Кинешемский. 30 сентября 1977 года, гор. Иваново».

Приложенная к рапорту характеристика была такой: «Архимандрит Амвросий (Анатолий Павлович Щуров), 1930 года рождения, за время моего четырёхлетнего служения на Ивановско-Кинешемской кафедре показал себя в должности настоятеля Преображенского кафедрального собора г. Иванова достойнейшим пастырем Церкви Христовой.

Архим. Амвросий – человек глубоко религиозный, сосредоточенный, вдумчивый, и, несмотря на своё среднее образование, – человек большого интеллекта и в достаточной степени эрудированный. Он истово, ровным мягким голосом совершает богослужения, весьма доходчиво проповедует слово Божие, неленостно совершает все требы, неся чреду рядового священника собора, а очень часто и выручая других собратий.

Внебогослужебный образ жизни о. архимандрит ведёт вполне достойный православного пастыря-инока, строго соблюдая при этом все нормы данных им монашеских обетов. В кругу своей братии он не начальствует, а добрым словом собрата располагает к выполнению положенного послушания.

В отношении правящего Архиеерея послушлив, исполнительен, вежлив, тактичен, самодисциплинирован. За всё время моего пребывания на Ивановской кафедре мне не пришлось заметить со стороны о. архимандрита какой-либо хитрости, двуличия, желания внести раздор в среду сослужащей с ним братии собора.

Верующий народ его любит и почитает как доброго пастыря и отца.

В период своего пастырского служения на приходах Ивановской епархии архимандрит Амвросий исполнял обязанности благочинного ряда благочиннических округов епархии, был членом Епархиального Совета и даже его председателем.

В 1971 году был он также участником от духовенства Ивановской епархии Поместного Собора Русской Православной Церкви.

Всё это и свидетельствует о том, что архимандрит Амвросий вполне заслуживает быть достойным кандидатом во епископский сан».

Архимандрит Амвросий поздравляет архиепископа Иова с Днём тезоименитства. С подносом староста собора Александр Вереникин

Постановлением патриарха и Священного синода от 6 октября 1977 года было определено: «Преосвященного архиепископа Ивановского и Кинешемского Иова, согласно прошению, уволить на

покой с назначением пенсии. Епископом Ивановским и Кинешемским быть настоятелю Преображенского кафедрального собора г. Иваново архимандриту Амвросию (Щурову)».

Архиепископ Иов, который в июле 1977 года отметил 35 лет своего архиерейского служения, был награждён патриархом Пименом орденом Святого князя Владимира второй степени. Выйдя на покой, поселился у своих детей во Львове, где и прожил последние месяцы своей жизни.

А у архимандрита Амвросия только начинался новый, почти тридцатилетний период его служения в новой ступени священства.

Глава 8. Епископ Наречение

16 октября 1977 года архимандрит Амвросий с протоиереем Николаем Демьяновичем, протоиереем Николаем Винокуровым и представителями от мирян Ивановской епархии поехали в Москву. Днём 17 октября в белом зале Московской патриархии было совершено наречение архимандрита Амвросия во епископа «богоспасаемого града Иванова». Его возглавил митрополит Таллинский и Эстонский Алексей при участии архиепископа Калужского и Боровского Никона, архиепископа Волоколамского Питирима и епископа Рязанского и Касимовского Симона. Наречение во епископа – чинопоследование в Православной Церкви, совершаемое над клириком, избранным в архиереи, которое предшествует архиерейской хиротонии.

При наречении поставляемый во епископа обращается к иерархам, совершающим чинопоследование, со ставленническим словом.

Архимандрит Амвросий сказал: «...Предстоя перед Богом, перед Вами, совершители тайн Божиих, сознаю свою немощь и недостойнство перед принятием нового жребия для служения Церкви Христовой. ...Что могу ответить вам, прозорливо духовным опытом провидящим мою немощную, но верующую всецело уповающую на Господа душу?»

Глубокочтимые Архипастыри, прежде времени не буду словами перечислять перед вами добрые намерения и обещания, которые душою своею искренно желаю исполнить.

Скажу вам смиренно и искренно по-монашески, как отвечает новоначальный инок на вопросы постригающего: "Ей, Богу содействующу".

*Наречение архимандрита Амвросия (Щурова)
во епископа Ивановского и Кинешемского возглавил
митрополит Алексей (Ридигер), будущий патриарх*

При помощи Божией надеюсь и я недостойный, в меру сил, водительством Святого Духа поднять и понести крест епископского служения, возлагаемый на мои слабые человеческие рамена.

Ощущаю душой, что много нужно бы иметь духовных качеств для столь высокого служения. При этом душа моя взором своим уповательно обращается к примерам как Новозаветной, так и Ветхозаветной Церкви, а именно на избрание пророка Божия Моисея.

Когда Господь призвал Моисея на служение Себе, то Моисей усомнился в своих силах, стал малодушествовать и сказал Богу: "Кто я, чтобы идти к фараону, царю египетскому?" (Исх. 3, 11). Но Бог сказал ему: "Я буду с тобою" (Исх. 3, 12). И в Новом Завете Господь обещал быть неотступно с теми, кто верен Ему и сказал: "Я с вами во все дни до скончания века" (Мф. 28, 20).

Взирая на великих столпов веры Ветхого и Нового Завета и сознавая в душе своей, что сам я не стремился к архиерейской чести, к этой "великой и опасной высоте", верю и надеюсь, что и мне, недостойному, будет "помощь от Господа, сотворившего небо и землю" (Пс. 120, 2)».

В то время архиерейские хиротонии были достаточно редким явлением, епископов было немного. Поэтому с теми архиереями, которые участвовали в чине наречение и, особенно, в самой хиротонии, большинство из новопоставляемых епископов сохраняли общение.

Митрополит Таллинский и Эстонский Алексей (Ридигер Алексей Михайлович) был всего лишь на год старше архимандрита Амвросия. Он родился в Эстонии 23 февраля 1929 года. Уже в 1950 году стал священником, в 1953 году со степенью канди-

дата богословия окончил Ленинградскую духовную академию, в 1958 году был возведён в сан протоиерея. Служил в храмах Эстонии. 3 марта 1961 года принял монашеский постриг с именем Алексий. Имя осталось тоже, но в честь другого святого – не Алексия человека Божия, который был его небесным покровителем при крещении, а святителя Алексия Московского.

3 сентября 1961 года в Александро-Невском кафедральном соборе Таллина состоялась его хиротония во епископа Таллинского и Эстонского. Возглавил её архиепископ Ярославский и Ростовский Никодим (Ротов). На Таллинской кафедре он пробыл до 1986 года. В 1964 году был возведен в сан архиепископа, в 1968 году в сан митрополита.

14 ноября 1961 года епископ Алексий был назначен заместителем председателя Отдела внешних церковных сношений, который возглавлял митрополит Никодим (Ротов). В конце 1964 года был назначен управляющим делами Московской патриархии, стал постоянным членом Священного Синода. В 1984 году ученым советом Ленинградской духовной академии ему была присуждена учёная степень доктора богословия за работу «Православие в Эстонии». Управляющим делами Московской патриархии был до 1986 года, когда был назначен митрополитом Ленинградским и Новгородским. В 1990 году был избран патриархом Московским и всея Руси, нёс это служение до самой своей кончины 5 декабря 2008 года. С его патриаршеством было связано возрождение церковной жизни в России и ряде других стран на территории распавшегося Советского Союза.

С епископом (с 1991 года архиепископом) Амвросием он сохранил добрые отношения и будучи

патриархом. В 2006 году, когда архиепископ Амвросий ушёл на покой, патриарх писал ему: «Вы один из первых архипастырей, кого я рукополагал в епископский сан в далёком 1977 году. <...> Вы возродили Иваново-Вознесенскую епархию, её приходскую, монашескую, образовательную и социальную деятельность. Ваше имя будет вписано в историю епархии, как имя её возродителя после десятилетий испытаний».

Архиепископ Никон (Фомичев Николай Васильевич) был единственным из присутствовавших на наречении архиереев, который был существенно старше архимандрита Амвросия: он родился 22 мая 1910 года в Петербурге в семье служащего. В 1928 году в Ленинграде окончил трудовую школу. По окончании ее три года работал на производстве. В 1936 году с отличием окончил Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта.

Работал на инженерных должностях до 1945 года. Награждён медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Работая и учась, он одновременно иподиаконовал у ленинградских архиереев в течение 17 лет.

17 июня 1945 года рукоположен в сан диакона, 12 мая 1946 года – в сан священника. Служил на приходах Ленинграда. В 1950 году экстерном закончил Ленинградскую духовную академию со степенью кандидата богословия.

Служил в храмах Петрозаводска, Житомира, Великих Лук. С 1958 по 1962 год вновь служил в Ленинградской епархии.

В 1962 году пострижен в монашество. 26 августа 1962 года рукоположен во епископа Выборгского, викария Ленинградской епархии.

Известный московский священник второй половины XX века протоиерей Всеволод Шпиллер отмечал, что они понимают Церковь совершенно иначе, чем традиционно верующие. У них в детстве окружение было активно нерелигиозным и часть антирелигиозным. Вдруг они увидели Церковь в её правде и красоте и присоединились к ней. Не употребляя самого этого слова, отец Всеволод утверждает, что они внутренне настолько смирились с секулярным тоталитаризмом, что просто не могут представить себе терпимое общество, с двумя типами законов: секулярным и церковным. Тот факт, что Церковь в Советском Союзе не имела статуса юридического лица, казался совершенно нормальным студентам 1940-х годов, т. е. тому поколению, которое родилось и выросло при Сталине. Соответственно, они не воспринимали и Церковь как общественный институт. Они воспринимали ее в очень узком смысле как «собрание верующих», что полностью исключало юридический контекст.

Как писал канадский историк Д. В. Поспеловский, «Шпиллер дальше ссылается на конкретных епископов нового поколения, имеющих тот же менталитет, и полагает, что следствием этого будет в дальнейшем полное подчинение гражданским властям – их требованиям, законам и порядку – не просто из страха, но по убеждению, что в государстве может быть только одна власть и один закон».

Формированию нового менталитета способствовало и то, что некоторые из архиереев вступили на путь церковного служения после очень продолжительного периода светской работы. Например, епископ Арсений (Крылов), в 1945–1950 годах управляющий Калининской епархией, до 65 лет работал

в различных учреждениях экономически-юридического профиля (ревизором, инспектором, юрисконсультом). Епископ Исаия (Ковалёв), в 1954–1960 годах был управляющий Ярославской епархией, до 63 лет работал на речном транспорте. Митрополит Серафим (Никитин), в 1971 году – Крутицкий и Коломенский, до 46 лет трудился на светской работе. Архиепископ Никон (Фомичев) до 35 лет работал на инженерных должностях.

Естественно, что когда уже зрелый человек или тем более пенсионер, сформировавшийся в условиях работы в советском учреждении, приступает к руководству фактически новым для него делом, это не может не откладывать определённый отпечаток на его деятельность. При этом чем более молодым он принял священный сан, тем более активную церковную позицию занимал. Для пенсионера стать священнослужителем в этот период ничем не грозило, они, как считалось, уже отдали свой долг обществу и могли позволить себе своего рода «хобби». А вот достаточно молодой человек с высшим образованием, отказывающийся от светской карьеры ради служения Церкви, бросал своего рода вызов советскому государству и поэтому должен был иметь глубокую убеждённость в правильности своего выбора.

Архиепископ Никон (Фомичев) был очень активным архиереем, в годы хрущёвских гонений на него было оказано большое давление в связи с тем, что не дал согласия на закрытие Троице-Сергиева монастыря в Риге. Эта активность была у него и в других епархиях. В 1990 году вспоминал: «Когда в 1966 году был назначен в Архангельск, храмов там почти не оставалось. В городе действовали три храма, из них два кладбищенских, а в епархии – такой

колоссальной – всего 16 приходов. Открывать было почти нечего. Собор был маленький. Архиепископ Никон приехал в Архангельск в феврале и ужаснулся: все обросло инеем, льдом. Оказалось, что каменные плиты пола лежат прямо на земле. Ремонт делать не разрешали. Лишь после долгих переговоров с властями нам разрешили положить в соборе маты (циновки, половики), а в алтаре настелить деревянный пол».

27 августа 1962 года епископ Никон был назначен управляющим Рижской епархией с титулом епископа Лужского, викария Ленинградской епархии; с 1963 года – епископ Рижский и Латвийский, с 1966 года – Архангельский и Холмогорский, с 1977 года – Калужский и Боровский. В этом же году был возведён в сан архиепископа. С 1982 года – архиепископ Пермский и Соликамский, с 1984 года – на покое. Был отмечен многими наградами Русской православной церкви и других поместных церквей. Скончался в Ленинграде 13 апреля 1995 года.

Архиепископ Волоколамский Пителим (Нечаев Константин Владимирович) был одним из тех, у кого отец Амвросий учился в годы своей учёбы в Московской духовной семинарии. Он был ненамного старше своего ученика: родился 8 января 1926 года в городе Мичуринске Тамбовской области в семье священника. В 1943 году поступил в Московский институт инженеров транспорта. С 1945 года стал иподиакономствовать у патриарха Алексия I. В 1947 году поступил в богословский институт, через некоторое время преобразованный в Московскую духовную академию. В 1951 году окончил её со степенью кандидата богословия, стал преподавать в академии и семинарии. В 1952 году был рукополо-

жен в сан диакона, в 1954 году священника, в 1953 году ему было присвоено церковное учёное звание доцента. 13 апреля 1959 года состоялся его монашеский постриг, а уже 8 октября того же года он был возведён в сан архимандрита и назначен инспектором Московских духовных академии и семинарии. 23 мая 1963 года состоялась его хиротония во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. Он был назначен председателем Издательского отдела Московской патриархии, который возглавлял свыше 30 лет. В 1971 году был возведён в сан архиепископа, в 1986 году в сан митрополита. В 1989 году был избран народным депутатом СССР от Советского фонда культуры. Помимо церковных орденов был награжден советским орденом «Дружбы народов» и государственной наградой Российской Федерации – орденом Почёта. В 1990 году рассматривался как один из возможных кандидатов на избрание патриархом. Скончался 4 ноября 2003 года.

Епископ Рязанский и Касимовский Симон (Новиков Сергей Михайлович) был также ненамного старше отца Амвросия. Он родился 5 февраля 1928 года в деревне Жолнино Ярославской области. В 1951 году поступил в Московскую духовную семинарию, затем в 1955 году в Московскую духовную академию, которую окончил в 1959 году со степенью кандидата богословия. В 1958 году принял монашеский постриг, был принят в число насельников Троице-Сергиевой лавры. 18 января 1959 года был рукоположен в сан иеродиакона, 12 апреля того же года в сан иеромонаха. С 1959 года стал преподавателем Московской семинарии, а с 1963 года и академии. С 1964 года стал доцентом, а с 1965 года инспектором Московских духовных академии и се-

минарии в сане архимандрита. 14 октября 1972 года состоялась его хиротония во епископа Рязанского и Касимовского. В 1978 году он был возведён в сан архиепископа, в 2000 году в сан митрополита. Управляющим Рязанской епархией служил до ухода на покой в 2003 году. Скончался 1 сентября 2006 года.

Во время всеобщего бдения накануне архиерейской хиротонии архимандрита Амвросий произошло ещё одно событие, которое он запомнил на всю жизнь. Спустя многие годы, он вспоминал о нём так: «17 октября я молился за всеобщим бдением в Богоявленском соборе, и весь ушёл в себя. Вдруг мне сказали, что меня вызывает какой-то старец. Я был очень удивлен, так как никого здесь не знал, да и меня никто не мог знать. Я подошёл к благообразного вида старцу, который был совершенно мне не знаком, и вопросительно посмотрел на него. А он мне сказал: "Избранник Божий". Слова эти были необыкновенными, и я ничего не мог на них ответить. Только спросил: "А вы, батюшка, будете завтра за Божественной Литургией?" Он же мне ничего не ответил, повернулся и ушёл. Произнесены были только два слова, забыть которые было невозможно. Уже позднее я узнал, что это был иеросхимонах Сампсон (Сиверс). Видимо, Дух Божий заставил его подойти ко мне с этими словами, потому что по-человечески он знать ничего обо мне не мог».

Хиротония

18 октября 1977 года в день памяти Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Ермогена за Божественной Литургией в Богоявлен-

ском патриаршем соборе хиротонию архимандрита Амвросия совершили митрополит Таллиннский и Эстонский Алексей, архиепископ Калужский и Боровский Никон, архиепископ Волоколамский Питирим, архиепископ Дмитровский Владимир, епископ Звенигородский Анатолий и епископ Рязанский и Касимовский Симон.

В сослужении вместе с Московским духовенством приняли участие и представители Ивановской епархии – секретарь епархиального управления протоиерей Николай Демьянович и соборный протоиерей Николай Винокуров.

Двое из архиереев, совершавших епископскую хиротонию архимандрита Амвросия, не присутствовали при наречении.

Архиепископ Дмитровский Владимир (Сабодан Виктор Маркианович) был даже младше новопоставляемого епископа. Он родился 3 ноября 1935 года в селе Марковцы Хмельницкой области Украины. В 1954 году поступил в Одесскую духовную семинарию, после неё в 1958 году в Ленинградскую духовную академию, которую окончил в 1962 году со степенью кандидата богословия. В этом же году 14 июня он был рукоположен в сан диакона, 15 июня в сан священника, 26 августа принял монашеский постриг. Был назначен секретарём Одесского епархиального управления, преподавал в Одесской духовной семинарии; после окончания аспирантуры при Московской духовной академии в 1965 году был назначен ректором Одесской семинарии и возведён в сан архимандрита. В 1966 году был назначен заместителем начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме. В этом же году 9 июля состоялась его хиротония во епископа Звенигородского. 28 ноября 1968 года был назначен еписко-

пом Переяслав-Хмельницким, викарием митрополита Киевского и Галицкого, патриаршего экзарха Украины. 20 марта 1969 года переведён на Черниговскую и Нежинскую кафедру, назначен временно управляющим Сумской епархией. 18 апреля 1973 года был назначен епископом Дмитровским, викарием Московской епархии, ректором Московских духовных академии и семинарии. 9 сентября 1973 года возведён в сан архиепископа. В 1978 году стал профессором Московской духовной академии, в 1979 году там же защитил магистерскую диссертацию. 16 июля 1982 года был переведён на Ростовскую и Новочеркасскую кафедру, возведён в сан митрополита. 28 марта 1984 года назначен патриаршим экзархом Западной Европы. 30 декабря 1987 года назначен управляющим делами Московской Патриархии и постоянным членом Священного Синода. 27 мая 1992 года Архиерейским собором Украинской православной церкви избран митрополитом Киевским и всея Украины, предстоятелем Украинской православной церкви. Скончался 5 июля 2014 года.

Епископ Звенигородский Анатолий (Кузнецов Евгений Власович) был на два месяца моложе архимандрита Амвросия. Он родился 28 мая 1930 года в городе Иркутске в семье служащего. С 1947 года был псаломщиком в храмах Иркутской епархии, с 1949 года иподиакон епископа Иркутского. В 1949 году поступил в Московскую духовную семинарию. В 1954 году состоялась его диаконская, в 1956 году священническая хиротония. В 1960 году окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия, 11 октября этого же года состоялся его монашеский постриг. В 1963 году был возведён в сан игумена, в 1968 го-

ду в сан архимандрита. С 1960 года преподавал в Московской духовной семинарии, с 1967 года в академии. 3 сентября 1972 года состоялась его хиротония во епископа Виленского и Литовского. С 3 сентября 1974 года – епископ Звенигородский, представитель патриарха Московского при патриархе Антиохийском и всего Востока. С 16 ноября 1979 года – епископ Уфимский и Стерлитамакский. 20 июля 1990 года был назначен епископом Керченским, викарием Сурожской епархии. В 1993 году возведён в сан архиепископа. В 2017 году был почислен на покой.

Архиерейская хиротония епископа Амвросия

Последующие после хиротонии дни 19 и 20 октября были посвящены официальным визитам: патриарху Пимену, который только что вернулся в Москву из заграничной поездки, и в Совет по делам религий при Совете Министров СССР.

Митрополит Алексей вручает новопоставленному епископу Амвросию архиерейский жезл

Патриарх Пимен (Извеков Сергей Михайлович) родился 23 июля 1910 года в городе Богородске Московской губернии. В 1927 году принял монашеский постриг. 3 июля 1931 года был рукоположен в сан иеродиакона, 12 июля 1932 года – в сан иеромонаха. В 1932 года был призван на два года для несения срочной службы в одной из частей в Белоруссии. Точных сведений о жизни иеромонаха Пимена в 1932–1945 годах нет, существуют различные версии его биографии. Согласно одной из них, дезертировал, жил по подложным документам в Москве, был осуждён по обвинению в дезертирстве и до осени 1941 года отбывал наказание на строительстве канала Москва–Волга и в ссылке в Узбекской ССР.

В 1944 году был осужден на 10 лет, отбывал ссылку в Воркуте; в 1945 году амнистирован в свя-

зи с победой над Германией. Согласно другой версии, в 1934 году был арестован за нарушение закона об отделении Церкви от государства и осужден на три года лишения свободы; отбывал срок на строительстве канала Москва–Волга в городе Химки Московской области. После окончания срока в 1937 года был выслан в город Андижан Узбекской ССР, где до начала Великой Отечественной войны заведовал домом санитарного просвещения. В июне 1941 года был призван в действующую армию.

После Великой Отечественной войны проходил служение священника в Муроме, Одессе, Ростове-на-Дону. В 1947 году был возведён в сан игумена. В 1949 году был назначен заместником Псково-Печерского монастыря и возведен в сан архимандрита. В 1954 году назначен заместником Троице-Сергиевой лавры. В 1957 году рукоположен во епископа Балтского, викария Одесской епархии. В конце декабря того же года назначен епископом Дмитровским, викарием Московской епархии. С 1959 по 1961 и с 1963 по 1965 годы был управляющим делами Московской патриархии. С 1959 по 1961 год был настоятелем Богоявленского патриаршего собора в Москве. С 1959 по 1961 год временно управлял Костромской епархией. В марте 1961 года был назначен архиепископом Тульским и Белевским, а в ноябре 1961 года назначен митрополитом Ленинградским и Ладожским. С октября 1963 года – митрополит Крутицкий и Коломенский. В 1970 году, после смерти Святейшего Патриарха Алексия Первого, стал местоблюстителем патриаршего Престола. На Поместном соборе 1971 года избран патриархом Московским и всея Руси. Интронизация состоялась 3 июня 1971 года в Богоявленском патриаршем соборе в Москве. Скон-

чался 3 мая 1990 года после продолжительной болезни.

Совет по делам религий при Совете Министров СССР создан постановлением Совета Министров СССР от 8 декабря 1965 года путём преобразования в единое ведомство двух самостоятельных учреждений – Совета по делам Русской православной церкви, образованного постановлением СНК СССР от 14 сентября 1943 года и Совета по делам религиозных культов, образованного постановлением СНК СССР от 19 мая 1944 года. Характерно, что первым, кто возглавлял Совет по делам РПЦ, был полковник госбезопасности Г. Г. Карпов, выпускник духовной семинарии, который с 1940 года возглавлял 3-й отдел 5 управления НКГБ, осуществлявший различные антицерковные акции. Заместителем председателя стал также полковник госбезопасности К. А. Зайцев. В беседе с Карповым 13 октября 1943 года В. М. Молотов указал ему и уполномоченным Совета подобрать кадры «из чекистов». Представляет интерес тот факт, что Г. Г. Карпов некоторое время совмещал свою новую деятельность с исполнением прежних обязанностей начальника 3-го отдела. Вышел в отставку позднее в звании генерал-майора. На его соответствующий вопрос В. М. Молотов ответил: «Если Ваше должностное положение в НКГБ не публикуется в газетах и не придано официальной гласности, то я считаю возможным совмещение». Совет по делам РПЦ находился под полной опекой органов госбезопасности вплоть до середины 1950-х годов. До начала 1947 года Совет по делам РПЦ находился в центре внимания Правительства и МГБ. Так в 1946 году Совмин принял на основе его информации 6 постановлений и 33 распоряжения. Подобная активность и

самостоятельность по отношению к партийным органам вызывала у них всё большее недовольство. На пока Совет находился под постоянной опекой службы госбезопасности, он мог особенно не тревожиться. Ситуация изменилась в 1947 году. МГБ стало утрачивать интерес к Русской православной церкви. К августу 1948 года лишь 20 % уполномоченных были офицерами госбезопасности, остальные пришли с советской (46 %), партийной (19 %) и хозяйственной (10 %) работы. Объединение Совета по делам РПЦ с Советом по делам религиозных культов в 1965 году хотя и произошло после окончания антицерковных репрессий, инициированных Н. С. Хрущёвым, уже после его отставки, однако соответствовало общей логике этой атеистической деятельности – лишить Русскую православную церковь особого по сравнению с другими религиозными организациями статуса в СССР.

Встречи с патриархом Пименом в Совете по делам религий для епископа Амвросия носили протокольный характер, и чем-то особым ему не запомнились.

«Всё это было очень трепетно. Никогда в жизни у меня не было таких переживаний, как перед принятием сана епископа. Монашеский постриг, рукоположение в диакона, священника, поставление в игумена и архимандрита – всё это было с этим несравнимо. Душа моя страшно трепетала. Я просто ночи не спал...» – делился спустя годы епископ Амвросий воспоминаниями о своей архиерейской хиротонии. То, что предсказывал ему архимандрит Леонтий (Стасевич), то, к чему еще десять лет назад видел его готовым митрополит Антоний (Кротевич), свершилось.

Духовенство

Епископ Амвросий из вежливости спросил отца Николая Демьяновича, хочет ли тот стать настоятелем кафедрального собора и, с облегчением услышав «нет», назначил на эту должность отца Николая Винокурова.

С секретарём епархиального управления отношения у них не заладились: протоиерей Николай Демьянович думал, что он и епископом Амвросием будет командовать так же, как архимандритом Амвросием, а архиерей хотел самостоятельности. Минувя секретаря, он принимал кадровые решения, самостоятельно согласовывая их с уполномоченным. Отец Николай очень злился, иногда кричал на епископа, а тот лишь успокаивал его: «Отец Николай, вам нельзя нервничать, у вас давление, берегите себя. Мы вас все здесь очень ценим, но не может же всё быть так, как вам это видится». Доходило до того, что отец Николай поручал своей жене – женщине почтенного возраста, следить вечерами у епархиального управления, не приходит ли кто к архиерею, а если приходит, то кто. Однажды во время очередной вспышки гнева у секретаря произошёл сердечный приступ, который он не пережил...

Новым секретарём епархиального управления владыка назначил отца Николая Винокурова, оставив его и настоятелем кафедрального собора. Было сложно представить себе человека менее подходящего для административной работы. Однако он смиренно её исполнял: в качестве настоятеля с 1977 по 1992 год, секретаря – с 1980 по 1993 год. Владыка Амвросий так впоследствии об этом вспоминал: «Человек очень мягкий и богобоязненный; и

ему, конечно, было очень сложно занимать эти начальствующие должности. Его тяготило быть настоятелем собора, иметь большой клир, где у каждого свой характер. Но когда он был настоятелем, мирная обстановка в соборе была удивительно прочной. Отец Николай умел подойти к каждому священнослужителю, просто по-братски помочь, утешить, успокоить человека. Всякая неприятность была для него тяжела. Будучи секретарём епархиального управления, он был моим добрым помощником на этом посту, но его нежная нервная система не могла выносить этой постоянной психологической нагрузки...»

В соборе обновился штат духовенства. Появились новые священники – отец Сергей Арбузин, в 1992 году ставший первым священником – старостой собора, а вскоре после этого сменивший отца Николая и в качестве настоятеля; отец Николай Смирнов, много лет бывший соборным ключарём.

Отец Виктор Гаврилов освоился в Иванове после Ленинграда. Время было ещё сложным: желавшие крестить детей могли подвергаться серьёзной проработке по месту работы. Однажды к отцу Виктору подошла прихожанка Полина Ивановна, которая предложила ему организовывать крещение детей на дому. Это был определённый риск – могли и регистрации лишить, а у священника было уже двое детей, и кроме как служить он больше ничего не умел. Однако он согласился. В результате поездок с Полиной Ивановной по городу и близлежащим населённым пунктам, где порой она собирала креститься по сорок-пятьдесят детей, им было совершено свыше тысячи крещений. Отец Виктор был очень добрым человеком, народ это чувствовал, и его постоянно окружала толпа людей.

В Преображенском соборе г. Иванова

Протодиакон Михаил Дзичковский на протяжении многих лет сопровождал епископа Амвросия во время всех соборных и выездных богослужений, впоследствии стал протоиереем и настоятелем храма в Комсомольске. Молодой иеродиакон Никон

(Фомин), которому владыка доверил возродить Николо-Шартомский монастырь и который сумел сделать его одной из наиболее значимых обителей в России, впоследствии стал епископом Шуйским и Тейковским, затем митрополитом Астраханским и Камызякским.

После архиерейской хиротонии церковная жизнь, за которую он отвечал, для епископа Амвросия расширилась: теперь это был не только кафедральный собор, но и все приходы епархии, а их в 1977 году было 44.

После богослужения в храме села Воронцова. Сидят (слева направо): протоиерей Николай Винокуров, протоиерей Алексий Тумин, епископ Амвросий, игумен (впоследствии архимандрит) Никодим (Васинский)

В жизнь и проблемы каждого архиерей старался вникнуть. Он помнил о том, как в своё время его поддержал архиепископ Димитрий (Градусов), и

старался помочь каждому молодому человеку, желавшему встать на путь церковного служения, устоять на этом пути. Поскольку он пытался помочь всем, то естественно, что это не всегда получалось. Но именно то, что он каждому давал шанс, не боясь идти на риск, и стало залогом церковного возрождения в Ивановской области в 1990-е годы.

Иподиаконы

Иподиаконами у архиереев обычно бывают молодые люди, потому что сами функции этих церковнослужителей, помогающих архиерею во время богослужения, предполагают их подвижность и быстроту реакций. Однако у епископа Амвросия в первый период его служения многие иподиаконы были людьми весьма зрелого возраста.

Бывший старшим иподиаконом у многих ивановских архиереев Валерий Рябинин после несчастного случая стал инвалидом. Как шептались некоторые из почитателей архиепископа Феодосия, это произошло с ним из-за того, что он якобы обижал владыку Феодосия. Епископ Амвросий и отец Николай старались как могли пресекать такие разговоры, чтобы Валерий, который после полученной травмы с трудом передвигался, не получил ещё и душевную травму. Впрочем, он-то как раз хорошо знал цену тем, кто распускал эти сплетни, и их мнение его не интересовало. А вот поддержка епископа и настоятеля была ему дорога.

Старшим иподиаконом стал Сергей Васильевич, которого даже в соборе, где почти никого не называли с отчеством, звали именно так. Он очень любил ездить по святым местам. Это был высокий седой мужчина с большой бородой и длинными во-

лосами. Руки у него были большие – даже удивительно, как он умудрялся застёгивать ими пуговицы на архиерейском облачении...

Слева от епископа Амвросия иподиакон Сергей Маслов, справа Анатолий Вовк

Сменивший его впоследствии в качестве старшего иподиакона Юрий Яковлев привёл в собор в качестве иподиаконов своих четырёх сыновей. Из них трое впоследствии приняли монашество и были рукоположены в священный сан: Леонид стал архидиаконом Иннокентием, Роман игуменом Романом, Николай иеродиаконом Николаем, только самый младший Иван выбрал светскую стезю. Их

сестра Анна впоследствии тоже стала монахиней. Братья Яковлевы в молодости были люди весёлые, иногда подшучивали над некоторыми соборными «авторитетами». Как-то очень быстро и естественно они стали для владыки Амвросия незаменимыми помощниками.

Слева от епископа Амвросия иподиакон Юрий Яковлев, справа Павел Петров (впоследствии иеродиакон Евфимий)

После Юрия старшим иподиаконом стал Павел Петров. Всю жизнь он проработал на производстве, а выйдя на пенсию, под давлением жены, стал сначала иподиаконом, а потом и диаконом. А через некоторое время его супруга упросила архиерея, чтобы он их всех постриг в монашество – и её с мужем, и её престарелую маму, которая жила с ними. Так отец Павел стал иеродиаконем Евфимием, она монахиней Поликсенией, а его тёща монахиней Домникой. Жить они и после пострига

остались в одном доме, что первое время давало тему для шуток протоиереев Михаилу.

Ещё один иподиакон Анатолий Вовк приходил не каждое воскресенье. Его жена Галина работала когда-то в епархиальной канцелярии у митрополита Антония, потом в соборе, и под её влиянием он начал ходить на службы.

Некоторые из этих всю жизнь проработавших на производстве немолодых людей могли церковь назвать «цехом», стихарь «спецовкой», но делали это, не вкладывая что-то негативное, просто оговаривались.

В алтаре Преображенского собора г. Иванова. Слева направо: сидят – протоиерей Николай Винокуров, епископ Амвросий, представитель Антиохийской церкви архимандрит Нифон; второй ряд – монахиня Лариса, иеродиакон Иннокентий (Яковлев), протоиерей Михаил Дзичковский, священник Николай Смирнов, диакон Николай Радцевич, В. И. Овчинников, протоиерей Вадим Манчтет, монахиня Милитина

Кроме братьев Яковлевых, начали появляться и молодые иподиаконы. Виктор Овчинников учился на историческом факультете Ивановского государственного университета. Нельзя было, чтобы в соборе его кто-то увидел помогающим при совершении богослужения – мог быть большой скандал, вплоть до отчисления. Поэтому он просто молился в углу в алтаре. Но при выездах архиерея на приходы, где его никто не мог узнать, иподиаконовал, а также ездил помогать на клиросе священникам в несколько сельских приходов епархии. Однако постоянно скрывать это оказалось невозможно; некоторые атеистические деятели в Иванове пытались добиться, чтобы у Виктора Ивановича отобрали университетский диплом, но у них ничего не вышло.

После окончания университета и службы в армии, он поступил в Московскую духовную семинарию, принял монашеский постриг с именем Юстиниан, со степенью магистра богословия окончил богословский институт в Бухаресте в Румынии. Служил ключарём кафедрального собора и настоятелем храма в Твери. В 1995 году состоялась его архиерейская хиротония во епископа Дубоссарского, викария Кишинёвской епархии. 6 октября 1998 года стал управляющим новообразованной Тираспольской и Дубоссарской епархией. В 2008 году возведён в сан архиепископа. В 2010–2014 годах был управляющим Патриаршими приходами в США; с 25 июля 2014 года архиепископ Элистинский и Калмыцкий.

Другим молодым иподиаконом был Вячеслав Лебедев. На него самый большой психологический прессинг был осуществлён, когда после службы в армии он принял решение стать диаконом. Документы, которые он подал уполномоченному, пошли

и в школу, где он учился, и в воинскую часть, где он служил. Директор школы, классный руководитель, бывшие одноклассники, замполит части ему звонили, пытались отговорить от сделанного выбора: кто-то давил, а кто-то формально позвонил, потому что им так сказали. Его мама была ответственным профсоюзным работником; ей и в исполкоме, и на партсобраниях устраивали в прямом смысле экзекуции: «Как же ты, профсоюзный работник, профсоюзы – школа коммунизма, а у тебя сын поп народился. Лучше бы он преступником был – посадили бы его, и закрыта была бы тема». До нервного срыва её довели. Уполномоченный ему сказал: «Куда ты идёшь? С кем будешь? Скоро все старухи вымрут, среди сверстников друзей у тебя не будет, впереди полное одиночество». Он испугался, пошёл к владыке Амвросию, а тот одной шуткой развеял все его мрачные предчувствия: «Чадо, на мой век "старух" хватило, и на твой хватит». Диаконская хиротония после всех этих испытаний прошла благополучно. В том же, 1981 году, он был рукоположен в сан священника, в 1988 году принял монашеский постриг с именем Хрисанф. До самой своей кончины 11 февраля 2021 года служил в кафедральном соборе и на разных приходах епархии, восстановил Владимирский храм в Иванове – тот самый, напротив которого будущий владыка Амвросий снимал «квартиру» при переезде в областной центр из Толпыгина.

Некоторые архиереи бывают очень придиричвы к иподиаконам; епископ Амвросий был более чем снисходителен. Во время богослужения он погружался в молитву, не обращая внимания на небольшие ошибки сослужащего с ним духовенства и иподиаконов, которые иногда имеют место.

Певчие

В Преображенском соборе в то время было много хоров – два профессиональных и один любительский. Связано это было с тем, что проповедь в советское время была фактически запрещена; если священники что-то говорили в храме с амвона, то в больших городах были люди, которые конспектировали то, что они говорят и передавали в советские органы. Один уполномоченный на область (иногда со вторым сотрудником, но чаще только с секретарём) не мог уследить за всеми храмами. Поэтому при райисполкомах были комиссии по контролю за соблюдением законодательства о культурах. Председателем комиссии, как правило, был заместитель председателя или секретарь райисполкома, а членами могли быть и учителя, и работники культуры, и пенсионеры. Некоторые из таких активистов и следили за содержанием проповедей. В силу этого священники чаще читали проповеди по напечатанным текстам, чтобы неграмотные «конспекторы», не понимавшие о чём проповедь, не исказили её смысл в опасном для проповедника духе. А чтение с листа твёрдо выверенных текстов – это совсем иное, чем живое слово, этим людей не привлечь. Поэтому в советское время в храмах большое внимание уделяли хорам, диаконам и чтецам с красивыми голосами, чтобы красотой богослужения привлечь людей в храм. Некоторые регенты имели целые большие нотные библиотеки произведений композиторов, писавших музыку на богослужебные тексты. Они регулярно обновляли репертуар, для чего порой и еженедельно проводили спевки с целью разучивания новых произведений. Из-за того, что многие из таких, как они их называли «номеров», бы-

ли достаточно продолжительными, праздничные богослужения часто затягивались.

Регентов хоров в епархиях обычно было немного, все они были наперечёт. В сельских, да и в небольших городских храмах, как правило, вместо регента и хора был один псаломщик. Иногда ему удавалось создать любительский хор из прихожан, среди которых в то время было немало желавших петь на клиросе. Псаломщики получали регистрацию у уполномоченного также как священники и диаконы. Все они были на контроле у государства. Что касается регентов, то такой позиции для уполномоченных не существовало, но по факту регенты могли быть либо в сане, либо зарегистрированы как псаломщики. В Преображенском кафедральном соборе «правым» или «архиерейским» хором долгое время руководил Борис Левчук. Выпускник духовной академии из-за второго брака не смог стать священником, поэтому недолюбливал духовенство. Во время конфликта архиепископа Феодосия с церковным советом, он активно поддерживал церковный совет. Потом его сменил диакон Вадим Манчтет. Это был невысокий мужчина с чёрными, как смоль, зачёсанными назад волосами и маленькой бородкой. Он окончил шесть классов, а дальше в силу разных причин учиться не стал – рано пришлось работать, потом пришёл в храм, стал псаломщиком. Очень хорошо изучил церковный устав, самоучкой освоил нотную грамоту, стал диаконом, регентом сначала «левого», потом «правого» хора. Пока был молодой, несколько раз подавал прошение о рукоположении в сан священника, а потом у него перегорело, и он потерял к этому интерес. Как диакон служил очень редко, на службы приходил не в подряснике, а в костюме с галстуком, причём

под пиджак непременно поддевал жилетку. Не любил, когда его звали «отец Вадим», больше ему нравилось «Вадим Григорьевич». Епископ Амвросий однако посчитал возможным к пятидесятилетию возвести его в сан протодиакона.

Архиерейский хор после сокращения состава

Архиерейский хор порой достигал до сорока человек; все они получали достаточно неплохую оплату за выходы, включая репетиции, которые назывались спевки. Солея в соборе, который строился как приходской храм, была сравнительно небольшой. В храме было два придела – в честь Казанской иконы Божией Матери и святителя Николая Чудотворца. Алтарь на все три престола был общий, благодаря чему в нём могло уместиться достаточно много священнослужителей. «Правый» и «левый» хоры практически полностью занимали солею перед приделами.

«Левый» хор отличался тем, что певчим в нём платили несколько меньше, но их число порой бы-

ло весьма значительным, до тридцати человек. Далеко не все певчие профессиональных хоров были верующими; были и те, кто своим неверием бравировал. Басы и тенора выходили покурить по время чтения шестопсалмия и в другие «паузы» (такими в их представлении были места службы, где много читали, но не пели). «Левым» хором руководил диакон Евгений Петров, впоследствии постриженный в монашество с именем Адриан. Как и другой регент, изначально он не имел законченного образования. Однако ближе к сорока годам в отличие от отца Вадима задумался о том, что неплохо было бы его получить; окончил вечернюю школу и дирижёрско-хоровое отделение культпросветучилища. Он всегда важно ходил, не обращая ни на кого внимания, из-за чего протоиерей Михаил, сменивший престарелого протоиерея Александра Миловидова, прозвал его «енех». А на вопрос, почему «енех», отвечал: «Потому что вознёсся». Даже в жару отец Евгений носил костюм и шляпу, в руках его непременно был портфель, в который он по несколько дней не заглядывал, но носил его для солидности. Говорили, что Леонид и Николай Яковлевы как-то из озорства положили ему в портфель завёрнутый в газету кирпич, и он носил его три дня, заметив только на четвёртый, но скорее всего это была шутка, которой однако многие верили. Потом число певчих стали сокращать, оставив примерно по двадцать человек на хор, затем (уже в девяностые) левый хор и вовсе распустили. Времена менялись.

Был ещё любительский хор, в котором принимали участие больше тридцати человек. Им в отличие от остальных певчих не платили, отчего они считали других певчих людьми второго сорта, потому что они поют из-за денег, а те считали их

людьми второго сорта, потому что они «поют так, что им можно заплатить лишь бы не пели». В числе любительского хора было немало и тех, кто стремился принять максимально активное участие во внутрицерковных интригах. Руководил любительским хором Василий Боровик. Когда архимандрит Амвросий стал епископом, он попросил, чтобы его наградили церковным орденом, чем поставил ново-назначенного архиерея в неловкое положение: тот не знал, как это делается. Отец Николай Демьянович, который случайно услышал этот разговор, быстро отогнал псаломщика, на что тот очень обиделся. Некоторое время спустя любительский хор возглавила Нина Арбузина – супруга отца Сергия, одного из первых священников, рукоположенных епископом Амвросием.

Нужно сказать, что во всех трёх хорах было немало и по-настоящему верующих, добрых искренних людей. Но таких людей никогда не видно, они не обращают на себя внимание. А два десятка тех, которые считали, что весь мир должен вертеться вокруг них, существенно осложняли и без того непростую обстановку в соборе. И именно они при всех ротациях никуда не девались. Впрочем, епископ Амвросий с годами научился с самыми разными людьми находить общий язык, сохраняя при этом незримую дистанцию, которую никому не позволял перейти. Поэтому его все уважали.

Времена, когда прихожане могли на него открыто напасть, безвозвратно ушли в прошлое. Наступала новая эпоха, которая несла с собой новые трудности.

Глава 9. Церковное возрождение

Разговор за чаем

Епископ Амвросий и отец Николай Винокуров утром пили чай в небольшой столовой в здании Ивановского епархиального управления.

– Вот этот епархиальный дом, в котором я сейчас живу, первое время казался мне очень пустым. Я никак не мог к нему привыкнуть. Первые годы епископства были очень сложными. Требовалось ко всему привыкать. Ну, конечно, Ивановская епархия была мне знакома. Но ведь положение епископа – положение совсем иное, – начал вдруг вспоминать архиерей.

– Да, владыка, многое сразу изменилось, – согласился отец Николай.

– Помню, я первое время хотел вместе с сотрудниками епархиальной канцелярии обедать, как это у владыки Поликарпа было заведено, – продолжал епископ. – А отец Николай Демьянович сказал, что и тогда это было ни к чему и сейчас не нужно.

– Он строгий был. Нервничал много, это его и погубило.

– Царство Небесное! – перекрестился отец Николай.

– Да, времена сейчас меняются... Сегодня нас вызывают к председателю облисполкома, а ведь совсем еще недавно любые вопросы властям мы могли задавать только через уполномоченного... Владислав Николаевич, конечно, хороший человек, но разговор-то больно трудный – храмы надо открывать пока есть возможность, а это встречает сопротивление...

– Да и с нашей стороны передавливают некоторые, – покачал головой отец Николай. – С этой голодовкой у Введенского храма...

– Здесь всё неоднозначно: думаю, что если бы они затеяли эту голодовку немного раньше, то их бы просто очень быстро «закрыли», и никто про них никогда бы не узнал. Может, несколько позже эти времена вернуться в другой форме. А пока власть не очень устойчиво себя чувствует, поэтому считается с теми вещами, с которыми ещё совсем недавно не считалась...

– Ну, владыка, Бог даст, всё устроится. Ведь начали мы уже храмы открывать. Помните самый первый?

– Конечно. Помню, как трудно передавали дивный храм – двадцать два купола – в Фурманове. Он принадлежал молокозаводу и был обречён на гибель. В подвале была устроена сливная яма, летом там полоскали бельё, зимой мальчишки катались на коньках, как на катке. Сколько обуви стоптали люди, которые ходили по инстанциям, чтобы добиться возвращения храма!.. – задумчиво сказал архиерей.

– Владыка, но ведь власти тогда сами в открытии этого храма нас поддержали, – сказал отец Николай. – Владислав Николаевич тогда с вами туда ездил. Он сначала не хотел ехать. А первый секретарь Фурмановского горкома партии Надежда Павловна Котова партийный руководитель, как ни странно, сама вышла с инициативой передать это здание церковной общине и помочь в его восстановлении. И он из уважения к ней поехал.

– Это да, – согласился архиерей. – Помню, приехали мы туда, посмотрели, встретились с двадцаткой, Владислав Николаевич мне говорит:

«Анатолий Павлович (он наши церковные имена не признаёт), обещаю, что храм передадим, но вот в отношении помощи в восстановлении – это трудно». Члены общины говорят, что сами всё сделают. Передали нам церковь, какое-то время прошло. Приезжаю туда, а ничего не сделано...

– Бог даст, владыка, всё устроится! – уверенно сказал отец Николай. – Мне кажется, что очень много храмов ещё будет открыто в Ивановской епархии пока вы её управляющий. А с Введенским храмом... Мне кажется хорошо, что вы всё-таки взяли в епархию игумена Амвросия (Юрасова).

– Не просто взял, но и ещё архимандритом сделал, – улыбнулся архиерей. – Только много проблем сейчас его духовные чада создали своей голодовкой. Хотя, конечно, храм большой, в самом центре города. Сейчас в нём архив, но под архив построили новое здание, храм будут освобождать. А председатель горисполкома заявил, что после того, как архив выедет, нужно установить в храме орган и сделать концертный зал. Если бы не эта голодовка, кто знает, может, так и сделали бы?

– Они и второй храм, в котором были отделы архива, в связи с этими событиями согласились передать общине верующих, – мягко сказал отец Николай. – Там уже двадцатка зарегистрирована, просят настоятеля назначить.

– Ну, назначить недолго, надо сначала, чтобы передали Ильинский храм, а потом уже и про настоятеля решим. Кого ты думаешь?

– Может отца Виктора Гаврилова? Он рядом живёт, пять минут от храма пешком.

– Да ну тебя! – раздраженно отмахнулся архиерей. – Отец Виктор хороший, но здесь нужен человек совсем иного склада. И смотреть по принци-

пу, кто рядом живёт, как-то смешно. Меня вот после семинарии думали вообще в Новосибирскую епархию направить, да и Иваново от моего родного Киселёва – не ближний свет.

– А кого бы вы думали тогда, владыка?

– Думаю, что отца Никандра.

– Но он молодой ещё...

– Вот и хорошо. Люди постарше уже теряют ко всему интерес, а пока человек молод, у него есть ещё какое-то горение внутри, он сможет многое сделать. Но нам пора уже ехать с тобой – опаздывать ни в коем случае нельзя.

Встреча в облисполкоме и в архиве

Ивановский облисполком располагался в бывшем купеческом особняке на улице Батурина в самом центре Иванова. Хотя понять, где центр у этого города, образованного путём соединения села Иванова и Вознесенского посада, к которому в процессе его расширения присоединяли окрестные деревни, было крайне сложно.

Милиционер на проходной подозрительно посмотрел на двух благообразного вида мужчин в рясах, которые казались ему чем-то чужеродным в этом советском учреждении. Долго рассматривал паспорта, думая про себя: «Ничего себе: у них ещё и паспорта есть!»

В этот момент к ним подошёл седой мужчина с недовольным лицом, который сказал милиционеру: «Это к Тихомирову», чем ещё больше его удивил.

– Здравствуйте, Анатолий Павлович, Николай Макарович, – поздоровался он за руку с архиереем и его спутником и вполголоса добавил: – Могли бы

и нормально прийти. К Генриху Александровичу и то в костюмах ходили.

Отец Николай смутился, а владыка сделал вид, что не услышал последние слова, только доброжелательно улыбаясь, ответил: «Добрый день, Анатолий Александрович». А. А. Лысов был новый уполномоченный, недавно сменивший на этом посту Генриха Александровича Михайлова, перебравшегося в Москву на повышение. Сейчас он стал в Совете по делам религий заместителем председателя и заведующим отделом Русской православной церкви. С ним у епископа и отца Николая всегда были очень добрые отношения, которые сохранились и после его отъезда в Москву. С А. А. Лысовым такого взаимодействия не сложилось. Впрочем, времена менялись, региональный уполномоченный – по сути, мелкий советский чиновник на ранг ниже, чем заотделом облисполкома, начинал становиться таковым и в глазах представителей религиозных организаций, которым после празднования тысячелетия Крещения Руси начали открывать все двери в начальственные кабинеты. Действительно, ещё совсем недавно владыка и его секретарь ходили на приёмы в государственные учреждения (что бывало крайне редко, в основном к уполномоченному) в костюмах. Но на Поместном соборе 1988 года многие архиереи, в том числе рукополагавший его митрополит Алексей, сказали епископу Амвросию, что пришло время ходить в государственные кабинеты одетыми по форме, и он этому совету внял.

Они поднялись на второй этаж, прошли в приёмную председателя Ивановского облисполкома. Архиерей уже был здесь на протокольной встрече в связи с Тысячелетием Крещения Руси, а отец Николай с интересом рассматривал обстановку бывше-

го особняка фабриканта Маракушева, ставшего советским учреждением. В приёмной им не пришлось долго ждать: секретарь доложила по телефону об их прибытии и тут же сказала, указав на дверь рядом с её рабочим столом: «Проходите».

В кабинете их встретил его хозяин – невысокий мужчина в очках с зачёсанными назад волосами и ещё один человек, которого он представил им: «Это секретарь облисполкома Лев Евгеньевич Дубов». Владислав Николаевич в отличие от уполномоченного спокойно отнёсся к тому, что гости в рясах: а в чём ещё попы интересно должны ходить? Он встал из-за стола, чтобы пожать им руки, знаком предложил сесть и начал говорить:

– Процесс открытия храмов сейчас объективно начинается, но некоторые... – он помолчал подбирая слово и продолжил, – неразумные люди пытаются его искусственно форсировать, чуть ли не силой отбирать у государства храмы. Особенно остро это проявилось с «Красной» церковью в Иванове. Мы ведь не имеем принципиальных возражений против того, что можно храмы верующим возвращать, если в этом есть объективная потребность. Но иногда нужно немного подождать. С той же «красной» церковью и храмом в Воробьёве – в них много лет находится архив. Новое здание под него выстроили, но требуется его дооборудование, время на переезд. Я лично гарантировал представителям и той и другой общины, что как только в новом здании завершатся отделочные работы, мы переведём архив. Но они ждать не хотят; из-за «красной» церкви устроили голодовку, причём ведь это не ивановки её устроили, а женщины, приехавшие с Западной Украины. Нам хотелось бы решить всё это мирным путём, всего-то нужно подождать ещё

полгода, а ажиотаж вокруг этой голодовки получил очень большую огласку. Анатолий Павлович, нужно нам как-то находить компромиссное решение.

– Анатолий Александрович, смотри, что про тебя в «Огоньке» пишут, – улыбаясь, сказал секретарь облисполкома, чтобы дать архиерею собраться с мыслями для сложного ответа.

В. Н. Тихомиров посмотрел на Л. Е. Дубова и понимающе кивнул: как опытный человек он хорошо понимал положение владыки: ему ведь нужно было как-то уговаривать тех людей, чтобы они снизили свою активность. Могли это истолковать так, что он епископ, а поддерживает атеистические власти. А Дубов раскрыл популярный в позднесоветское время цветной журнал большого формата и начал читать: «"Они не ваши слуги, – стеной вставал Лысов на защиту руководителей, – а слуги народа". "А мы кто – не народ?" – спросили верующие, указав на то, что их просьбу поддерживают тысячи жителей города. Лысов отбил не дрогнув: "Вы – люди. А народ – имеется в виду вся область"».

Лицо уполномоченного стало ещё недовольнее, а архиерей, успевший собраться с мыслями, сказал:

– Владислав Николаевич, нам, конечно, хотелось бы найти возможность, чтобы всё это было мирно решено. Что на ваш взгляд мы могли бы сделать?

– Поговорите с вашим попом, как его там, чтобы он этих хохлушек унял. По-хорошему надо было с ними раньше разобраться, но почему-то мы их пожалели, а зря. Теперь уже слишком большой резонанс.

– А что им сказать про храм – когда планируется его передача? – осторожно спросил епископ.

– Думаю, в течение года решим этот вопрос. И другой отдел архива, который в церкви в Воробьёве, также.

– Это очень хорошее решение, – сказал архиерей, помолчав минуту. – Поговорю с отцом Амвросием, а он, надеюсь, сможет на них повлиять, так ситуация и успокоится.

– Хорошо бы, – усмехнулся председатель.

– Анатолий Павлович, – вступил опять в разговор Л. Е. Дубов, – а вы готовы сейчас со мной доехать до архива? Там эти ваши, ну ладно, не ваши, голодающие тётки запугали работниц, большинству плевать на них, а некоторые трясутся.

Введенский храм г. Иванова перед открытием

– А чем они могли их запугать? – удивился архиерей.

– Проклинают их всячески, к ним и другие присоединились, у нас любят зла ближним желать, – ответил Лев Евгеньевич. – Ну, так что, готовы со мной туда съездить?

– Да, – ответил епископ.

В. Н. Тихомиров довольно улыбнулся.

– А мне ехать? – спросил А. А. Лысов.

– Толя, а вот зачем ты там нужен? – спросил его председатель. – Лев Евгеньевич сам разберётся. А то потом ещё одну статью будет мне про тебя в центральной прессе читать.

*С главой администрации Ивановской области
В. Н. Тихомировым, 1999 г.*

От облисполкома до занятого архивом храма было недалеко – не больше двух километров. Через пятнадцать минут они уже вошли в здание.

У входа их ждали сотрудницы, которых предупредили о том, что к ним приедут необычные гости.

После приветствий директор архива начала рассказывать архиерею: «С 21 марта по 1 апреля четыре женщины – члены религиозной общины объявили голодовку, требуя передачи этого здания верующим. Они сидели и лежали на паперти, отказываясь от еды. Вокруг здания постоянно собирались толпы горожан, проходя через них, архивисты выслушивали немало обвинений, угроз и злых слов: "Грешницы, нехристи, убирайтесь!" Многим было немного страшновато».

Епископ понимающе кивнул, а затем сказал: «Никакого греха на вас, работающих в этом здании, нет, не бойтесь того, что они говорят, их слова не принесут вам ничего плохого». И, не смущаясь присутствием секретаря облисполкома, осенил крестным знамением всех присутствующих. А директору архива сказал: «Спасибо вам, что столько лет охраняете это здание, поддерживаете его состояние».

Когда они спускались к машине, Лев Евгеньевич сказал архиерею: «Вы очень мудро сегодня поступили. На самом деле решение по передаче храма общине верующих уже принципиально принято, но если не проявить терпение, то могут быть очень неприятные последствия».

Отец Николай, присутствовавший при всех этих переговорах, то бледнел, то краснел. Архиерей сказал ему, когда они ехали обратно в епархиальное управление: «Да, отец Николай, не с твоей нервной системой работать секретарём епархии в таких условиях. Тут нужен кто-то, кого ничем не

пробить... Но, надеюсь, что мы ещё долго потрудимся вместе».

Епископу Амвросию удалось сгладить острые углы, и уже в 1990 году храм был передан верующим. А председателю облисполкома потом не нужно было никакой агитации: хороший архиерей или плохой, какая у него речь, как он паству за собой ведёт – он своё мнение составил. С тех пор у них начались регулярные встречи, официальные и неофициальные. В 1990 году Владислав Николаевич стал председателем областного совета, в 1994–1996 годах председателем Законодательного собрания Ивановской области, в 1996–2000 годах главой администрации Ивановской области.

Во время одной из первых встреч архиерей рассказал ему о начале своего жизненного пути, они пообедали вместе, и с тех пор у них было очень много продолжительных разговоров о жизни. А спустя годы, архиерей убедил Владислава Николаевича, что нужно креститься. Крестил его в церкви в селе Толпыгине, где начинал своё служение. Сказать, что крестившийся почувствовал, что стал новым человеком после крещения, как об этом пишут в книгах, нельзя. Но он никогда не жалел о том, что крестился, стал по-другому относиться ко всему церковному.

Новая реальность

После обрушения Советского Союза в образовавшихся в результате его распада государствах достаточно долгое время было много хаотических процессов. Множество людей, которые считали, что их будущее гарантировано, что у них есть серьёз-

ные сбережения, внезапно стали нищими. Деньги обесценились. На хранившиеся на сберегательных книжках десять-пятнадцать тысяч рублей, на которые ещё вчера можно было приобрести дом, стало возможно купить только шоколадку... Через ваучеризацию всенародное достояние перевели в частное, причём гражданам, которым изначально говорили, что их доля в общенародном состоянии равняется двум автомобилям «Волга», в большинстве случаев не дали за их ваучеры ничего: они «сгорели» в непонятных инвестиционных фондах. А вот определённая группа лиц, скупившая за бесценок эти ваучеры, которые не были именными, внезапно оказались владельцами фабрик, заводов и целых «бизнес-империй». То, что легко доставалось, часто легко и уходило; огромные состояния появлялись и исчезали. Расцвел бандитизм. Социальная составляющая государства в России не отрицалась, но всё больше деградировала. Пенсии задерживались до четырёх месяцев. Место наличных расчётов во многих случаях занимали взаимозачёты и обмены по бартеру; вместо зарплаты также нередко выдавалась та или иная продукция. В Ивановской области закрывались детские сады, начали закрываться и школы. Когда-то бывшие гордостью текстильного края, «Красного Манчестера», фабрики всё больше приходили в упадок.

Владислав Николаевич Тихомиров вспоминал впоследствии: «Нужно понимать ещё, что за время было в девяностые годы. Так ведь не расскажешь, это нужно пережить. Помню один год, когда не было ни денег, ни зарплат, ни газа, ни мазута, уголь давно закончился. Область была накануне холодной и голодной зимы. Напряжение у народа было огромным. В магазинах пусто, зарплаты не выпла-

чивали по полгода. Что интересно: митингов стало меньше. Их было больше, когда не было проблем с едой, выплатами простым гражданам. Но люди были наэлектризованы. Я шёл на работу – у меня палатки около областной администрации были, люди там ночевали, костры жгли. А зима, холодно. Я к ним подходил пообщаться. И вот в этих критических условиях роль духовного пастыря была велика. Нужно было слышать, как он говорил. Не могу сейчас передать это дословно, но результат был таким, что люди после общения с владыкой уходили не озлобленные. Он способствовал профилактике панических настроений, учил, что нужно верить в лучшее. Но чтобы оно было к нему нужно двигаться не нагнетанием ситуации, а созидательной деятельностью; пусть даже и в таких критических условиях».

И в этих тяжелейших условиях в Ивановской области начали открываться новые храмы. За 1989–1990 годы число храмов епархии выросло с 44 до 60. В 1991 году было зарегистрировано 37 новых приходов; появились три монастыря – впервые в истории Ивановской епархии. Причём Свято-Введенский женский монастырь в Иванове был открыт там, где исторически монастыря не было – для того времени это было событием. Его настоятелем стал архимандрит Амвросий (Юрасов) – необычный в истории православия случай, когда духовник женского монастыря около пятнадцати лет был и его настоятелем, но благодаря его руководству монастырь стал одним из крупнейших в России. В древний Николо-Шартомский мужской монастырь села Введенье Шуйского района при отсутствии настоятеля (или наместника) экономом был назначен молодой иеродиакон Преображенского

кафедрального собора Никон (Фомин). За короткий срок он начал возрождение этой обители; в ней появились насельники. Архиерей рукоположил его в сан иеромонаха, назначил заместителем этого монастыря, в 28 лет возвёл в сан архимандрита. Монастырь быстро развивался, число его насельников росло, открывались подворья. Настоятельницей Свято-Успенского женского монастыря села Дунилово Шуйского района была назначена игуменья Ольга (Соколова). Ещё недавно она была просто швейей, а тут сумела раскрыть свои административные таланты. Через несколько лет она открыла при монастыре детский приют и гимназию для девочек. Сёла Введенье и Данилово находятся рядом, в каждом из монастырей несколько храмов. Некоторые из проезжающих мимо них говорят, что ощущение такое же, как когда проезжаешь мимо Суздаля.

Во время посещения Ивановской епархии патриархом Алексием II

Патриарх Алексей II в Свято-Введенском женском монастыре г. Иванова

В этом же, 1991 году, епископ Амвросий был возведён в сан архиепископа. В 1993 году Ивановскую епархию посетил патриарх Московский и всея Руси Алексей II, избранный Поместным собором 1990 года после кончины патриарха Пимена. Для владыки Амвросия визит патриарха был вдвойне волнителен – впервые он принимал в своей епархии первосвященителя, который когда-то возглавил его архиерейскую хиротонию.

Открытие храмов продолжалось. Новые приходы требовали большого количества духовенства. Если, например, в 1984 году епископом Амвросием были рукоположены 4 священника и 3 диакона, то в 1989 году – 12 священников и 1 диакон. В 1991 году 13 священников и 8 диаконов, в 1993 году 25 священников и 6 диаконов, в 1996 году – 44 священника и 6 диаконов.

Священническая хиротония. 30 мая 1999 г.

В 1993 году свыше 135 храмовых зданий было передано постановлением главы администрации Ивановской области в собственность Ивановской епархии. Ивановская область стала единственным регионом России, где храмы передавались не в пользование, а в собственность Церкви.

Существенное значение имел и тот факт, что в 1990 году в России сменилось религиозное законодательство. С разницей в три недели были приняты союзный и российский законы о свободе вероисповеданий. Если союзный закон готовили профессионалы, понимающие специфику деятельности религиозных организаций (среди народных депутатов СССР был и будущий патриарх Алексей II), то российский закон готовили диссиденты и либералы, очарованные западными протестантскими образцами. С учётом того, что союзный закон перестал действовать с распадом Советского Союза, а остался российский, не упоминавший централизованных религиозных организаций, и открывший двери в Россию представителям самых немислимых деструктивных религиозных культов, некоторые из которых впоследствии были признаны экстремистскими и запрещены. По этому закону государство имело взаимодействие не с централизованной религиозной организацией (патриархией, епархией), а с местной (приходом в лице его учредителей-мирян). По сути, этот закон повторил советское законодательство о религии. Этот закон действовал до 1997 года, когда утратил силу в связи с принятием федерального закона «О свободе совести и религиозных организациях». За эти семь лет благодаря несовершенству законодательства произошло и много настроений в Православной церкви, можно особо

выделить так называемый суздальский раскол, когда ряд общин с храмами перешли в юрисдикцию Русской зарубежной церкви. Передача в Ивановской области храмов непосредственно епархии (а не приходам) и именно в собственность позволяла таких ситуаций избежать. Это был уникальный для того времени опыт, ставший возможным во многом именно благодаря личности архиепископа Амвросия, его авторитету, которым он пользовался в регионе.

Положение Церкви стремительно изменялось вместе с переменами, происходившими в государстве и обществе. Священнослужители получили возможность управления делами приходов, «двадцатки» после перемен в законодательстве стали «десятками», и их представители уже не играли определяющей роли в приходской жизни. Трудности, которые испытывали все жители России в эпоху перемен, испытывали на себе и священнослужители, и прихожане.

Архиепископ Амвросий давал шанс проявить себя практически каждому человеку, желавшему стать священнослужителем. Совсем молодые люди и старики, с учёными степенями и малообразованные, с огромным жизненным опытом и без него – самые разные ставленники рукополагались им в священный сан. Не все справлялись, но именно благодаря тем, кто смог, буквально из руин восстанавливались разрушенные монастыри и храмы, строились новые.

Большую роль в восстановлении поруганных святынь, реализации церковных проектов, ставших возможными в новой парадигме государственно-церковных отношений, сыграли благодетели. Большое значение имела также поддержка предста-

вителей органов государственной власти и местного самоуправления. Стало возможным открытие православных общеобразовательных школ, что способствовало работе в сфере духовного образования и просвещения.

Священнослужителей становилось всё больше, но некоторые из них были очень проблемными. Однако архиепископ Амвросий оставался всё таким же добрым отцом для своей епархии – священнослужителей, монашествующих и прихожан. На светских людей, открывших для себя Церковь в зрелом возрасте, после периода гонений на религию, общение с ним производило неизгладимое впечатление.

Устанавливались и развивались межконфессиональные контакты как внутри региона, так и международные. Они способствовали тому, что Ивановскую область характеризовали как регион религиозного мира и согласия. При этом архиерей никогда не делал никаких уступок в сугубо религиозных вопросах, но во всех сферах, имеющих общечеловеческое значение вне зависимости от религии и национальности, развивал взаимодействие с представителями других конфессий.

Михаил Иванович

Архиепископ Амвросий с уважением, но осторожно относился к тем, кто хотел выступить в качестве благотворителя церковных начинаний. С одной стороны, он понимал, что без внешней помощи невозможно восстанавливать разрушенные за годы безбожия святыни, строить новые. С другой, как человек, не понаслышке знавший об изнанке духов-

ного мира, он понимал, что на тех людей, которые делают какие-то добрые дела для Церкви, идет нападение тёмных сил. Ему запомнились два случая. Один раз, на сломе советской и постсоветской эпох, директор крупной фабрики, ставший её хозяином, оплатил паломническую поездку группы священнослужителей за рубеж. Поездка по святым местам прошла хорошо, но глава областной администрации был недоволен тем, что в условиях экономического кризиса в регионе новые «купцы» позволяют себе барствовать. Понятия «паломничество» тогда не существовало. Поэтому он велел налоговой инспекции начислить священнослужителям налог за эту поездку как за доход, поскольку, на его взгляд, она не имела служебной необходимости. Архиерей тогда смиренно заплатил налог и предложил так поступить другим священнослужителям, ездившим вместе с ним, но некоторые из них судились с налоговой и выиграли суд. А организовавший поездку директор фабрики пришел тогда к епископу, будучи нетрезвым, и посулил нанять бандитов, чтобы те принесли ему голову главы области на блюде... «Прямо, как голову Иоанна Крестителя, – строго сказал ему владыка. – А вы помните, что стало с Иродом? А с Иродиадой? Как она плясала на реке во время ледохода, пытаясь спасти жизнь, как плясала на пиру, чтобы потребовать смерти Иоанна Предтечи, и как ей отрубало голову льдинами так же, как её отрубили святому?» Директор притих, видно было, что слова на него подействовали. И епископ уже мягко добавил: «Вы не Ирод, и он не Иоанн Креститель. Отдохните сегодня. Вы сделали доброе дело – организовали поездку по святым местам, поэтому произошло нападение демонических сил. Не нужно ему

поддаваться». И благословил успокоившегося мужчину, который с тех пор стал взвешивать свои слова. Но у архиерея память об этой ситуации осталась навсегда. Другой случай произошёл примерно в это же время. Ещё один директор оказывал помощь нескольким монастырям епархии, а потом заболел. У епископа Амвросия с ним были добрые отношения, поэтому во время посещения больного сказал ему, что это бесовское нападение на него из-за помощи Церкви. А тот сразу спросил: «А почему ты меня не предупредил, что так будет, когда просил помочь?» С тех пор епископ был осторожен в общении с меценатами, тем более что настоятели монастырей и приходов по его благословию решали с ними все вопросы напрямую.

Но было много и тех благотворителей, с которыми у него сложилось доверительное общение. Из них особенно нужно выделить Михаила Ивановича Чепеля, впоследствии иеромонаха Михаила. Вместе со своим другом Андреем Юрьевичем Быковым они создали сначала итало-российский, а затем и непосредственно в России Фонд Святителя Николая Чудотворца. У них возникла идея, что поскольку именно Иваново многие ассоциируют с началом гибельных революционных событий в России XX века, то нужно отсюда начать возрождать духовность примером добрых дел. Они пришли на прием к владыке, изложили ему свою концепцию. Он очень внимательно их выслушал, высказал свои пожелания и предложения. Сразу же включился в работу и в определённой степени дал направление ряду проектов, которые начали реализовывать в Фонде.

Михаил Иванович вспоминал впоследствии: «Для меня радостью было с ним общаться. По поводу или без повода стремился попасть к нему,

услышать пару слов, просто посмотреть на него. Он меня как-то окрылял. А иногда, после продолжительного уже сотрудничества, были случаи, что я внутренне сопротивлялся какому-то проекту. Иду к владыке. Самое интересное – он никогда ни в чём не убеждал. Но в разговоре просто излагал, как ему это видится; а я чувствовал, что во мне зарождается неопишное чувство легкости и полёта, и не мог не согласиться с мыслями владыки. Это не был гипноз или психотерапия, это был разговор грешника со святым. И у меня действительно появлялись крылья, просто летел, чтобы совершить дело совместно решенное, которое было по благословию владыки».

Архиепископ Амвросий и М. И. Чепель

Архиепископ Амвросий рассказал Михаилу Ивановичу, глубоко вникавшему во все духовные вопросы, о своём опыте духовного общения с архимандритом Леонтием, который к этому времени был уже прославлен в лике Новомучеников и испо-

ведников Российских на Архиерейском соборе 2000 года. Как вспоминал впоследствии М. И. Чепель, «...я много спрашивал у владыки о преподобном Леонтии, он рассказывал всё, что знал, при этом чувствовалась духовная связь между ними, в которую невольно вошел и наш Фонд. Мы много помогали в реставрации храма, восстановлении росписей. Помню, когда вначале входили в эту церковь, в притворе всё было просто чёрным. И когда мы обратились к художнику Евгению Корнееву, он предложил очень красивый вариант росписи, который очень нам понравился, и эта роспись была сделана. Тогда я почувствовал глубокую духовную связь, покровительство преподобного Леонтия».

Слева направо: М. И. Чепель, архиепископ Владимирский и Суздальский Евлогий, архиепископ Амвросий, А. Ю. Быков

Архиепископ Амвросий духовно поддерживал Фонд и в его культурных проектах – в первую очередь в помощи хоровой капелле юношей и мальчиков под руководством А. М. Жуковского. Архиерей

сам прекрасно пел, любил пение. Это было очень важное направление. Фонд поддерживал коллектив, который находился в очень сложных условиях работы, помог ему попасть на лучшие сцены страны. Концерты капеллы состоялись в Кремлёвском Дворце съездов, Храме Христа Спасителя, в Московской консерватории; организовывал гастрольные поездки по России и за границу, совместные выступления с народными артистами России – Тамарой Гвердцители, Ренатом Ибрагимовым, Александром Захаровым, Сергеем Захаровым, Зауром Тутовым.

Михаил Иванович Чепель – выпускник философского факультета Московского государственного университета, обладатель международных учёной степени доктора философских наук и учёного звания профессора философии – в разговорах с архиепископом Амвросием часто касался сложных философских проблем. Ему запомнились их разговоры о времени, о чём он впоследствии вспоминал так: «Мы говорили о разных вещах, в том числе о понятии "время". Понимал, что это для него не пустое слово. У него в кабинете было очень много часов. Он любил часы. Владыка понимал время как то богатство, которое Господь нам даёт. В наших разговорах с ним тогда мы сформулировали, что время – большое богатство, которое даётся человеку в дни его земной жизни, как инструмент. А от человека зависит, как он им распорядится. Но каждая секунда, посвященная Господу, – это возможность очищения, покаяния, помощь в прохождении воздушных мытарств. Очень жалко смотреть на людей, которые бездарно проводят время, фактически его убивают. Мне порой приходилось видеть, как люди умирают. Многие в этот момент просят продлить их

жизнь. Это значит – продлить время, потому что по исходе души из тела, она вступает в реальность, где нет времени. И вот это продление жизни имеет смысл, если оно используется для покаяния, для Богообщения: ведь в аду человек теряет возможность общения с Богом, теряет возможность сам изменить свою судьбу. А может сделать в дни своей земной жизни, пока у него есть для этого время, даже если его немного, как у разбойника на кресте. Такие вот мысли рождались в ходе наших бесед с владыкой Амвросием».

После вручения архиепископу Амвросию награды Фонда – Креста Святителя Николая Чудотворца

Архиерей тоже любил эти разговоры – ему было легко говорить с человеком, который глубоко видит духовную суть происходящих событий. Спустя годы рукоположенный в сан священника и принявший монашеский постриг иеромонах Михаил (Чепель) в одном из интервью сам сформулировал то, что не могли понять многие из других благодетелей, с кем общался архиепископ Амвросий: «Наверное, это естественно – дьявол не про-

пускает просто так добрые дела. Когда удаётся, что-то созидательное выполнить, то или до этого, или после бывают какие-то искушения, то есть испытания. Некоторые подвижники Православия говорили, что если их нет, то это знак, что доброе дело Богом не принято. Но это не повод, чтобы бояться делать добро во славу Господа. На всё воля Божия. За всё надо Бога благодарить».

Врачи души и тела

Архиепископ Амвросий с очень большим уважением относился к врачам. Уже в начале 1990-х стал серьёзно болеть протоиерей Николай Винокуров, не выдержавший психологических перегрузок нового времени, в чём-то не менее сложных, чем во времена гонений на Церковь. Да и у самого архиепископа здоровье начинало давать сбои. И он видел, насколько важна своевременно оказанная медицинская помощь, как нужны профилактика и предупреждение заболеваний. Впрочем, он и с молодости это знал, когда из-за узкой обуви у него однажды возникли проблемы с ногами, потребовавшие хирургического вмешательства.

В 1990-е годы священнослужителями становились люди самых разных профессий. Среди тех, кого архиепископ Амвросий рукоположил в сан священника, были и врачи: протоиерей Александр Соловьёв, игумен Варфоломей (Коновалов), схиигумен Николай (Илларионов), иеромонах Иннокентий (Илюшин). Некоторые из них, приняв священный сан, продолжали медицинскую практику.

Особенно архиерей выделял игумена Агафангела (Гагуа). Их первая встреча произошла после архиерейского богослужения в Преображенском ка-

федральном соборе, когда в то время еще не думавший ни о каком монашестве и священстве студент Ивановского медицинского института Александр просто подошёл взять благословение у архиепископа Амвросия. А тот посмотрел на него и сказал: «Молодой человек, вы будете сначала монахом, а потом священником». В жизни будущего врача был тогда вполне светский период; ему подумалось: «Вот архиерей какую-то странную вещь сказал, наверное, с кем-то меня перепутал...» Но по прошествии определённого времени его пророчество сбылось.

Через некоторое время молодой врач стал духовным чадом владыки Амвросия. Их встречи были очень частыми. Архиерей во время бесед раскрывал сокровищницу православной веры, своего личного духовного опыта, опыта молитвы, Богообщения, пути в Церкви. Возвышенность его личности впечатляла, чувствовалось, что глубокие духовные знания в прямом смысле получены им свыше. Потом он стал посылать к работавшему в то время в 4-й городской клинической больнице Александру Кондратьевичу пациентов, которые являлись священнослужителями, монашествующими, просто прихожанами храмов города Иванова. А через общение с ними и, разумеется, с самим владыкой, врач стал всё больше задумываться о своём жизненном пути. Было свыше ста человек, которым он по просьбе владыки Амвросия оказывал медицинскую помощь. Причем не только ивановцам, но и москвичам, владимирцам. И для врача было полезно знакомство и общение с этими людьми, в том числе воспитывавшее терпение, сострадание, дававшее лучшее понимание особенностей церковной жизни.

*Вручение иеромонаху Агафангелу священнического креста.
30 мая 1999 г.*

*С игуменом Агафангелом (Гагуа) в беседке
во дворе архиерейского дома*

Через четыре года владыка сказал Александру Кондратьевичу: «Ты молодой человек, полон сил. Сейчас время, когда священников не хватает, а возвращается много храмов, восстанавливаются поруганные святыни. Почему бы тебе не послужить, не оставляя и медицинскую практику? Это было бы полезно». Архиепископ Амвросий благословил Александра не бросать медицинскую деятельность. Состоялись монашеский постриг, диаконская, затем священническая хиротония. Отец Агафангел стал совмещать работу сначала в больнице, а потом в Ивановской государственной медицинской академии со службой в Преображенском кафедральном соборе. Он брал у архиерея благословение на каждое серьезное научное изыскание. Особенно на рабо-

ту над кандидатской, а затем докторской диссертацией. Владыка, хотя и был очень далёк от практической медицины, считал всё это очень значимым. Его благословение имело очень большую силу: то, что иеромонах Агафангел предпринимал, заручившись им, всегда воплощалось в жизнь, а то, в чём рассчитывал только на собственные силы нередко не получалось. Когда так случилось несколько раз, ему стало понятно, что владыка Амвросий через свое благословение передаёт волю Божию. На протяжении 14 лет отец Агафангел возглавлял кафедру древних и новых языков в открытой в Иванове в 2002 году духовной семинарии. Со временем кафедра была признана одной из лучших подобных семинарских кафедр в России.

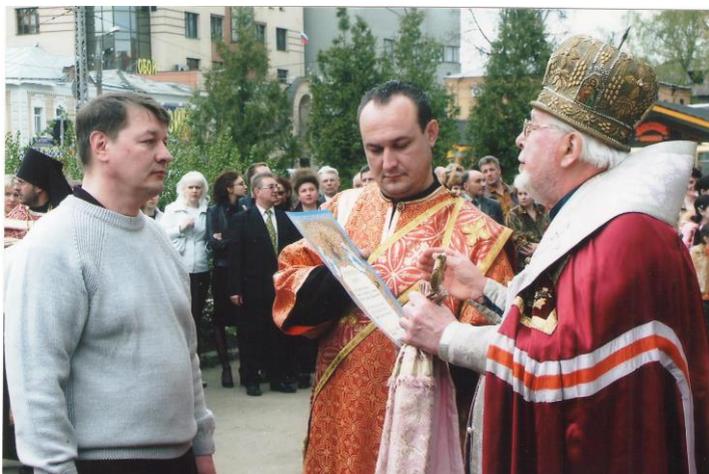
Архиепископ Амвросий поддержал отца Агафангела и в его идее строительства нового храма в Иванове. Сначала хотели строить его у парка Степанова, но там была непростая история, связанная с противостоянием определённых сил. Владыка был непосредственно включён в этот процесс. Участок в том месте не был выделен. Однако стало возможным выделение места под строительство храма в самом центре города Иванова, на площади Победы, – месте духовно очень непростом, связанном с именем известного террориста Нечаева, и одновременно исключительно духовно важным, как месте памяти о военных подвигах ивановцев, которые на протяжении десятилетий были увековечены лишь временным памятником, прозванным в народе «печкой». Проект, закладка храма, работа с благодетелями, формирование попечительского совета по строительству – всё это стало предметом самого пристального участия архиепископа Амвросия. До ухода на покой он был председателем попечитель-

ского совета по строительству данного храма, а уходя на покой, позаботился о том, чтобы его сменил человек, также пользующийся большим заслуженным авторитетом – руководитель Фонда Святителя Николая Чудотворца отец Михаил (Чепель). И храм на площади Победы был построен, сейчас в нём идут богослужения.

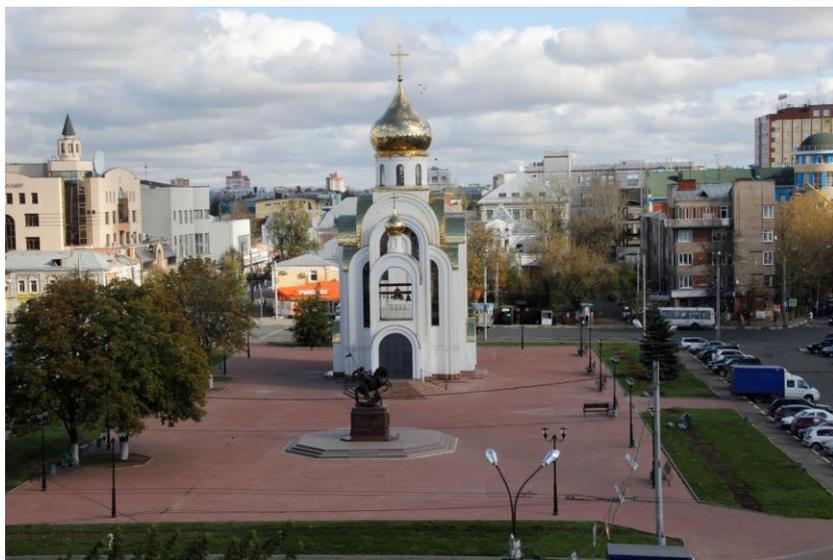

Члены попечительского совета по строительству храма на площади Победы г. Иванова перед началом заседания. Слева направо: предприниматель В. П. Бахмутин, генеральный директор ООО «СаНата-Текстиль» Н. С. Блинова, представитель Фонда Святителя Николая Чудотворца Г. В. Горев. 15 июня 2006 г.

Вместо временного памятного знака был установлен памятник святому великомученику Георгию Победоносцу – единственный в городе памятник святому не на территории храма, при этом временный знак перенесен к православной школе города Иванова.

*Во время закладки храма на площади Победы
в г. Иванове. 9 мая 2005 г.*

*Площадь Победы г. Иванова после завершения
строительства храма и установки памятника
великомученику Георгию Победоносцу*

А игумен Агафангел (Гагуа) – доктор медицинских наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела по науке и образованию ФГБУ «Научно-клинический центр оториноларингологии ФМБА» (г. Москва). За период врачебной практики им уже выполнено свыше трёх тысяч оперативных вмешательств, и он продолжает совмещать служение в Церкви с научной и практической медицинской деятельностью.

Почётный профессор

Архиепископ Амвросий не получил какого-то систематического образования кроме средней школы и духовной семинарии. Однако всю жизнь он очень много читал. Когда стал плохо видеть, ему каждый день читала книги монахиня Ксения (Галанцева). Знания, полученные путём постоянного ежедневного самообразования, дополнялись молитвенным и духовным опытом. С годами это наложило свой отпечаток и на его внешнем облике. Некоторые непосредственные прихожане собора, рассматривавшие фотографии архиереев в церковном календаре, говорили, что вот этот архиерей похож на купца, этот на приказчика из лавки, а наш на профессора. Когда владыке это передавали, он с юмором к этому относился: ну, что спрашивать с некоторых людей в их оценках других?

Его авторитет неуклонно рос, в том числе и в научных кругах. Всё больше представителей вузовской интеллигенции искали с ним встреч, оставаясь под впечатлением его личности. В Шуйском государственном педагогическом университете в 1998 году была открыта кафедра философии и религиоведения. ШГПУ к этому времени уже не один год

сотрудничал с Ивановской епархией. Ещё с 1994 года священнослужители епархии читали студентам вуза курс «Философско-богословское содержание основных сюжетов Священного Писания». Широкий резонанс в стенах ШГПУ вызвали и первые философско-богословские чтения, состоявшиеся благодаря участию епархии и показавшие широкие перспективы сотрудничества вуза с православной церковью. Кроме того, издательством ШГПУ был выпущен в свет целый ряд книг и сборников, связанных с историей русского православия.

Вручение аттестата почётного профессора ШГПУ

В 1997 году учёный совет Шуйского государственного педагогического университета принял решение о выпуске сборника трудов архиепископа Амвросия и присвоения ему звания почётного профессора ШГПУ. Проректор по научной работе университета, профессор И. Ю. Добродеева, выступая на церемонии вручения архиерею аттестата почётного профессора, в частности сказала: «Доброе, со-

чувственное слово владыки больной, тоскующей душе рождает надежду на доброе устройство жизни, даёт мужество пережить скорбь и муки, раскрывает их смысл в земной жизни. Разговаривая с человеком, владыка отвечает на незадаанные вслух вопросы. Он ... слышит из души другого идущий вопрос. Он слышит и страх, и боль, и смятение. Отвечая "Не нужно бояться, нужно просто, верить в Бога, Бог никогда не сделает никому плохо". Беседы с владыкой – это всегда беседы с высоким, духовным миром, благоустроенность, красота и возвышенность которого очищающе действуют на собеседника. При этом его духовный мир настолько поднят над дурным психизмом обыденности, что высотой своей врачует. Владыка говорит о грехе со скорбью за человека. Для него бесконечно дорога душа, как незримый Божественный светильник в человеке, он верит в душу каждого, какими бы страстями она ни была терзаема. Своей верой в человека он помогает ему найти точку опоры в трагедии земного существования. Пример владыки ясно показывает духовную сопряженность веры в Бога с верой в человека».

К концу 1998 года не менее тесное сотрудничество наладилось у епархии с Ивановским государственным университетом. В его стенах неоднократно проходили занятия с учащимися Ивановских епархиальных пастырско-богословских курсов, различные богословские факультативы.

В 1995 году в Ивановской епархии были открыты пастырско-богословские курсы, на базе которых к 1999 году выросло духовное училище, в 2002 году реорганизованное в духовную семинарию.

Как впоследствии вспоминал действительный государственный советник РФ третьего класса, в

2000–2005 годах губернатор Ивановской области Владимир Ильич Тихонов: «К созданию духовной семинарии в Ивановской области приложил свою руку отчасти и я, в ранге губернатора, согласившись по просьбе владыки Амвросия в знак глубокого уважения к нему возглавить попечительский совет сначала духовного училища, а потом, когда мы совместными с епархией усилиями через полтора года после моего прихода на пост председателя попечительского совета добились его реорганизации в духовную семинарию, то и попечительский совет духовной семинарии. Более того, 16 декабря 2004 года я лично по просьбе владыки представлял патриарху Алексею II на утверждение проект развития духовной семинарии».

*Архиепископ Амвросий на инаугурации
губернатора Ивановской области В. И. Тихонова*

С начала 1990-х годов стало возможным взаимодействие епархии с воинскими подразделениями,

правоохранительными учреждениями региона. Священнослужители и представители епархии, не имеющие священного сана, стали проводить встречи с личным составом, участвовать в патриотическом воспитании. Активно работала тюремная миссия. У руководителей силовых структур региона архиепископ Амвросий неизменно пользовался большим авторитетом.

Генерал-майор, заслуженный военный лётчик РФ А. В. Ахлюстин вспоминал: «Нужно было видеть, как менялись лица военнослужащих, когда они слушали владыку. Нужно ведь понимать, что 1990-е годы – это было очень сложное время. Неизвестность будущего – выгонят тебя завтра или нет, а если и нет, то служба без денег, без топлива, без имущества, – и вот, несмотря на такие жёсткие условия, когда владыка говорил, то ожесточённые лица офицеров, прапорщиков, солдат как-то изменялись, я обратил на это внимание. Он обладал особым даром такого изложения своих мыслей, что, как казалось, проникал в подсознание человека, но всегда использовал это только на благо. И вообще представители силовых структур очень хорошо относились к архиепископу Амвросию. У нас тогда был своего рода "клуб" людей в погонах, сейчас между представителями разных структур нет такого тесного общения. А тогда все мы – и представители Министерства обороны, и ФСБ, и МВД, и МЧС были постоянно как бы в едином кулаке. Это было обусловлено особенностью времени, потому что задачи, которые тогда возникали, требовали тесного взаимодействия всех структур. Реагировать приходилось на разные внутренние ситуации – помните ведь это время, проблемы, связанные с Чечней, Дагестаном. И вообще та неразбериха, которая до

2000 года творилась в государстве, она сама по себе подвигала представителей силовых структур к единению. Мы все вместе ездили к архиепископу Амвросию – и генерал-майор ФСБ В. П. Майоров, и генерал-майор милиции Г. М. Панин, и многие другие. Думаю, что некоторые вещи, которые были в области сглажены в то время – это благодаря Владыке. Он очень мудро себя вёл, никогда не настаивал, что нужно вот так сделать в вопросах, которые не входили в его компетенцию. Но мягкие рекомендации давал, и поскольку они не были навязчивы, то к ним прислушивались. С ним очень хорошо взаимодействовали губернаторы области – В. Н. Тихомиров, В. И. Тихонов, другие представители руководства региона».

Когда в 1977 году епископ Амвросий был назначен на Ивановскую кафедру, в епархии было только 44 прихода. На момент, когда в 2006 году архиепископ Амвросий ушел на покой, в Иваново-Вознесенской и Кинешемской епархии были Духовная семинария, 12 монастырей, 188 приходов и монастырских подворий, 4 общеобразовательные православные школы, 3 монастырских детских приюта, один православный детский сад. В епархии проходили своё служение свыше 400 священников и 100 диаконов.

Архиепископ Амвросий стал единственным священнослужителем Ивановской области, награждённым орденами Почёта и Дружбы, удостоенным званий Почётного гражданина Ивановской области и города Иванова. Был он награжден и пятью церковными орденами: преподобного Сергия Радонежского II и III ст.; благоверного князя Даниила Московского II степени; святителя Иннокентия Москов-

ского II степени; преподобного Андрея Рублева II степени, многими региональными, ведомственными, муниципальными и общественными наградами.

*С Президентом Российской Федерации
Владимиром Владимировичем Путиным*

Глава 10. На покое

В беседке

Архиепископ Амвросий сидел за столом в деревянной беседке во дворе своего дома, в который переехал, когда ушёл на покой. До этого в доме жила его сестра Екатерина, перебравшаяся к нему в Иваново после смерти мужа. А сейчас и она перешла границу вечности. Владыка вспоминал, как много уже дорогих его сердцу людей он проводил в путь всей земли. И не только тех, кто был его старше, но и тех, кто был моложе...

В беседку зашла монахиня Анастасия – одна из тех, кто помогал ему по хозяйству. Она в своё время приехала к нему из Екатеринбурга за духовным советом, да так и осталась в Иваново. Вопрос, с которым тогда ещё Зоя, поехала в далёкий незнакомый город к незнакомому ей архиерею, был и правда непростым. В 1998 году врачи поставили ей неутешительный диагноз – рак лёгких четвёртой стадии. Назначили химиотерапию, но после первого же приёма препаратов женщина облысела, и отказалась дальше продолжать такое лечение. Но как быть – тоже не знала. И в это время она встретила со своей знакомой – монахиней Сергией, которая была родом из Екатеринбурга, но переехала в Иваново, помогала в епархиальном управлении по хозяйству. Когда Зоя поделилась с ней своей бедой, та ей сказала: «Я договорюсь с владыкой Амвросием, чтобы он с тобой поговорил. Как скажет, так и поступай, и всё хорошо будет». А на другой день принесла ей номер телефона и сказала: «Он ждёт твой звонок». Зоя начала набирать номер, а на по-

следней цифре остановилась. И на второй день также, и на третий. Не может набрать и всё... А на четвёртый день монахиня Сергия к ней пришла, спрашивает: «Звонила?» – «Нет». Тогда монахиня сама начала набирать номер. «Да о чём я с ним буду говорить, никогда с такими людьми не разговаривала», – пыталась отнекиваться Зоя. «А тебе и не надо ничего говорить, – он сам всё скажет». А архиерей сказал ей только: «Матушка, а вы приезжайте ко мне в Иваново, мы здесь и поговорим». «Странно как он меня назвал – матушка», – удивлённо поделилась Зоя с Сергией. А та ответила: «Ну, владыка знает что говорит. А я вот как раз в Иваново собираюсь, поехали со мной».

При встрече архиерей сказал Зое, что она правильно почувствовала и отказалась от химиотерапии, и посоветовал, чтобы она молилась, и он тоже будет за неё молиться. Чтобы причащалась каждую неделю, каждый день натошак принимала просфору, артос, святую воду. Зоя послушалась его, и болезнь отступила. Когда она уезжала из Екатеринбургa, онколог сказал ей: «Ты просто не понимаешь, что делаешь. Тебе без лечения жить осталось два месяца». Она ответила: «Как Бог даст». Через год приехала к нему – всё нормально, опухоль не растёт, ещё через год также. На третий год при больнице храм открыли. А в 1999 году архиепископ Амвросий постриг Зою в монашество с именем Анастасия, о чём она втайне уже давно мечтала; почему и удивило её его обращение «матушка» при их первом телефонном разговоре. Так и осталась ему помогать, и когда он был управляющим епархией, и после его ухода на покой.

– Владыка, вот я вам сыр принесла и лимон к чаю, – поставила тарелки на стол монахиня Анастасия.

На столе стоял большой самовар, рядом с ним заварочный чайник, несколько чашек с блюдцами.

– Спасибо, матушка, – кивнул ей владыка, налил себе в чашку чай и, сделав глоток, сказал, улыбаясь:

– Вот, что-то вспоминается прошлое, те, кто ушли... помните отца Иннокентия?

Слева направо: архиепископ Амвросий, архимандрит Никандр (Шамов), иеродиакон Николай (Яковлев)

Архидиакон Иннокентий был старшим братом иеродиакона Николая, который на протяжении многих лет был келейником архиепископа Амвросия, его ближайшим помощником и после ухода на покой. Ещё ему сейчас помогал архимандрит Никандр – настоятель Ильинского храма города Ива-

нова, в котором владыка, и выйдя на покой, иногда служил – обычно в Великий пост Пасхи воскресными вечерами и читал канон преподобного Андрея Критского на первой седмице поста. Служить Литургии у него уже не хватало здоровья. На небольшой мансарде дома владыки был маленький домовый храм, в котором Литургии служили разные священники, но чаще отец Никандр, а архиерей молился во время них. На престоле были запасные дары, которыми он причащался, когда не было Литургии в этом храме.

– Да, владыка, конечно, как его не помнить, очень жаль: такой молодой ушёл, – грустно ответила монахиня.

Архидиакон Иннокентий, и правда, рано умер: ему всего сорок семь лет было. Сидел на лавке в коридоре епархиального управления, тяжело дышал, а утром его нашли уже остывшим... Он вместе с братом иеродиаконем Николаем занимался хозяйством в епархиальном управлении, так десятки лет было, казалось, что они всегда будут рядом с архиепископом Амвросием, но жизнь отца Иннокентия так внезапно прервалась...

– А помните, матушка, как вы с ним первый раз встретились? – улыбнулся архиерей, отвлекаясь от печальных мыслей.

– Конечно, владыка. Помню, как приехала первый раз в епархию, а проход к вам в покои через канцелярию. Захожу и вижу отца Иннокентия. А мне матушка Иннокентия говорила, что владыка высокий, статный. Смотрю на него и думаю: «Надо же какой представительный солидный священнослужитель, наверное, это и есть владыка». Бух перед ним на колени. А он засмеялся и сказал, что не

только не архиерей, но и не священник, и падать перед ним ниц не стоит...

Архиепископ засмеялся:

– Значит, отец Иннокентий больше был похож на архиерея?

– Нет, владыка, – смутилась монахиня, – просто я к вам в покои, когда первый раз зашла, – вижу, сидит седовласый благородный мужчина в подряснике, а на подряснике заплатки, вот и не могла подумать, что вы это вы...

– А помните отца Николая Винокурова? – спросил владыка.

– Он ведь уже редко бывал в епархии, когда я приехала, но помню, конечно.

– Да, он не выдержал нагрузки нового времени, а может, и прошлые тяготы сказались, вот заболел. У него произошло кровоизлияние в головной мозг. Очень долго пролежал в больнице. Доктора говорили, что нужно три года постоянного покоя, чтобы как-то произошёл процесс восстановления. Тяжело было смотреть на него – в моей памяти быстрого молодого человека, который легко ходил, а теперь передвигался только с палочкой и выглядел совсем немощным. Но отец Николай и на одре болезни оставался истинным пастырем Церкви Христовой и человеком Божиим. Когда он стал поправляться, то сразу начал служить, правда, с помощью. Даже проповедовал с амвона. Народ его всегда очень любил. Да и невозможно было его не любить, потому что он был удивительно добрый и честный, любвеобильный человек. У него было какое-то внутреннее духовное зрение, и он понимал внутренний мир каждого человека. И радовались все, что он в какой-то мере стал поправляться. Но

потом случилось просто непоправимое. Пришлось нам потерять дорогого отца Николая.

– Да, владыка, отец Никон рассказывал, что поехал на одно из подворий своего Николо-Шартомского монастыря в честь Сергия Радонежского. В этом же районе жил и отец Николай. И проезжая мимо автобусной остановки, увидел, что там сидел отец Николай. На обратном пути он остановился, они тепло встретились, и батюшка сказал ему: «Нам с тобой обязательно нужно прочитать «Богородица Дево, радуйся». А там даже не было площадки, на которой можно было бы оставить машину, поэтому отец Никон остановился прямо на трассе и включил «аварийку». Они трижды обошли машину с молитвой, после чего отец Николай благословил его на дорогу: «Ну, вот, теперь потихоньку езжай с Богом, и все будет хорошо». А через некоторое время именно на этом месте он погиб. Батюшка стоял около остановки. И в этот момент за кем-то гналась полиция, преследуемая машина стала неуправляемой и на огромной скорости устремилась прямо на отца Николая. Все разбежались, а батюшка остался на своём месте, так как из-за болезни его движения были скованы. Он смотрел в глаза своей смерти, но не смог ей противостать...

– Там не так уж близко до подворья, – задумчиво сказал владыка. – Да, отец Николай очень любил молиться, и всех старался к молитве приобщать. Отец Никон всё торопится по делам, вот он, наверное, и напомнил ему, что за попечениями житейскими не надо забывать о едином на потребу... Впрочем, он и не забывает.

Монахиня промолчала.

– Наверное, уже народ меня ждёт? – спросил архиерей, отвлекаясь от воспоминаний.

– Да, владыка, четверо сегодня, – кивнула монахиня Анастасия.

– Ну, пусть тогда через пять минут первый кто по очереди заходит.

Посетители

Беседка, в которой пил чай владыка, находилась между двумя домами: каменным, в котором жили он и отец Николай, и небольшим деревянным, купленным некоторое время назад у наследников умерших соседей, в котором жили помогавшие по хозяйству монахини Сергия и Анастасия. В этом же домике иногда оставалась переночевать монахиня Ксения, которая почти каждый день по несколько часов читала архиерею разные книги. Он и в старости очень живо всем интересовался, у него совершенно не было равнодушия к окружающей его жизни, которое часто бывает у старых людей. В доме, где жили монахини, иногда ждали приёма посетители. В нём владыка и соборовал некоторых своих духовных чад Великим постом. Даже удивительно, как в это небольшое помещение вмещалось более тридцати человек, приходивших на эти соборования. Среди соборовавшихся были и священники, которые помогали архиерею совершать таинство. В этом же доме архиепископ принимал посетителей, когда было холодно; в беседке, хотя и застеклённой, находиться было невозможно.

Практически каждый день к нему приходили люди – кто на исповедь, кто на духовную беседу. Архиерей никому не отказывал, хотя и неважно себя чувствовал. Утром он обычно долго молился, по-

том шёл в ванную комнату. В первые годы пребывания на покое уже после завтрака начинал принимать посетителей; со временем, когда болезни обострились, начинал приём в середине дня. Ему очень многие звонили, даже те, кого он и не знал.

Однажды он снял трубку и не мог понять, кто звонит, спросил: «А вы кто?» – «А мы старообрядцы с Рогожского кладбища». – «Так, а я к вам какое отношение имею?» – «Владыка, вы для нас большой авторитет, поэтому и спрашиваем». Он удивился, но ответил, внимательно выслушав суть вопроса: «Ну, если авторитет, то поступить надо так...»

Иногда люди очень беспокоились во время встреч с ним, а он говорил: «Не переживайте так сильно, у Бога всё равно уже всё решено». И ещё говорил: «Бог Своих не оставляет».

Другой звонок был из Австралии. Архиерей удивился: «А вы-то как обо мне узнали?» Но знали и помнили его самые разные люди по всему земному шару. Очень редко выезжавший из Иванова, он своей молитвой и любовью к людям стал центром притяжения для тысяч самых разных людей. Но не все его любили, кто-то распространял о нём и клеветнические слухи, к чему он относился спокойно: подобного много было на его веку.

Иногда священники приходили жаловаться на нового управляющего епархией – епископа Иосифа, который видел систему епархиального руководства совсем иначе, чем его предшественник, и своё видение достаточно жёстко проводил в жизнь. Архиепископ Амвросий сочувствовал своим духовным чадам в их трудностях, но критику в адрес нового управляющего епархией не поддерживал. «Мне непра-

вильно было бы как-то комментировать его действия», – говорил он.

Наедине с собой владыка думал о том, как интересно устроена жизнь. Губернатор Владимир Ильич Тихонов, который везде позиционировал себя как коммуниста и атеиста и которого некая группа лиц активно пыталась сделать врагом архиерея, стал ему другом.

А пришедший после него губернатор Михаил Александрович Мень, сын известного священника, представлявший себя православным, по некоторым сведениям, ездил к патриарху Алексию с просьбой, чтобы в Иваново сменили архиерея. А потом, когда владыку Амвросия отправили на покой, вышел с инициативой, чтобы сделать архиепископа почётным гражданином Ивановской области, а при встрече обнял и расцеловал его... «С неверующими часто бывает проще, чем с верующими», – улыбнулся своим воспоминаниям архиерей.

С губернатором Ивановской области В. И. Тихоновым

Встреча с губернатором Ивановской области М. А. Менем

Но у него были и другие воспоминания, связанные с его уходом на покой. Когда ему исполнилось 75 лет, то, как положено по уставу Русской православной церкви для архиереев, он написал рапорт патриарху о почислении его на покой. И получилось так, что около двухсот пятидесяти священнослужителей епархии, больше десяти тысяч прихожан, даже руководители других религиозных конфессий, действовавших на территории региона (мусульманской: иудейской и баптистской), они написали письма патриарху с просьбой благословить архиепископа Амвросия на продолжение его служения. И он прослужил почти полтора года после того, как ему исполнилось семьдесят пять. Возможно, прослужил бы и дольше, если бы не желание некоторых лиц видеть на его месте молодого и современного архиерея.

В 2011 году произошло «разукрупнение» Иваново-Вознесенской и Кинешемской епархии. Вместо одной епархии стало три: Иваново-Вознесенская и Вичугская, Шуйская и Тейковская, Кинешемская и

Палехская. Все они вошли в состав Ивановской митрополии, главой которой стал возведённый в сан митрополита владыка Иосиф. Шуйским епископом стал архимандрит Никон (Фомин), Кинешемским – игумен Иларион (Кайгородцев). Обоих их архиепископ Амвросий рукополагал, постригал в монашество. Иногда архиереи митрополии приезжали к нему все вместе, но это были скорее протокольные встречи. А вот епископ Иларион иногда приезжал и за духовными советами. Он ездил к нему и до своей архиерейской хиротонии, будучи настоятелем монастыря. Перед заседанием синода, на котором должен был решаться вопрос о его рукоположении, приезжал взять благословение. Став епископом, сказал владыке Амвросию: «Я не знаю, как сложилась бы моя дальнейшая судьба, если бы не вы. Через вашу любовь я пошёл на это служение. И благодаря вам знаю, с кого мне брать пример».

Слева направо: митрополит Иосиф, архиепископ Амвросий, епископ (в настоящее время митрополит) Никон, епископ Иларион

Архиепископ Амвросий, будучи на покое десять лет, принимал людей практически до последних дней своей жизни.

«Господь – Пастырь мой»

Архиерей, лёжа на кровати в своём доме по памяти читал 22-й псалом: «Господь пасет мя, и ничтоже мя лишит. На месте злачне, тамо всели мя, на воде покойне воспита мя. Душу мою обрати, настави мя на стези правды, имене ради Своего. Аще бо и пойду посреде сени смертных, не убоюся зла, яко Ты со мною еси: жезл Твой и палица Твоя, та мя утешиста». «А в русском переводе не "Господь пасет мя", а "Господь – пастырь мой", – подумал архиепископ Амвросий.

В комнату зашёл отец Никандр. Когда-то владыка сам крестил его в домовом храме епархиального управления, потом рукоположил в сан диакона, через год в священника, совершил монашеский постриг. Совсем молодым назначил его настоятелем только что переданного Церкви Ильинского храма в Иванове. А теперь, когда архиерей был на покое, архимандрит Никандр ему помогал.

– Молитесь, владыка, я помешал вам? – спросил священник.

– Я всегда молюсь, – слабо улыбнулся архиепископ.

– Да, я всё удивлялся, как вы выстаивали длинные службы, уже когда заболели, говорили: "Для меня самое главное – это молитва. Когда я прихожу на службу, то забываю про свои болезни".

– Ну, это не моя заслуга. Просто Господь так давал. А сейчас вот они не дают о себе забыть, и сил идти на службу нет...

– Что вы читаете, владыка? – спросил отец Никандр, посмотрев на книгу, лежащую на столе.

– Ксения что-то читает иногда, сейчас уже не каждый день. Сейчас много выходит книг, разных поучений. Но люди отвергают самое главное. Они читают Евангелие, но не вчитываются. А это книга, в которой всё написано. Только читайте её внимательно, с рассуждением, и Господь всё откроет... А его и Псалтирь я по памяти читаю...

Недавно архиерею провели интенсивную терапию, которая помогла остановить развивающуюся гангрену, создающую реальную угрозу ампутации ноги. Его лечение организовал отец Агафангел. У владыки было много болезней – и сахарный диабет, и венозная недостаточность, и проблемы со зрением, и больная спина, но он не любил обращаться со своими проблемами к докторам, делая это только в крайнем случае, когда боли становились нестерпимыми. Поскольку с игуменом Агафангелом у него сложились очень доверительные отношения, многие проблемы, связанные со здоровьем, он мог доверить именно ему.

– Как вы себя чувствуете, владыка? – спросил отец Никандр.

– Спасибо отцу Агафангелу, по милости Божией, ногу удалось сохранить. Но моё земное время, похоже, уже заканчивается...

Архиепископ Амвросий скончался 8 ноября 2016 года.

– Он до последнего дня думал о других. На 8 ноября – день своей кончины – назначил встречу болящей монахине Александре, то есть в прямом смысле до последнего дня своей земной жизни нёс то служение, к которому был призван, не думая о том, насколько сам болен. Владыка никогда не жил

для себя, не думал о себе, – сквозь слёзы вспоминала монахиня Ксения, стоя у гроба.

Преображенский кафедральный собор, в котором состоялось отпевание владыки, был переполнен народом. Казалось бы, что уже десять лет архипастырь на покое, многие ли его вспомнят, но пришло множество самых разных людей. Отпевали архиепископа Амвросия после Литургии. Проститься с ним приехали и многие архиереи, которых он в своё время рукополагал в священный сан или на чьё духовное становление оказал большое влияние. Кому-то из них пришлось для этого преодолеть расстояние больше, чем в тысячу километров, а кому-то, служившему на дальних рубежах России, и в несколько тысяч километров. Службу и отпевание возглавил митрополит Иваново-Вознесенский и Вичугский Иосиф. Пришли губернатор, член Совета Федерации, председатели областной и городской думы, глава города Иванова. Гроб с телом почившего архипастыря был обнесен вокруг Преображенского храма. Затем его перевезли к Петропавловскому храму на кладбище в местечке Балино в черте города Иванова, где состоялось погребение. Место отпевания и погребения были избраны в соответствии с волей владыки Амвросия.

Место погребения архиепископа Амвросия, на котором установлен памятный крест, стало тем местом, куда часто приезжают не только его духовные чада, но и православные верующие из разных регионов России.

Кузьмичёв Александр Станиславович
председатель Ивановской городской Думы

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вы закончили чтение необычной книги, где в художественной форме передан сложный жизненный путь архиепископа Амвросия (Щурова), который управлял Ивановской и Кинешемской епархией почти 30 лет с (1977 по 2006 год). Он скончался 8 ноября 2016 года, но память о нём, становится всё более значимой для многих людей; его духовное наследие ещё только предстоит осмыслить.

Из личного общения с архиепископом Амвросием мне запомнилась его глубочайшая интеллигентность. Это был очень светлый и добрый человек, который одним своим видом, присутствием вселял в людей уверенность. Владыка Амвросий обладал даром притягивать разных людей. Тогда мы не задумывались, что владыка, встав на путь служения Церкви в очень сложное боготорческое время, сталкивался с трудностями, которые создавали

ему и власть предержажшие, и многие другие. Но он сумел через всю жизнь пронести и сохранить доброту и любовь к людям.

У владыки был особый характер: внешняя мягкость в общении сочеталась с твёрдым внутренним стержнем, при поверхностном общении не всегда заметным, но позволяющим решать сложные вопросы развития церковной жизни на территории епархии. Удивительное сочетание доброты и твердости в отстаивании интересов веры, прав священнослужителей, своей паствы. Добрый и мудрый архипастырь, в очень сложные времена сумевший организовать жизнь своей епархии, способствовал развитию духовной жизни региона. Восстановление многих поруганных храмов стало возможным именно благодаря служению владыки Амвросия.

Единственный священнослужитель, ставший Почётным гражданином Ивановской области и города Иванова, который в высшей степени достоин этих наград. В 1990-е годы Ивановская епархия не только несла миссионерское служение, но и оказывала помощь малоимущим, проводила мероприятия, связанные с поддержкой пожилых людей, и это заслуга владыки Амвросия. Для многих жителей нашего города владыка является примером служения церкви и Отечеству. В сложные 1990-е годы архиепископ Амвросий мог найти общий язык с самыми разными людьми, которые в то время находились у власти. Обладая талантом руководителя, он умел находить точки соприкосновения с людьми разных взглядов, в том числе политических и религиозных. Каждый человек, который встречался с архиепископом Амвросием, был настроен на разговор с очень добрым и светлым человеком. Но при этом еще раз хочу подчеркнуть, что владыка не

был «добренским»: он был твёрд в принятии решений, но эта твёрдость всегда сопровождалась благожелательностью к человеку, которому, даже если ему приходилось в чем-то отказать или принять какое-то административное решение. Основным качеством архиепископа Амвросия была любовь к людям.

Будучи главой администрации города Иванова, я часто навещал владыку, когда он уже был на покое. Помню, в 2010 году, когда у него было восьмидесятилетие, очень долго говорили. Общались и раньше, когда я 1990-е годы работал в Ивановском районе, а он был управляющим епархией. Как прихожанин Преображенского собора могу сказать, что службы с его участием всегда запоминались красотой и торжественностью, на них была совершенно особая атмосфера, много было рукоположений священнослужителей. У него было желание помочь каждому человеку. При общении со мной, когда я был главой администрации, он живо интересовался проблемами города, внимательно слушал, давал духовные советы; чувствовалось, что он молится за жителей нашего города, области, страны. Думаю, и сейчас находясь в Царствии Небесном, дорогой владыка молится за всех нас.

Благодарю автора книги члена Союза писателей России, доктора исторических наук А. А. Федотова, взявшего на себя труд по её написанию. Понимаю, насколько это непросто: передать жизненный путь архиерея в контексте развития исторических событий, переплетения его судьбы с судьбами других самых разных людей той эпохи, в которую он жил и проходил своё служение, чтобы это было интересно читателям. Сложно давать оценку за всех, кто прочитает эту книгу, просто

приведу цитаты из откликов первых прочитавших её ещё в рукописи:

«Это очень интересно! Пишите! Это и нужно, и чисто по-человечески ничем не заменимо. Подробности искренние и значимые, отношение автора именно такое, какое должно быть: понимание темы события изнутри. Зачитался, чуть не опоздал на работу. Столько интереснейшего материала!! Эта книга просто нужна! Очень. С фото ещё ярче, интереснее и живее».

«Если даже будут упрекать за "лишние подробности" в повести, никто не упрекнёт, что это неинтересно. Епископ Варнава (Беляев) писал жития святых и подвижников благочестия как приключенческий роман. И мотивировал это тем, что постсоветская молодежь, для которой он старался, будет ленива к чтению, и читать будет только что-то очень интересное».

«Получается очень достоверно и захватывающе. Это очень нужно – показать, какое сложное время было, а владык забыли и очень хорошо их вспомнить и оставить память о них. Я, лично, зачитываюсь, и веет той эпохой, в которую все происходило».

Говоря о владыке Амвросии, мы должны помнить, какими сложными были годы его жизни и служения. В основном он лично общался с людьми, и именно своим примером многим помог прийти к Богу. Это святой человек, который как магнит притягивал к себе людей, находившихся на пути духовных исканий, в тот непростой период. Его доброта и любовь к людям понятны и верующим и неверующим. Сегодня мы особенно заинтересованы в том, чтобы память о владыке жила, как можно больше людей могли узнать его жизненный путь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Выбор жизненного пути	3
Крещение	3
Поступление в семинарию	11
Глава 2. Целибат	18
В семинарии	18
Разговор друзей	28
Диаконская хиротония	32
Священник	39
Глава 3. Молодой иеромонах	46
Приезд в Толпыгино	46
Настоятель	52
Сирень	56
Изнанка духовного мира	58
Монашеский постриг	61
Глава 4. Смена архиереев и закрытие храмов	65
Архиепископ Венедикт	65
Епископ Роман	72
Архимандрит Леонтий	76
Закрытие храмов	80
Усиление атеистической пропаганды	85
Воронцово	89
Глава 5. Преображенский собор	98
Последние годы в Толпыгино	98
Митрополит Антоний	102
Переезд в Иваново	106
Начало службы в соборе	110
Духовник	118
Рекомендация	120
Глава 6. Настоятель кафедрального собора	124
Епископ Поликарп	124
Архиепископ Феодосий	129
«Верующие»	140
Кончина патриарха Алексия I	145

Поместный собор 1971 года	150
Мама	156
Глава 7. Призвание к архиерейскому служению	159
Архиепископ Иов	159
Отец Алексей	165
Духовенство собора	170
Избрание	177
Глава 8. Епископ	183
Наречение	183
Хиротония	192
Духовенство	200
Иподиаконы	204
Певчие	210
Глава 9. Церковное возрождение	215
Разговор за чаем	218
Встреча в облисполкоме и в архиве	225
Новая реальность	233
Михаил Иванович	240
Врачи души и тела	247
Почётный профессор	254
Глава 10. На покое	254
В беседке	254
Посетители	260
«Господь – Пастырь мой»	265
А. С. Кузьмичёв <i>председатель</i>	<i>Ивановской</i>
<i>городской Думы</i> ПОСЛЕСЛОВИЕ	268

Литературно-художественное издание

Федотов Алексей Александрович

ВЛАДЫКА

Историческая повесть

В книге использованы материалы и фотографии из личного архива А. А. Федотова, сайта «Архипастыр» <http://arhipastyr.tilda.ws/>; группы «В контакте» «Ивановская епархия в лицах» <https://vk.com/club204520430>.

ISBN 978-5-6052037-6-6

Корректор О. А. Кручинина
Формат 60x84/16. Уч.-изд. л. 8,5. Тираж 100 экз.
Отпечатано АО «Информатика»
г. Иваново, ул. Ташкентская, д. 90.